

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
НАУЧНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ВЫПУСК 9

НАЛЬЧИК • 2019

УДК 902(470.6)+39(470.6)
ББК 63.48(235.7)+63.529(235.7)
А 87

Редакторы:

Бгажноков Барасби Хачимович
доктор исторических наук

Фоменко Владимир Александрович
кандидат исторических наук, доцент

А – 87 Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Выпуск 9. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел КБИГИ, 2019. – 120 с.

Тематический сборник включает в себя статьи, разрабатывающие актуальные вопросы археологии и этнологии Северного Кавказа. В издании публикуются материалы древних и средневековых памятников Северного Кавказа, а также региональные этнологические исследования; рассматриваются проблемы средневековой истории народов Кабардино-Балкарии и сопредельных регионов.

Издание рассчитано на научных и музейных работников, преподавателей, краеведов, широкую аудиторию читателей.

На обложке изображение серебряной рельефной пластины из горита с золотыми накладками (Семибратний курган, № 2. Раскопки В.Г. Тизенгаузена, 1875–1876. Эрмитаж); на титульной странице – серебряный позолоченный фалар (курган у г. Кореновска, 1968. Краснодарский музей).

ISBN 978-5-91766-125-4

THE INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH –
AFFILIATED FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENTIFIC ESTABLISHMENT
“FEDERAL SCIENTIFIC CENTER “KABARDIAN-BALKARIAN SCIENTIFIC CENTER
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES”

ARCHEOLOGY AND ETHNOLOGY OF THE NORTH CAUCASUS

ISSUE 9

NALCHIK • 2019

UDK 902(470.6)+39(470.6)
BBK 63.48(235.7) + 63.529(235.7)
A 87

Editors:

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich,
Doctor of Historical Sciences

Fomenko Vladimir Aleksandrovich,
Candidate of Historical Sciences, assistant professor

A – 87 Archeology and ethnology of the North Caucasus. Collection of research papers. Issue 9. – Nalchik: Issuing office of KBIHR, 2019. – 120 p.

Subject collection includes articles developing topical questions of archeology and ethnology of the North Caucasus. Materials of ancient and medieval monuments of the North Caucasus and also regional ethnological researches are published in the issue. The problems of medieval history of people of Kabardino-Balkaria and adjacent regions are examined.

The issue is addressed to scientists, museum staff, lecturers, local historians, vast audience of readers.

There is a picture of silver relief lamination of gorytos with gold plate caps (Semibratniy mound № 2. Diggings of V.G. Tizengauzen, 1875–1876. The Hermitage Museum); there is a silver gilt plate (mound near Korenovsk town, 1968. Krasnodar museum).

ISBN 978-5-91766-125-4

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> (Нальчик). К вопросу о достижениях майкопской культуры	7
<i>Фоменко В.А.</i> (Нальчик). Вклад <i>И.М. Чеченова</i> в изучение домайкопских каменных стел Кабардино-Балкарии	25
<i>Кодзоев Н.Д.</i> (Назрань). Башенное поселение <i>Кязи</i>	33
<i>Бурков С.Б.</i> (Владикавказ). О неопубликованной монографии <i>В.А. Петренко</i> (сармато-аланские древности Чечни, историко-культурный аспект)	39
<i>Бурков С.Б., Фоменко В.А.</i> (Владикавказ, Нальчик). От проекта до его реализации. Рецензия на: <i>Савенко С.Н.</i> Воссоздание музея древностей под открытым небом в Пятигорске: научно-методические материалы к проекту	53
<i>Артамонов В.А.</i> (Москва). Западная Черкесия в военной политике России 1763–1864 гг.	63
<i>Джумагулова А.Т.</i> (Ессентуки) Ногайская феодальная знать на российской службе (на примере деятельности генерал-майора <i>Султана Менгли-Гирея</i>)	83
<i>Нефляшева Н.А.</i> (Москва). Ислам у западных черкесов.	93
<i>Кушхов Х.С.</i> (Нальчик). Один народ, одно имя	113

CONTENT

<i>Bgazhnokov B.H.</i> (Nalchik) Maikop culture and its achievements	7
<i>Fomenko V.A.</i> (Nalchik) I.M. Chechenov's contribution to the study of the premaikop stone steles of Kabardino-Balkaria	25
<i>Kodzoev N.D.</i> (Magas) Tower Kazi settlement	33
<i>Burkov C.B.</i> (Vladikavkaz) On the unpublished monograph of VA. Petrenko (Sarmatian-Alanian antiquities of Chechnya, historical and cultural aspect)	39
<i>Burkov C.B.</i> (Vladikavkaz), <i>Fomenko V.A.</i> (Nalchik)	53
<i>Artamonov V.A.</i> (Moscow) Western Circassia in the military policy of Russia 1763–1864	63
<i>Dzhumagulova A.T.</i> (Yessentuki) The nogai feudal nobility in the russian service (on the example of the activity of major-general sultan mengli-girey)	83
<i>Nefliasheva N.A.</i> (Moscow) Islam of the Western Circassians	93
<i>Kushkhov H.S.</i> (Nalchik) One people, one name	113

Б.Х. Бгажноков
(г. Нальчик)

К ВОПРОСУ О ДОСТИЖЕНИЯХ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Майкопская культура охватывает полуторатысячелетний период ранней и средней бронзы. Это была богатая, быстро развивающаяся, динамичная культура, впитавшая в себя древнюю культуру Передней Азии и Юго-Восточной Европы. По богатству, по художественной и исторической ценности артефактов она представляет собой выдающийся памятник мирового значения. Развиваясь в основном в пределах северокавказского региона и распространяя свое влияние далеко за пределы этого региона, майкопская культура, как показано в статье, оставалась в течение длительного времени одним из главных центров технологических и социальных нововведений, как на Кавказе, так и в прилегающих к Кавказу районах Европы и Переднего Востока.

Ключевые слова: Северный и Западный Кавказ. Передняя Азия, Юго-Восточная Европа, майкопская культура, майкопский звериный стиль, майкопская керамика, золотые и серебряные изделия.

1.

Майкопскую археологическую культуру, связанную с древним абхазо-адыгским населением Северного и Западного Кавказа, характеризуют крупные поселения на высоких берегах многочисленных рек и богатый инвентарь громадных курганов и курганных комплексов с захоронениями вождей, военных предводителей, жрецов.

В недавнем прошлом эту культуру датировали третьим тысячелетием до н.э.¹ По принятым сейчас уточненным данным майкоп обнимает длительный период позднего энеолита и ранней бронзы. Называют даты с 3900 по 2800 гг. до н.э.², с 3800/3600 по 3000 гг. до н.э.³ Вместе с тем, наиболее вероятной верхней границей поселений и погребальных памятников (курганов) майкопского типа считают середину III тыс. до н.э.⁴ В любом случае майкопская культура господствует и сохраняется в пределах Предкавказья в течение всего четвертого тысячелетия до н.э.

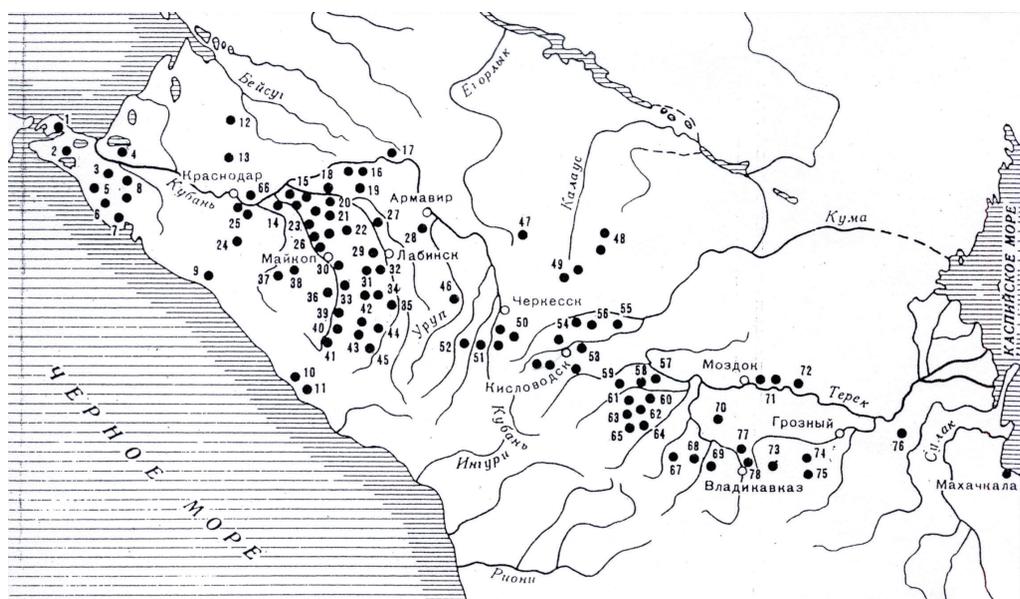
Среди наиболее значительных памятников Майкопской культуры справедливо называют Майкопский курган в Адыгее высотой 11 м при диаметре около 100 м., который датируют в одних случаях первой, а в других – последней четвертью IV тыс. до н.э.

Среди других важных центров этой культуры называют урочище Клады близ ст. Новосвободной с множеством богатых подкурганых гробниц, Долинское поселение близ Нальчика площадью 1500 кв.м. и еще более крупное Галюгаевское поселение 1 на среднем Тереке в 40 км к востоку от Моздока. Каждый из названных центров находится в окружении других аналогичных, хотя и не столь крупных памятников майкопской культуры: у ст. Костромской, Тбилисской, и др. – в Краснодарском крае, Горячеводской – в Ставропольском крае, близ ст. Усть-Джегутинской в

Карачаево-Черкесии, сел. Старый Лескен, Старый Урух, Чегем, Гунделен, Заюково и др. – в Кабардино-Балкарии, в окрестностях Владикавказа и Моздока – в республике Северная Осетия-Алания.

Аналогичные памятники найдены в предгорных и горных районах Ингушетии и Чечни, даже в Дагестане в непосредственной близости от Каспийского моря, что свидетельствует о взаимодействии в этом районе майкопской и куро-аракской культур.

Вопрос о том, откуда начала распространяться по Северному Кавказу Майкопская культура (с запада на восток или наоборот) остается пока открытым⁵. В то же время совершенно очевидна хронологическая и культурно-историческая связь артефактов Майкопской культуры с аналогичными находками в Северной Месопотамии на территории Ирака, Сирии, Восточной Турции. Это касается в той или иной степени всех изделий – из металла, керамики, камня, кости.

1. Памятники майкопской культуры.

Составил Р.М. Мунчаев (Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ч. 1. М., 1994. С. 171)

В отношении причин и характера очевидных связей Майкопской культуры с культурой Северной Месопотамии и Анатолии высказываются различные суждения. Самая простая версия сводится к тому, что инвентарь Майкопских памятников привозной – из различных районов Передней Азии. Она была опровергнута А.А. Иессеном, доказавшим, что на Северном Кавказе существовали самостоятельные очаги производства металлических изделий⁶. В работах Р.М. Мунчаева показано, что в общем списке изделий майкопской культуры процент привозных изделий минимален. А местное производство подавляющего числа находок не вызывает сомнений⁷. Допуская, что в III в. до н.э. на Северный Кавказ проникали и, возможно, оседали определенные группы жителей

из Месопотамии, он не склонен видеть в этом главную причину расцвета майкопской культуры. Такого же мнения Р.Ж. Бетров. По его словам, элементы переднеазиатской культуры распространялись на Северном Кавказе, главным образом, в процессе диффузии, а не переселения носителей этой культуры. Посредниками этих влияний могли быть племена Закавказья⁸.

Существует наряду с этим версия, согласно которой в V и затем IV–III тыс. до н.э. имела место миграция больших масс населения Передней Азии в Закавказье и на Северный Кавказ. Предполагается, что они распространили среди местного населения технологию и навыки производства всего спектра изделий Майкопской культуры, в том числе изделий из металла и керамики. Рассматриваются основные, наиболее доказуемые археологическими материалами пути, которыми пришельцы проникали в Предкавказье. Это, помимо Черного и Каспийского морей, перевалы Восточного и Центрального Кавказа и верховьев Кубани (Рокский, Мамисонский, Крестовый и др.). А на западном фланге Большого Кавказа Кодорский перевал⁹.

Среди причин миграции древнего переднеазиатского населения на Северный Кавказ называют обычно арридизацию в разные периоды различных районов Ближнего Востока (Ш.Н. Амиров). Но такая постановка вопроса заслуживает внимания и в той части, которая касается генетического родства народов Передней Азии с народами Кавказа. В том числе и в первую очередь, хатто-абхазо-адыгского родства, о чем будет сказано ниже.

Подчеркивается иногда, что майкопская культура появилась «внезапно» вдали от синхронных с ней ближневосточных центров цивилизации¹⁰. И столь же внезапно исчезла, ориентировочно в середине третьего тысячелетия до н.э. На самом деле майкопской культуре предшествовала домайкопская дарквети-мешоковская культура. Полагают, что она сформировалась в пятом тысячелетии до н.э. после притока на Северо-Западный Кавказ оседлого населения из Восточной Анатолии¹¹. Не исключено, что Мешоко и некоторые другие памятники энеолита на Северном Кавказе (поселения Мысхако, Пшада, Мешоко, навесы Хаджох, Дарквети, пещеры Уназоковская, Воронцовская, могильник Нальчикский и др.) подготовили развитие Майкопской культуры. В настоящее время поселение Мешоко на реке Белой представляют как древнейшую крепость Предкавказья¹², а ее жителей строителями знаменитого Майкопского кургана (местное название – Ошад), который датируют в одних случаях началом, а в других концом (последней четвертью) IV тыс. до н.э.

С другой стороны, в прямой связи с майкопской культурой находится новосвободненская культура. Главным ее отличием являются подкурганные захоронения в двухкамерных гробницах дольменного типа. Оставаясь почти во всех других отношениях дополнением, продолжением или развитием майкопской культуры, памятники новосвободненской группы отражают сложный процесс взаимодействия майкопских традиций с динамично развивавшейся дольменной культурой. И отсюда сложившееся в отечественной археологии под влиянием Е.И. Крупнова представление о майкопско-новосвободненской общности как о родственных протоадыгских племенах – создателях и носителях самобытной культуры раннебронзового века¹³.

Майкопская и дольменная культуры, пересекаясь во времени и пространстве, обусловили во многом характерные черты и специфику каждой из них¹⁴. Поэтому их необходимо рассматривать «в единой связке»¹⁵, не разъединяя, а сближая и объединяя носителей этих культур. Учитывая, что майкопские и дольменные памятники оставили родственные или тесно связанные друг с другом группы местного населения. Следует, одним словом, признать определенную степень внутреннего единства и преемственности майкопской культуры и культуры дольменостроителей. Богатая, быстро развивающаяся культура майкопа и не менее внушительная, величественная культура дольменов – это симбиоз двух наиболее важных атрибутов и образов энеолита и раннего бронзового века Кавказа.

Майкопские памятники и дольмены Кавказа невозможно представить в отрыве друг от друга.

2.

Впитав в себя лучшие достижения древних обществ Передней Азии (технология круговой керамики, обработку драгоценных камней и др.) и Юго-Восточной Европы (развитие металлургии и металлообработки), майкопская культура в короткий срок, уже в первой половине четвертого тысячелетия до н. э. заметно превзошла культуру других регионов Евразии. На Северном и Северо-Западном Кавказе сформировался социум, в котором элита обладала неограниченной властью и несметными богатствами.

Достаточно сказать, что в поселениях и курганных могильниках майкопа обнаружено свыше 7 тысяч высокохудожественных изделий из золота, около 1000 изделий из серебра¹⁶. Еще больше – десятки тысяч из высококачественной бронзы, керамики, полудрагоценных камней. Наибольшее число и наибольшая ценность этих находок приходится на курганные захоронения. Майкопские курганы являются фактически самыми большими в мире сооружениями такого рода. Под стать их размерам масштабы, богатство и художественная ценность вещей и предметов, содержащихся в этих сооружениях.

Самым большим таким сооружением является курган № 11 или «Серебряный» в Прикубанье, в урочище Клады. Достигая в высоту 12 метров, в диаметре 148 м, он включал в себя около 60 захоронений раннего бронзового века.

Но самым богатым оказалось упомянутое выше и открытое в 1897 г. Н.И. Веселовским захоронение в Большом Майкопском кургане (местное название Ошад) на окраине современного города Майкоп.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

Рис. 1. Золотые и серебряные изделия и рисунки из Майкопского кургана Ошад.

1, 3 – золотые фигурки бычков; 2 – золотая диадема (корона), которая венчала голову покойника; 4 – одна из множества штампованных золотых бляшек на балдахине; 5 – общий вид одного из двух серебряных сосудов; 6 – изображение медведя на горлышке серебряного сосуда; 7 – золотое ожерелье; 8 – многосоставные бусы с включением золотого и серебряного бисера.

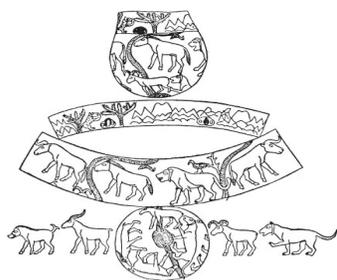
Артефакты майкопской культуры представлены множеством изысканных украшений, разнообразных фигур, затейливых рисунков. В их числе

штампованные бляшки, кольца, серьги, бусы, ожерелья, розетки, а также выполненные с большим мастерством изображения гор, рек, лесов, диких и домашних животных. Символами майкопской культуры стали найденные в курганных захоронениях и имеющие культовое значение фигурки и рисунки львов, леопардов, быков, туров, диких кабанов, лошадей, собак, птиц. Высоким качеством и изяществом отличается обнаруженный в Майкопском кургане древнейший первый в мире золотой головной убор с розетками из восьми лепестков – прообраз короны¹⁷ (Рис. 1, 2).

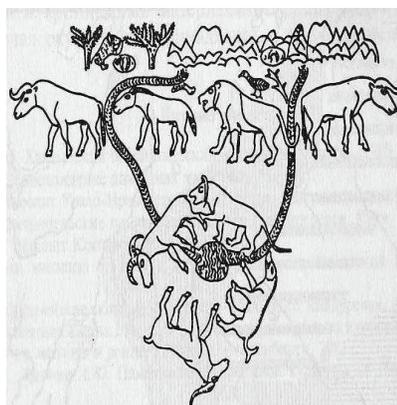
Всемирную известность получили два серебряных сосуда с великолепными рисунками гор, рек, морей, лесов, диких и домашних животных. Отображая основные черты и особенности дикой природы и культурного ландшафта Северного Кавказа, они позволяют в то же время представить характер сложившихся в майкопском обществе верований и культов.

Одним из центральных в религиозных верованиях майкопцев был культ Кавказских гор и возвышающихся над цепью этих гор двух белоснежных вершин – Эльбруса и Казбека. В этом убеждают нас изображения на одном из двух серебряных сосудов, найденных в кургане Ошад, где отчетливо прорисованы и эти вершины, и Кавказский хребет в целом (Рис. 2). Культовыми объектами являются все другие изображения на этом сосуде: лес, медведь в лесной чаще, реки (Кубань и Терек), быки, лошади, туры, козлы, львы и птица, уютно расположившаяся на спине одного из них. Открывается поэтичная картина среды обитания майкопских племен: гор, предгорий и степей, флоры и фауны, рек и морей Кавказа и Предкавказья. Это воплощенный в сложном картографическом рисунке гимн природе и родному краю.

Согласно замыслу рисунка основой, источником внутренней силы, потрясающего великолепия и разнообразия природной жизни Северного Кавказа является орнаментально представленное на дне сосуда озеро, соединяющее в одно целое Кубань и Терек. Возможно, это символ мирового океана, из которого, согласно древней мифологии, рождается земля и все, чем она богата. Подобные представления были вполне естественны для людей, жизнь которых была тесно связана с морями: Черным, Азовским, Каспийским, Средиземным.

1.

2.

Рис. 2. Изображения на первом серебряном сосуде из майкопского кургана Ошад.

1 – общий вид сосуда; 2 – прорисовка изображений на горлышке и тулове сосуда.

Дополнением к природному ландшафту Северного Кавказа становились, вне всякого сомнения, величественные курганы, в которых хоронили майкопцы своих старейшин, военных предводителей, жрецов. Высота некоторых курганов достигала 10 и более метров при диаметре около 100 м и выше. Основания курганов окружались, укреплялись кольцом камней (кромлех). Но они не являются обкладками чисто технического назначения – крепидами и выполняют также определенные религиозно-магические функции. «Каменные круги-кромлехи отражают в себе культ солнца», – писал в этой связи И.И. Мещанинов¹⁸.

Известны также бескурганные грунтовые могильники, содержание которых соотносимо по многим признакам с майкопской культурой. Есть мнение, что они использовались для простых общинников¹⁹. В курганах, следуя данной логике, хоронили знатных людей – военных предводителей, вождей, верховных жрецов. Это сложные, четко спланированные монументальные сооружения, свидетельствующие о том, что майкопское общество было хорошо организованным и дисциплинированным, отличалось высоким развитием строительного дела и материального производства в целом. «Именно экстраординарные погребальные комплексы являются, – по словам В.М. Массона, – характерной чертой майкопской культуры или майкопской культурной общности»²⁰.

По всей видимости, высокий социальный статус усопших майкопцев было принято переносить на погребальные сооружения, на их масштабы. С другой стороны, это воспринималось и воспринимается, отчасти, даже сейчас как своего рода эпифеномен характерного для многих народов, в том числе для адыгов, культа гор и возвышенностей. Майкопские курганы, как и все другие древние сооружения такого рода, были, вне всякого сомнения, святилищами, центрами силы, прямо связанными не только с солярными культами, но и с культом мертвых. На это также указывал в своей известной работе о кромлехах И.И. Мещанинов. Ср.: «Курганы вырастали вовсе не потому, что погребение засыпалось землей, образуя довольно значительные холмы, а потому, что именно их сооружение требовалось особенностями данного культа. Умерший перекрывался холмом, т.е. подобием горы, следовательно, он приобщался к горе-небу, так как гора есть разновидность неба»²¹.

В недавнем прошлом у черкесов, проезжая мимо наиболее значительных курганов, полагалось сойти с коня и, повернувшись лицом к захороненным в нем людям, пожелать им «хорошей» счастливой загробной жизни. В Кабардино-Балкарии с таким пиететом и почтением относились, например, к кургану Ошхаца (Лесистый курган) близ селения Урвань. По свидетельству местных жителей, проезжая или проходя мимо Ошхаца, мужчины считали своим долгом остановиться и, став на колени, сделать намаз, помолиться²².

Рис. 3. Курган Ошхаца близ селения Урвань в Кабардино-Балкарии.

Ореол святости и таинственной силы курганов внушал людям любовь, уважение, страх. Поэтому на кургане запрещалось косить траву, рубить деревья, сквернословить. Кощунством считалось пытаться проникнуть в овеванную легендами тайну содержимого кургана, делать подкопы, пытаться заглянуть внутрь громадной насыпи. Использование в хозяйстве, в быту травы, деревьев, камней или каких-либо других предметов, принесенных с кургана, запрещалось под страхом наказания высших сил, обителью которых считался этот курган.

С культом курганных могильных сооружений связано также их название в адыгских языках – *Иуащхьэ*. Второй элемент данного слова *щхьэ* является обозначением верха, высоты, а первый *Иуэ* соотносим с такими значениями как «речь», «клятва», «просьба», «молитва».

Перед нами, иначе говоря, сложное слово, в котором выражается идея высокой значимости погребенных и возвышенной просьбы или молитвы за упокой и благоденствие их душ. Видимо, такие молитвы при большом скоплении народа совершались на кургане, как во время похорон, так и во время поминок. Нас убеждает в этом тот факт, что на вершинах наиболее крупных майкопских курганов почти всегда имеются просторные и ровные площадки, удобные для коллективных молений и жертвоприношений. Об этом свидетельствуют также остатки кострищ, костей жертвенных животных, битой керамики на этих площадках. Например, такую площадку можно увидеть и сейчас на вершине Большого Кишпекского кургана в Кабардино-Балкарии, на кургане «Серебряный» в Адыгее, на вершинах других аналогичных памятников майкопской культуры.

С другой стороны, древние и средневековые курганы становились составной частью праздничной и религиозной культуры адыгов. Обычно в апреле у подножья этих курганов проводились всенародные праздники первой (весенней) травы *удзытэ тхьэлъэду*. Устраивались коллективные трапезы, танцы, скачки. Детям раздавали приготовленные заранее сладости.

3.

Майкопская культура является в некотором отношении продолжением традиций Балкано-Карпатской металлургической провинции второй половины V тысячелетия до н.э. Ярким отображением этой неолитической культуры стала, как и в случае с Майкопским курганом, богатая коллекция золотых изделий Варнинского могильника середины V тысячелетия до н.э.²³.

Как на Балканах, так (спустя несколько сот лет) и на Северном Кавказе, обилие золота в погребальных сооружениях ассоциировалось символами власти, которыми обладали при жизни захороненные с такими почестями люди, свидетельством коренных социальных изменений в обществе²⁴.

По-видимому, в обществе майкопа, как и во всех других древних и средневековых обществах золото и серебро рассматривались, кроме того, в качестве атрибута двух главных культов – солнца и луны. «Золото – это солнце, а серебро – это слезы луны», – говорили инки. Не исключено, что под влиянием ассоциативной связи власти, солярных культов и драгоценных металлов уже в ту далекую эпоху родилась идея «солнечно-лунного» происхождения местной северокавказской (протоабхазо-адыгской) знати. Впоследствии она была воспринята и затем широко и разнообразно использована в Египте в странах и государствах Ближнего Востока. Достаточно в этой связи сравнить хорошо описанные Эд. Майером египетские, хеттские, древнеиранские царские гербы и титулы²⁵ с словесным разъяснением и наглядным представлением (оформлением) титула черкесских князей²⁶ с тезисом об их солнечно-лунном происхождении и гербом, в основе которого лежит солнечный круг.

Майкоп, вместе с тем, демонстрирует принципиально новую и во всех отношениях более развитую форму материального производства, в которой на смену меди впервые в мировой истории приходит бронза. Своеобразие этой, в основе своей скотоводческо-земледельческой культуры, заключается, по мнению специалистов, прежде всего в том, что в IV тысячелетии до н.э. племена Северного Кавказа развивают небывалое до этого собственное металлообрабатывающее производство. По уровню своего развития оно значительно превосходит металлообработку угасающей Балкано-Карпатской провинции и богатых, цивилизованных стран в Анатолии, Месопотамии, Египте²⁷.

Майкопская культура стала, по словам Е.Н. Черных, «прародительницей» и центром Циркумпонтийской металлургической провинции IV–III тысячелетий до н.э, охватывавшей громадное, населенное множество племен, пространство вокруг Черного моря²⁸. Помимо золотых и серебряных изделий важное место в курганных захоронениях занимают предметы из бронзы – сплава меди и мышьяка, заменяющего олово. Орудия труда и различные виды оружия из этого металла, изобретенного майкопцами в IV тысячелетии до н.э., оказались тверже и острее медных, что позволило майкопцам активно развивать земледельческое и скотоводческое хозяйство, охотничий промысел и военное дело. Высококачественная майкопская бронза, как показано специалистами, мышьяково-никелевая, полученная путем добавки в медь местной по происхождению мышьяково-никелевой руды – никелина²⁹.

Среди предметов из бронзы преобладают котлы, ножи, кинжалы, топоры, долота, мотыги, чаши, изделия напоминающие псалии. В изделиях из керамики помимо маленьких круглодонных сосудов и мисок обращают на себя внимание крупные пифосы (кубки) и чаны, напоминающие по форме и величине огромные сосуды ближневосточных теллей.

Рис. 4. Керамические сосуды

Встречается также груболепная посуда, которая была характерна и для предмайкопского периода. Но основная масса найденных в курганах и на поселениях керамических сосудов относится к типу круговой керамики с характерным для майкопской культуры «красно-оранжевым и красно-охристым цветом». Типичными для позднемайкопской керамики являются сосуды с округленным туловом и невысоким прямым венчиком, резко отогнутым наружу³⁰. Среди них особое место занимают сосуды с елочным и жемчужным орнаментом из Долинского поселения, поселения Мысхако и курганов у ст. Новосвободной. Жемчужный орнамент в виде выпуклин, опоясывающих одним, двумя или тремя рядами верхнюю часть тулова сосуда воспринимается при этом как характерная

черта не только майкопской, но и домайкопской культуры, свидетельство традиций, связанных с местным населением Северного Кавказа и трипольско-кукутенских общин.

По мнению Р.М. Мунчаева, гончарный круг и его идея проникли на Северный Кавказ (минуя Закавказье) из Месопотамии в результате Урукской экспансии на восток и северо-восток при участии в этом процессе (в качестве посредника) лейлатепинской культуры. Поэтому нет ничего удивительного в том, что майкопские керамические сосуды напоминают во многом аналогичные изделия Южной Месопотамии и не только по форме и размерам, но и по окраске, по характеру обработки поверхности. Кроме того, они сходны по форме и размерам, по окраске и характеру обработки поверхности с горшками из районов Северной Сирии и Анатолии, регионами также испытавшими влияние Урука³¹.

Отмечается вместе с тем, что применение гончарного круга для изготовления майкопских керамических сосудов было новшеством, которое распространилось (под влиянием майкопской культуры) в Восточной Европе и Закавказье³².

Вещевой материал майкопских поселений и курганов свидетельствует также о сравнительно развитом земледелии, в котором важное место занимало террасное земледелие. Террасовые комплексы майкопцев и сейчас имеются и хорошо видны в горах и предгорьях Северного Кавказа. У адыгов они известны под общим названием *джабэ нэКгу хьэсэ* – «посевные участки на лицевой стороне гор». Здесь находят в большом количестве остатки майкопской керамики наряду с значительно лучше сохранившимися фрагментами керамики кобанской культуры.

Строительство террасовых комплексов позволяет нам лучше представить уровень развития и возможности майкопских племен. Во-первых, это свидетельствует о том, что майкопцы были непревзойденными инженерами и мастерами. Во-вторых, позволяет сделать вывод о достаточно высокой численности и плотности населения, что, по всей вероятности, и побудило местных жителей использовать для земледелия не только степи Предкавказья, но также и предгорья. Следует отметить в этой связи и поразительную для древнейшего общества организованность, позволившую создавать эти сложные, масштабные и трудоемкие сооружения. По всей вероятности, это было оседлое население, прочно связанное с сельскохозяйственным производством, в котором огромное значение имело также придомное и отгонное скотоводство с умелым использованием альпийских лугов и обширных степей.

Рис. 5. Террасы на правом берегу реки Баксан близ сел. Заюково (Кабардино-Балкария).

Содержащиеся в захоронениях фигурки зверей и животных, их изображения на сосудах и на стенах дольменов, остатки костей этих зверей и животных позволяют предположить, что майкопцы были также искусными охотниками и скотоводами. Важное значение имело, по-видимому, коневодство. В центре и на первом месте картографического рисунка на серебряном сосуде не зря стоит лошадь. Скачущие лошади изображены также на плитах новосвободненских гробниц. Майкопские племена, возможно, были одними из первых, кто приручил быка и лошадь, подготовил условия для развития впоследствии всадничества и всаднической культуры.

Древнейшие медные и бронзовые «псалии», в виде стержней согнутых в спираль находят в большом количестве во всех майкопских захоронениях. Они выполняют здесь ритуальные, votивные функции, возможно, как символы одомашнивания быков и лошадей, как отображение власти человека над этими могучими, сильными животными. Отсюда сделанная недавно А.Р. Канторовичем находка в майкопском кургане близ станицы Марьинской на границе Ставропольского края и Кабардино-Балкарии черепов двух особей крупного рогатого скота с петлеобразными изделиями в носовой части³³.

Но в обычной жизни эти петли прикреплялись к носовой части быков и лошадей, соединяясь с поводьями, они служили приспособлениями для управления этими животными. Это свидетельствует, вне всякого сомнения, об одомашнивании быков и лошадей, о практиковавшейся в майкопском обществе верховой езде и езде на повозках, что подтверждается, кроме всего прочего, находкой остатков двух деревянных колес в кургане близ станицы Старокорсунской на Кубани. Они сделаны сравнительно недавно А.Д. Резепкиным и А.В. Кондрашевым и датируются ими второй половиной четвертого тысячелетия до н.э.³⁴ Колеса располагались на дне ямы в ногах погребенного подростка, который лежал в скорченном положении на правом боку с черепом, окрашенным охрой. По оценке А.Р. Мунчаева, Х. Баумера и других специалистов³⁵, археология имеет дело в этом случае с древнейшим погребением человека с по-

возкой, которому уступают по возрасту аналогичные погребения других культур.

О том, что одомашнивание лошади и верховая езда на лошади (в том числе с использованием тяжело нагруженных повозок) – это новшество, которое впервые было введено в IV тысячелетии до н.э. пастушеским населением понтийско-каспийской зоны, пишет также D.W. Энтони³⁶.

Судя по всему, в дальнейшем на основе этих достижений и изобретений майкопские племена и их потомки совместно с индоариями создали колесницу и колесничьи войска. Используя такое превосходство, черкесы и индоарии дошли с завоевательными походами до Ирана, Месопотамии и Индии, создали предпосылки для дальнейшего динамичного развития северокавказской культуры.

Можно предположить, одним словом, что традиции коневодства, основы которых были заложены еще в майкопскую эпоху, нашли затем продолжение и воплощение в культуре племен кобанского, протомеотского и меотского круга, в искусстве наездников средневековой Черкесии. В то же время они были восприняты народами Юго-Восточной Европы (индоариями) и совместно с ними перенесены на почву культуры древних народов Передней Азии, включая Анатолию. Отсюда понятие ранней транскавказской культуры 3000–2000 гг. до н.э.³⁷. Насколько я понимаю, она формировалась в Предкавказье. Распространяясь постепенно на юг, в Анатолию и Месопотамию, она передавала населению этих регионов новый для них опыт, в том числе и опыт ведения войн с использованием конницы и колесничьих войск.

Развитие военного дела у майкопских племен было тесно связано с военно-охотничьим промыслом и бытом высших прослоек общества. В их руках были сосредоточены власть и богатство. Поэтому, по всей вероятности, именно они, а не простые земледельцы и скотоводы, покоятся в майкопских курганах. С этим, как полагают, связана высокая значимость захоронений с различными видами оружия и военно-охотничьего снаряжения, с ценными предметами заупокойного культа. Касаясь этой стороны общественной жизни майкопцев, С.Н. Корневский приходит к выводу о том, что по насыщенности предметами охоты и войны майкопские погребения не имеют себе равных на Кавказе. В распоряжении местных племен были типы оружия по эффективности не уступающие даже оружию воинов государственного периода древнего Египта и Шумера (копья с бронзовыми наконечниками, бронзовые топоры, кинжалы).

В общем списке находок майкопской культуры широко представлены также детали оружия дальнего, среднего и ближнего боя или рукопашной схватки³⁸. Отмечается, что для дальнего боя использовались «прекрасно изготовленные» стрелы, эффективность которых обеспечивалась сложным и скорострельным луком. В боях на средней дистанции включались тяжелые копья с огромными бронзовыми наконечниками. К схваткам на ближней дистанции были приспособлены бронзовые кинжалы колющего и режущего действия с желобами-кровостоками, бронзовые и медные топоры, мечи. Особое внимание обращают на меч длиной 63,5 см, найденный А.Д. Резепкиным в погребении 31/5 могильника Клады. По мнению специалистов, это, как сказано выше, древнейший в мире меч, датируемый серединой IV тыс. до н.э.

4.

По богатству, по художественной и исторической ценности майкопская культура, как мы убеждаемся, представляет собой выдающийся памятник мирового значения. Развиваясь в основном в пределах северокавказского региона и распространяя свое влияние далеко за пределы этого региона, майкопская культура по оценке многих специалистов³⁹ оставалась в течение длительного времени одним из главных центров технологических и социальных нововведений, как на Кавказе, так и в прилегающих к Кавказу районах Европы и Переднего Востока. Поэтому на протяжении всего XX столетия к достижениям, к высокохудожественным изделиям майкопской культуры, к вопросам ее происхождения, этнической атрибуции и датировки было приковано внимание многих ученых, в том числе таких известных, как Г. Чайлд, А.М. Тальгрэн, А.А. Иессен и др.

Особое место среди них занимает имя Е.И. Крупнова. И прежде всего, как ученого, который впервые ввел само понятие майкопской археологической культуры, назвав ее так по имени города, на окраине которого в 1897 г. Веселовским был раскопан курган Ошад. В 1951 году в статье «Древнейший период в истории Кабарды» Е.И. Крупнов объединил под таким названием древние памятники Кубани и Терека⁴⁰, известные до этого как большие кубанские курганы⁴¹. Создателями и носителями майкопской культуры Е.И. Крупнов уже тогда считал племена, говорившие на языках абхазо-адыгской группы⁴².

Связывая майкопскую культуру с древним абхазо-черкесским населением Кавказа, он и в своих последующих работах – в монографии «Древняя история и культура Кабарды»⁴³, в программной статье «Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность» стремился воспроизвести целостную картину древнейшей истории Кавказа, его языков и культур. Майкопская культура соотносится в этой картине с абхазо-адыгскими языками, куро-аракская культура – с носителями нахско-дагестанских языков, а южнокавказские древности куроаракской культуры с носителями картвело-свано-занской группы языков⁴⁴. В свою очередь абхазо-адыгские языки, на которых говорили майкопцы, были, как выясняется сейчас, генетически связаны с хаттским языком древней Анатолии. Поэтому хаттский язык, стоящий особняком от других древневосточных языков, относят в настоящее время к абхазо-адыгской подсемье кавказской большой семьи языков⁴⁵.

Существование хатто-абхазо-адыгской (или «майкопско-анатолийской») культурно-языковой общности стало в настоящее время общим местом не только специальных трудов по древней истории евразийского континента, но и вузовских учебников. Например, в одном из учебников 1979 года по истории Древнего мира сказано, что «хатты или протохетты, говорившие на языке абхазо-адыгской группы» по всем данным были тесно связаны с Кавказом⁴⁶. Учебник по истории Древнего Востока, изданный в том же году содержит аналогичное разъяснение. Ср.: «К числу древних обитателей Малой Азии относятся жившие на востоке племена хаттов, или протохеттов. Анализ их языка указывает на его родство с абхазо-адыгейскими языками Кавказа. К этой языковой группе принадлежали, по-видимому, и племена кашков (касков), которые в XV–XIII вв. до н.э. активизируются на северо-востоке полуострова»⁴⁷.

Концепция абхазо-адыгского языка носителей майкопской культуры поддержана и обоснована недавно А. Касьяном в обширной и содержательной статье «Хаттский язык как сино-кавказский» (Hattic as Sino-Caucasian Language), в которой представлен подробный анализ специфики и основных проблем майкопской культуры, ее этнической и лингвистической атрибуции⁴⁸.

Хаттский язык майкопцев, согласно выводам автора, соотносится с северо-кавказской языковой семьей, в которую, помимо абхазо-адыгских языков включены и нахско-дагестанские, восходящие к прото-хурро-урартцам. Правда, исторически (не лингвистически) последнее утверждение не вполне согласуется с известным и всеми признанным, вслед за Е.И. Крупновым, положением о соотнесенности прото-хурро-урартских (нахско-дагестанских) народов и языков с куро-аракской (закавказской), а не майкопской (северокавказской) культурой⁴⁹. Об этом, кстати, пишет и сам А. Касьян. Но историю взаимодействия и взаимовлияния хаттского и хурритского языков, условия и обстоятельства формирования на этой основе северо-кавказской языковой семьи следует рассматривать все же конкретно исторически, то есть отдельно и без жесткой связи с проблемой языка, на котором говорили майкопцы.

Безукоризненна в концепции А. Касьяна, в любом случае, сама постановка совершенно очевидной соотнесенности майкопской культуры с древним, автохтонным населением Северного Кавказа. Чрезвычайно важны, сделанные в этой связи заключения об ошибочности распространенных в последнее время теорий, согласно которым майкопцы могут быть признаны индоевропейцами (М.Гамбитус и др.), объявлены семитоговорящими (Сафронов) и т.д.

Есть, таким образом, все основания считать, что создатели и носители майкопской культуры были одной из ветвей хатто-каскайской общности, что говорили они на языке абхазо-адыгской группы. Несмотря на трудности, связанные с этнической атрибуцией древних археологических культур, эта версия остается в настоящее время наиболее правдоподобной и предпочтительной.

Так, С.Н. Кореневский, критически оценивая возможность «безоговорочного» определения языка и этнической принадлежности носителей майкопской культуры, считает хаттско-абхазо-адыгскую версию менее уязвимой, чем выдвигаемые в последнее время индоевропейские, семитские и тюркские версии⁵⁰. В аналогичном свете представляет проблему Р.М. Мунчаев. Вслед за Е.И. Крупновым в майкопском населении он видит местный этнический массив, говоривший на западнокавказских – абхазо-адыгских языках. И дополнительно к этому допускает возможность тесной связи древнего абхазо-адыгского населения Кавказа с хаттским племенем кашков на северо-востоке Понта⁵¹.

Скептически отзываясь о некоторых старых и новейших гипотезах этнической принадлежности майкопцев, Р.М. Мунчаев пишет: «...получается, что в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе обитали и тюрки, и семиты, и индоевропейцы, т.е. представители всех крупных языковых семей, кроме кавказской. Действительно, где же жили в это время коренные народы Северного Кавказа, в частности абхазо-адыгские племена? Или они тогда вообще не существовали? В таком случае, когда они появились на Кавказе и откуда?»⁵².

О «логичной» связи майкопской культуры с «предками хаттов и касков-абешла» или черкесов и абхазов пишет также Л.С. Клейн⁵³.

Предполагается при этом, что майкопская культура, также как и ее носители («предки абхазов и черкесов») пришли на Северный Кавказ с юга, из Месопотамии. Я уже писал в данной связи, что едва ли правомерно излишне механистическое толкование процесса возникновения майкопской культуры, как занесенной на Кавказ пришельцами – физическими лицами, передавшими местному населению новые, неведомые до этого знания и навыки. Не вполне убедительны и попытки представить майкопско-новосвободненские памятники, как периферию удаленной части блока ближневосточно-кавказских или европейских культур⁵⁴. Рассуждения о «майкопцах-пришельцах», как правильно отмечает В.А. Фоменко, дезавуирует актуальную в настоящее время проблему связи майкопских древностей с северо-кавказским регионом, с культурной историей местного, автохтонного населения⁵⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // Советская археология. М., 1950, № 12; Он же: Майкопская культура и ее датировка. «Тезисы докладов на заседаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г.» М., 1962. С. 19–22.
2. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (Майкопско-новосвободская общность. Проблемы внутренней типологии). М., 2004. С. 64.
3. Iwanowa M. Kaukasus und Orient: Die Entstehung des “Maikop-Phanomens” im 4. Jt. v. Chr. // Praehistorische Zeitschrift. 2012, 87 (1). S. 10; Hansen S. Gold and silver in the Maikop Culture // Metalle der Macht – Frühes Gold und Silber Metals of power – Early gold and silver. Halle, 2014. P. 389.
4. Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Еще раз о Месопотамско-Кавказских связях в IV–III тыс. до н.э. // Российская археология, 2012. № 4. С. 40.
5. Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1994. С. 168.
6. Иессен А.А. К хронологии «Больших кубанских курганов» .
7. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975; Он же: Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии.
8. Бетров Р.Ж. Возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998. С. 77–78.
9. Корневский. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. М., 2004. С. 92.
10. Kassian A. Hattic as Sino-Caucasian Language // Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Surien-Palastinas herausgegeben von Manfred Dietrich und Oswald Loretz. Band 41. Ugarit-Verlag, Münster, 2010. P. 309–448.
11. Трифонов В.А. Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? // Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе. Санкт-Петербург, 2009. С. 92.
12. Столяр А.Д., Формозов А.А. Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа 1958–1965 гг. СПб, 2009.
13. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М.: Наука. 1957.
14. Бгажноков Б.Х. Кавказские дольмены: планетарные свойства и местные традиции // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 1. Нальчик, 2012. С. 4.
15. Мелешко Б.В. О финальной дате дольменных памятников Кавказа // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 224. М., 2010. С. 212–213.
16. Kohl P.L. The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge, 2007. P. 79.

17. *Корневский С.Н.* Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: ТАУС, 2011. С. 7. 336 с.
18. *Мещанинов И.И.* Кромлехи. Яфетидологический экскурс в область классического мира. Л., 1930 С. 20.
19. *Массон В.М.* Древние гробницы вождей на Кавказе (некоторые аспекты социологической интерпретации) // Кавказ и восточная Европа в древности. М., 1973. С. 65. 137 с.
20. *Массон В.М.* Майкопские лидеры ранних комплексных обществ на Северном Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). Санкт-Петербург: 1997. С. 65.
21. *Мещанинов И.И.* Указ. соч. С. 18.
22. *Бекулов Х.М.* Ошхаца – идол раннего христианства на Кавказе. С. 166.
23. *Иванов I.* Die Ausgrabungen des Graberfeldes von Varna // Macht, Herrschaft und Gold. Saarbrücken, 1988.
24. *Hansen S.* Gold and silver in the Maikop Culture // Metalle der Macht – Frühes Gold und Silber. Metals of power – Early gold and silver. Halle, 2014. P. 406. P. 389–410.
25. *Meyer Ed.* Reich und Kultur Chetiter. Berlin, 1914. S. 28–34.
26. *Бгажноков Б.Х.* Древние корни и семантическое поле этнонима kas/kaš // Кавказология
27. *Chernych E.N.* Ancient metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge. 1992; *Клейн Л.С.* Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. Санкт-Петербург, 2007. С. 74–75.
28. *Черных Е.Н.* Евразийский «степной пояс»: у истоков формирования // Природа. № 3. 2008.
29. *Равич И.Г., Рындина Н.В.* Мышьяково-никелевые бронзы майкопской культуры Северного Кавказа (особенности состава, способов получения, технологии) // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 230. М., 2013.
30. *Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М., 1994. С. 218–221.
31. *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Открытие погребений Урукской культуры в Телль Хазне II (Северо-Восточная Сирия) // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала, 2010. С. 339–340.
32. *Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1994. С. 219.
33. *Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г.* Находка бронзовых элементов управления быками (носовых колец) в 2009 г. и проблема передневосточных связей Майкопской культуры Северного Кавказа // Древность: Историческое знание и специфика источника. М.: ИВ РАН, 2009. С. 44–46.
34. *Кондрашев А.В., Резепкин А.Д.* 1988. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. Вып. 193. М., 1988. С. 91–92. Рис. I, II.
35. *Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. С. 187; *Baumer Ch.* The History of Central Asia: The age of the steppe warriors. I.B. Tauris. 2012. P. 90.
36. *Anthony D.W.* The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton. N.Y.: Princeton University Press, 2007.
37. *Hammer E.L., Arbuckle B.* 10000 years of pastoralism in Anatolia: a review of evidence for variability in pastoral life ways; Arbuckle Benjamin. Pastoralism, Provisioning and Power at Bronze Age Asemhoyuk, Turkey // American Anthropologist. 2012. 114 (3): 462–476.
38. *Корневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. М., 2004. С. 85.
39. *Govedarica B.* Die Maikop-Kultur zwischen Europa und Asien: Zur Entstehung einer Hochkultur im Nordkaukasus während des 4. Jts. v. Chr. Remscheid-

Grünbach, 2002. S. 781-799; Hansen S. Communication and exchange between the Northern Caucasus and Central Europe in the fourth millennium BC. Von Majkop bis Trialeti. Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4. Jt. v. Chr. Bonn 2010. P. 297–316.

40. Крупинов Е.И. Древнейший период в истории Кабарды // Сборник по истории Кабарды. Вып. 1. Нальчик, 1951.

41. Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // Советская археология. М., 1950. № 12.

42. Крупинов Е.И. Древнейший период в истории Кабарды // Сборник по истории Кабарды. Вып. 1. Нальчик, 1951. С. 49.

43. Крупинов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.

44. Крупинов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и Кавказская этническая общность // Советская археология. М., 1964. № 1.

45. Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 176; Старостин С.А. Индо-европейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.

46. История Древнего мира. Ч. 1. М., 1979. С. 185–186.

47. История Древнего Востока. Под ред. В.И. Кузицина. Москва «Высшая школа», 1979. С. 192.

48. Kassian A. Hattic as Sino-Caucasian Language // Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Surien-Palastinas herausgegeben von Manfred Dietrich und Oswald Loretz. Band 41. Ugarit-Verlag, Münster, 2010. P. 309–448.

49. Kohl P.L. Origins homelands and migrations. Situating the Kura-Araxes Early Transcaucasian «culture» within the history of Bronze Age // Tel Aviv 36. 2009. P. 241–265.

50. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (Майкопско-новосвободская общность. Проблемы внутренней типологии). М., 2004. С. 97.

51. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 413.

52. Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. С. 165–166.

53. Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб. 2007. С. 74–75.

54. Бажноков Б.Х. К вопросу о происхождении и ранней истории майкопско-анатолийских племен // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 8. Нальчик: Изд. отдел Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2018. С. 16.

55. Фоменко В.А. О некоторых тенденциях в изучении майкопской культуры // Современная наука и научные технологии. М., 2017. № 7. Серия: Гуманитарные науки. № 7. 2017. С. 44–45.

В.Н. BGAZHNOKOV.

МАЙКОП CULTURE AND ITS ACHIEVEMENTS.

Maikop culture covers a thousand-year period of Early and Bronze. It was a rich, rapidly developing, dynamic culture that absorbed the ancient culture of the Near East and South-Eastern Europe. By its richness, by the artistic and historical value of artifacts, the culture of the Maikop tribes is an outstanding monument of world significance. Developing mainly within the North Caucasus region and spreading its influence far beyond this region, Maikop culture, as ... in the article, remained for a long time one of the main centers of technological and social innovations, both in the Caucasus and in the areas of Europe and the Near East adjacent to the Caucasus.

Key words: Northern and Western Caucasus. Front Asia, Southeast Europe, Maikop culture, Maikop animal style, Maikop ceramics, gold and silver products.

В.А. Фоменко
(г. Нальчик)

**ВКЛАД И.М. ЧЕЧЕНОВА
В ИЗУЧЕНИЕ ДОМАЙКОПСКИХ КАМЕННЫХ СТЕЛ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ**

В статье приводятся краткие биографические данные о выдающемся отечественном археологе Исмаиле Магомедовиче Чеченове. Одним из направлений в его разносторонней научной деятельности было исследование памятников эпохи бронзы (в основном курганов) на территории современной Кабардино-Балкарии. В настоящем исследовании суммируются итоги изучения И.М. Чеченовым каменных антропоморфных стел домайкопского времени, найденных в конце 60-х – 70-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии. Приводится современная датировка этих памятников. Статья иллюстрирована photographиями из архива Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, имеющими самостоятельную научную ценность.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Кабардино-Балкарская республика; археолог И.М. Чеченов; раскопки 60-х – 70-х гг. XX в.; курганы эпохи бронзы; каменные антропоморфные стелы домайкопского времени.

Чеченов Исмаил Магомедович (30.04.1938–29.06.2016) известный советский и российский археолог-кавказовед (Рис. 1), кандидат исторических наук, Заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарии. С 1965 по 1997 гг. он руководил отделом (сектором) археологии КБНИИ (КБИГИ), в 60-х и 70-х гг. проводил археологические экспедиции на территории Кабардино-Балкарии. Был одним из организаторов Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Автор и соавтор нескольких монографий по археологии Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа¹.

При И.М. Чеченове в возглавляемый им сектор были приняты и успешно работали несколько, прошедших через аспирантуру (в Москве и Тбилиси) археологов (Мизиев И.М., Бетрозов Р.Ж., Батчаев В.М., Нагоев А.Х., Керефов Б.М.)². Сектор археологии КБНИИ в конце 60-х – начале 90-х гг. XX ст. проводил масштабные разведочные, спасательные и новостроечные археологические исследования (Рис. 2) на территории Кабардино-Балкарии. Эти исследования привели к ряду открытий уникальных памятников майкопско-новосвободненской, северокавказской и других археологических культур. При обобщении результатов изучения в 60-х – 70-х гг. XX в. курганов эпохи бронзы на территории Кабардино-Балкарии И.М. Чеченов уделял особое внимание интерпретации находок каменных антропоморфных стел домайкопского времени. Значительное количество таких изваяний были обнаружены в конструкции нальчикской подкурганной гробницы, а также в древних курганных насыпях Баксано-Урванского междуречья и вблизи них.

Изваяния в конструкции нальчикской подкурганной гробницы. В 1968–1969 гг. на юго-западной окраине столицы Кабардино-Балкарии был исследован курган высотой около 10 м (Рис. 3). Под насыпью кургана находилась гробница (Рис. 4–6) сложенная из не менее 32 каменных (туфовых) плит. Исследователь данного памятника И.М. Чеченов предполагал,

что при сооружении стен и перекрытия гробницы были вторично использованы монументальные изваяния, изготовленные задолго до постройки гробницы. Стелы были частично отбиты и подрезаны для подгонки под необходимые размеры плит. И.М. Чеченов писал, что «... все шесть стел, от которых сохранились их верхние части ..., оказались антропоморфными Следовательно, вполне допустимо, что и другие нальчикские стелы ... также могли быть антропоморфными» (Рис. 8). На некоторых плитах-стелах сохранился геометрический орнамент (Рис. 7). По всей видимости нальчикские «мегалитические изваяния» были изготовлены одной этнической группой в один и тот же период³. И.М. Чеченов предполагал также, что нальчикские стелы первоначально находились на родовом кладбище или святилище (вероятно, энеолитического времени), которое было разрушено и «осквернено» носителями майкопско-новосвободнеских культурных традиций эпохи ранней бронзы при постройке подкурганной гробницы⁴. Исследователь С.А. Дворянинов предпринял попытку интерпретировать нальчикскую подкурганную гробницу как древнюю календарную систему на основании некоторых закономерностей в расположении орнаментированных стел в погребальном сооружении⁵. Автор раскопок памятника – И.М. Чеченов эту гипотезу не поддержал⁶.

Стелы в древних курганных насыпях и вблизи них на территории Кабардино-Балкарии. При исследовании курганов эпохи ранней и средней бронзы, а также скифского и сарматского времени в 1974–1979 гг. на предгорно-равнинном междуречье Баксана и Урвани были найдены несколько антропоморфных каменных стел и множество их фрагментов. Эти находки обобщены в статье И.М. Чеченова⁷. По его данным все эти стелы и обломки в древности использовались «... при сооружении могил, а также при возведении курганных насыпей и обкладке их кромлеховидными каменными поясами ...», т.е. имели вторичное применение, «причем, исключительно в качестве строительного материала». Все эти стелы и их обломки «... обнаружены на относительно небольшой территории ... (в радиусе не более 10–12 км) и причем, в весьма разных условиях: в курганных насыпях (сел. Лечинкай, Чегем II, Нартан и 1-я курганная группа у сел. Кишпек), у основания каменных обкладок курганов (сел. Лечинкай), среди плит перекрытия дольменообразной гробницы (2-я курганная группа близ сел. Кишпек) и на поверхности земли (сел. Лечинкай, Чегем II)». Как указывал И.М. Чеченов данные стелы и фрагменты изваяний изготовлены, «за редким исключением, из светло-серого вулканического туфа»⁸.

Все стелы, связанные с курганами Баксано-Урванского междуречья И.М. Чеченов относил к «к весьма примитивному типу памятников». Лишь иногда очень схематично обозначена голова или имеются другие недостаточно выразительные иконографические детали (Рис. 9); на большинстве плит и фрагментов черты антропоморфности отсутствуют. Кроме того, стелы введенные в научный оборот И.М. Чеченовым «... более или менее заметно отличаются друг от друга по своим размерам и пропорциям, по формам в продольном и поперечном сечениях, а также по наличию на некоторых из них желобчатых узоров и насечек»⁹.

Наиболее близкими аналогиями описанных им изваяний указанный автор считал туфовые стелы нальчикской подкурганной гробницы, а тем в свою очередь – простейшие каменные изваяния эпохи бронзы Северного Причерноморья, придунайских областей, некоторых районов Германии, Италии и Франции¹⁰. Некоторые аналогии статуям Баксано-Урванского междуречья И.М. Чеченов видел и на Кавказе (хутор Красное Знамя на

Ставрополье, урочище Шахсенгер близ сел. Башлыкент в Дагестане и на территории Азербайджана в Кобыстане). Другие более реалистичные древние каменные изваяния известные на Кавказе (Дагестан, Абхазия, Прикубанье) И.М. Чеченов считал «более сложным типом памятников»¹¹. Интересна аналогия из курганного могильника Клады в Адыгее. Здесь каменная стела была вкопана в землю внутри одной из камер дольменовидной гробницы эпохи ранней бронзы¹². Важен также факт обнаружения врытого в землю основания «каменного столба» у изголовья грунтового захоронения эпохи ранней бронзы близ сел. Галиат в горах Дигории¹³.

Первоначально причиной изготовления антропоморфных плит нальчикской гробницы И.М. Чеченов считал увековечивание памяти «конкретных представителей родоплеменного общества» в виде надмогильных или накуранных стел¹⁴. Позднее при публикации изваяний Баксано-Урванского междуречья предпочтение было отдано гипотезе о более или менее компактной установке статуй-идолов на древних святилищах как абстрактных культово-магических символов¹⁵. В пользу второго предположения свидетельствует и то, что стелы и их фрагменты выявлены в Баксано-Урванском междуречье группами (в конструкции гробницы в г. Нальчик, на курганах около сел. Лечинкай и второй курганной группы у сел. Кишпек). И.М. Чеченов подчеркивает, что вероятно в прежние времена «... в этих местах таких памятников было, очевидно, гораздо больше, чем их фактически зафиксировано нами, но в течение последующих тысячелетий они в подавляющей своей части использовались в разных целях»¹⁶.

Исследователь отмечает, что на стелах «не обозначены какие-либо внешние атрибуты власти или иные характерные для определенного индивидуума черты и детали». Однако, он считал, что создание множества монументальных статуй на территории современной Кабардино-Балкарии говорит об изменениях в религиозных верованиях древнего населения и ускорении перехода «от поклонения зооморфным предкам к почитанию антропоморфных божеств». Было высказано предположение о проникновении идеи создания антропоморфных статуй на Северный Кавказ из Причерноморья «под влиянием носителей ямной культуры» или «из переднеазиатских стран»¹⁷.

Многочисленность каменных изваяний в Баксано-Урванском междуречье может быть связана с наличием близ сел. Заюково и Каменка выходов вулканического туфа. Эта порода камня легко поддается обработке. Почти все стелы, опубликованные И.М. Чеченовым, изготовлены из местного туфа. Автор публикации стел предположил, что «... в тех районах Северного Кавказа, где не найдены или малочисленны антропоморфные идолы, они изготовлялись из дерева». Вполне вероятно использование дерева для изготовления древних стел в Северном Причерноморье и Крыму¹⁸. Кроме того отсутствие на многих изваяниях рельефных или графических признаков антропоморфности, деталей одежды и т.п. позволили И.М. Чеченову допустить, что эти признаки могли наноситься красками и не сохранились до наших дней¹⁹.

Временем распространения нальчикских стел и изваяний Баксано-Урванского междуречья И.М. Чеченов считал период непосредственно предшествовавших сооружению нальчикской и кишпекской каменных гробниц содержащих погребальный инвентарь майкопско-новосвободненского типа, т.е. период энеолита, уходящий по современным абсолютным датам в V тыс. до н.э.²⁰

При всей логичности и аргументированности интерпретации, которую И.М. Чеченов дал изваяниям нальчикской гробницы и курганов

Баксано-Урванского междуречья, нетрудно заметить ряд особенностей некоторых атрибутированных им каменных стел и их фрагментов, найденных при раскопках двух курганов и скифского времени на окраине селения Нартан и кургана-кладбища сарматского времени у селения Чегем II. Так пять фрагментов песчаниковых плит из Чегемского кургана-кладбища и две туфовые стелы из нартанских курганов 16 и 17 могут относиться к более позднему времени чем эпоха энеолита-ранней бронзы.

Изучение древних каменных антропоморфных стел всего лишь небольшая часть научного наследия И.М. Чеченова. Его работа в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте (ныне – Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук) является целой эпохой в истории археологического изучения Кабардино-Балкарии. Исмаил Магомедович проявил и организаторский талант, и самоотверженный энтузиазм, и немалые исследовательские способности разностороннего ученого-археолога²¹.

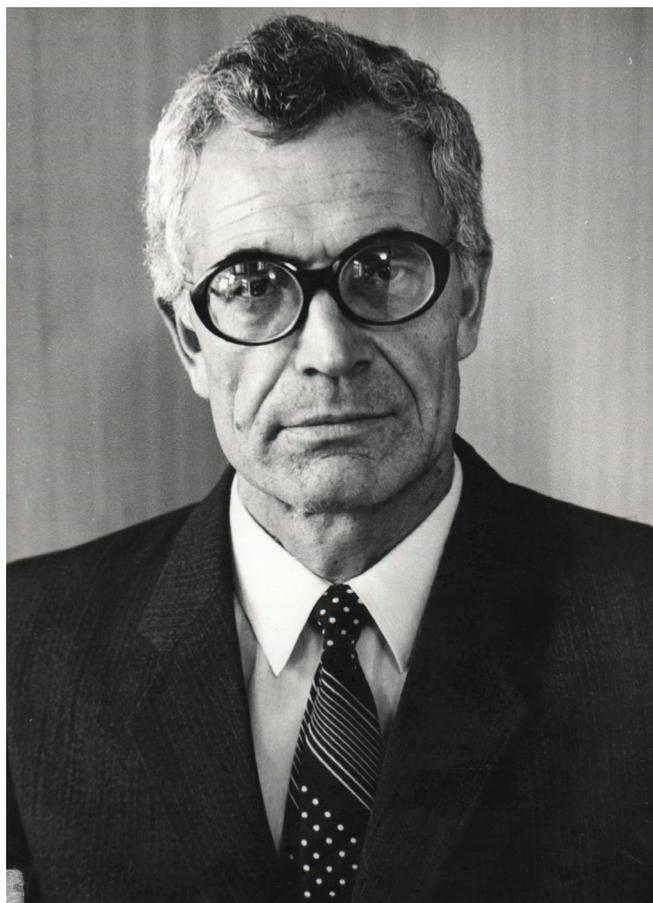

Рис. 1. Чеченов Исмаил Магомедович.

Рис. 2. Сотрудники сектора археологии КБНИИ и рабочие на раскопках.
(И.М. Чеченов в центре).

Рис. 3. Курган на окраине города Нальчика до раскопок.

Рис. 4. Общий вид нальчикской подкурганной гробницы.

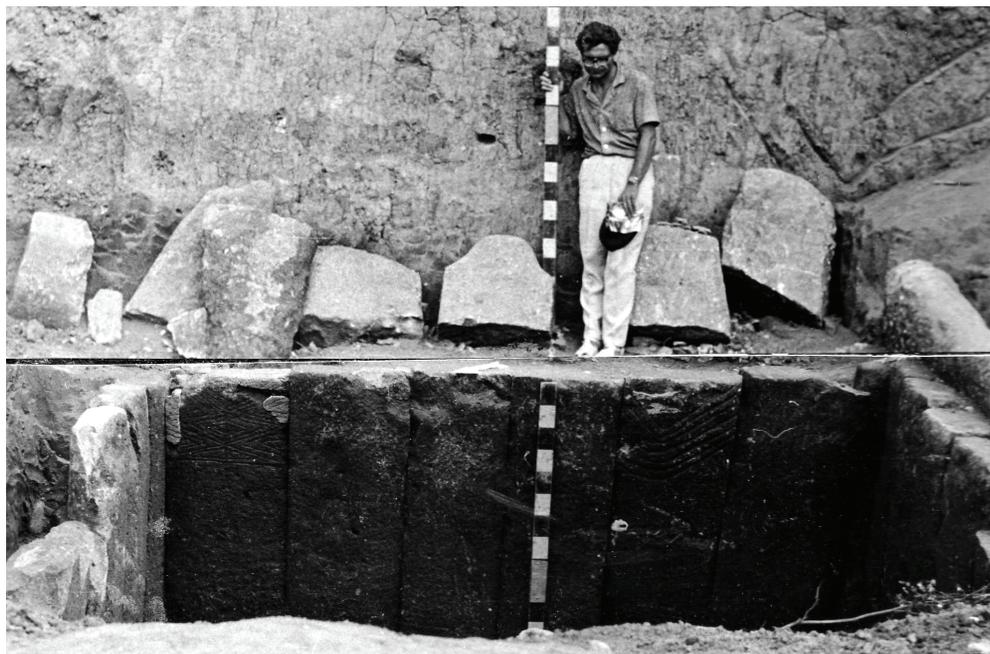

Рис. 6. Общий вид нальчикской подкурганной гробницы.

Рис. 7. Фрагменты орнаментированных каменных стел нальчикской подкурганной гробницы.

Рис. 8. Верхняя часть антропоморфной каменной стелы нальчикской подкурганной гробницы.

Рис. 9. Каменная антропоморфная стела из перекрытия дольменовидной гробницы у селения Кишпек.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. КБИГИ 75 лет. Нальчик, 2001: Эль-фа. С. 61–62.
2. Там же. С. 56–74.
3. Чеченов И.М. Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н.э.). Нальчик: Эльбрус, 1973; Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем 2 // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1. С. 243–253.
4. Чеченов И.М. Нальчикская подкурганная ... С. 56.
5. Дворянинов С.А. Энеолитические календари на юге Европейской части СССР // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. Киев, 1980. С. 42–46.
6. Чеченов И.М. Вторые курганные группы ... С. 246.
7. Чеченов И.М. Вторые курганные группы ... С. 211–220, 243–253.
8. Чеченов И.М. Вторые курганные группы ... С. 211.
9. Чеченов И.М. Вторые курганные группы ... С. 211, 243.
10. Чеченов И.М. Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н.э.). Нальчик: Эльбрус, 1973. С. 12, 16, 23–34.
11. Чеченов И.М. Вторые курганные группы ... С. 244–245.
12. Чеченов И.М. Вторые курганные группы ... С. 245.
13. Чеченов И.М. Вторые курганные группы ... С. 248–249.
14. Чеченов И.М. Нальчикская подкурганная ... С. 29–32; Чеченов И.М. Вторые курганные группы ... С. 247.
15. Чеченов И.М. Вторые курганные группы ... С. 247–248.
16. Чеченов И.М. Вторые курганные группы ... С. 248.
17. Чеченов И.М. Вторые курганные группы ... С. 253, 252.
18. Чеченов И.М. Вторые курганные группы ... С. 252.
19. Чеченов И.М. Вторые курганные группы ... С. 243.
20. Черленок Е.А. Археология Кавказа (мезолит, неолит, энеолит): учебно-методическое пособие. СПб., 2013. С. 36.
21. Фоменко В.А. Исмаил Магомедович Чеченов и развитие археологии в Кабардино-Балкарии // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – X. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 24–25 ноября 2017 г. Пятигорск: ПГУ, 2017. С. 417–422.

FOMENKO V.A.

I.M. CHECHENOV'S CONTRIBUTION TO THE STUDY
OF THE PREMAIKOP STONE STELES OF KABARDINO-BALKARIA

The article contains brief biographical data on the outstanding domestic archaeologist Ismail Magomedovich Chechenov. One of the directions in his many-sided scientific work was the study of monuments of the Bronze Age (mainly barrows) in the territory of modern Kabardino-Balkaria. The present study summarizes the results of the study of I.M. Chechenov stone anthropomorphic steles of Premaikopian time, found in the late 60's – 70's of XX century in Kabardino-Balkaria. The modern dating of these monuments is given. The article is illustrated with photographs from the archives of the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies, which have an independent scientific value.

Key words: Northern Caucasus; Kabardino-Balkarian Republic; archaeologist I.M. Chechenov; excavations of the 60's – 70's of XX century; barrows of the Bronze Age; stone anthropomorphic steles of Premaikopian time.

Н.Д. Кодзоев
(г. Магас)

БАШЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КЯЗИ

Башенное поселение Кязи расположено в Горной Ингушетии, в ущелье р. Чулхи, на отроге горы Коазой-Лоам. Кязи делится на две части: Верхний и Нижний Кязи. Верхний Кязи состоит из 6 трехэтажных полуруинированных жилых башен, которые были обнесены крепостной стеной. Время возникновения Верхнего Кязи определяется концом XVI – начала XVII в. Нижний Кязи возник в начале XIX в., состоит из одной полуруинированной трехэтажной башни и хозяйственной каменной постройки. Башни Кязи были разрушены в 1944 г., после выселения ингушей в Северный Казахстан. Из этого поселения происходит ингушский род Коазой (Кодзоевы).

Ключевые слова: башенное поселение, Коазой-Лоам, Кязи, Эрзи, башни, Кодзоевы.

Башенное поселение Кязи расположено в Горной Ингушетии, в ущелье р. Чулхи примерно в одном километре к северо-востоку от башенного поселения Лялах на отроге горы Цей-Лоам (инг. Цей-Лоам – «Священная гора»; высота 3171 м), центральная вершина которой носит название Коазой-Лоам (инг.: «Гора Кодзоевых») [рис. 1].

Кязи делится на две части: Верхний Кязи (инг.: МагIара Каъзи) и Нижний Кязи (инг.: ЭгIар Каъзи), который расположен к востоку от Верхнего Кязи за невысоким хребтом. В сотне метрах к востоку от Нижнего Кязи, за речкой расположено башенное поселение Бишт.

Верхний Кязи состоит из 6 полуруинированных жилых башен [рис. 2–4]. Д.Ю. Чахкиев дает следующую информацию о Верхнем Кязи: «Кязи (Кяз) – башенный поселок замкового типа на гребне горного кряжа, в 1,1 км северо-восточнее Лялаха. Сегодня здесь фиксируются только полуруинированные (1944 г.) 6 жилых башен, которые посредством протяженной оборонительной стены были объединены в единый замковый комплекс позднего средневековья. Башни в плане прямоугольные, ранее имели 3 этажа, плоскую крышу с парапетом. В остатках стен башен фиксируются разнотипные сводчатые дверные и оконные проемы, хозяйственные и оборонительные ниши, бойницы для огнестрельного боя, тайнички, камни-коновязи и другие конструктивные детали. В верхней части одной из башен размещалась обширная лоджия, а дверные проемы другой контролировались небольшим каменным навесным машикулем-балкончиком. Этот замок принадлежал представителям ингушской фамилии Кодзоевых»¹.

В Нижнем Кязи находятся полуруинированные трехэтажная жилая башня и хозяйственная постройка [рис. 5].

В 1944 г., после выселения ингушей в Казахстан, были созданы специальные отряды НКВД для уничтожения памятников Горной Ингушетии, чтобы стереть с лица земли память о народе, строившем эти башни. В то время были взорваны и башни Кязи.

В настоящее время поселение Кязи находится в плачевном состоянии.

В 1991 г. был составлен акт осмотра технического состояния поселения Кязи, в котором было отмечено техническое состояние памятника: «Общее состояние – удовлетворительное. Сохранились лишь участок стен комплекса. помещения использовались как загон для скота. Башенные постройки находятся в стадии разрушения... Предварительным обмером установлено: 1. Площадь застройки жилых башен составляет – 258,0 м². 2. Предполагаемый объем – 1292 м³. 3. процент утрат первоначального облика – 60%...»².

По преданию поселение Кязи основал выходец из башенного поселения Таргим по имени Эрзи, сын Жогастуко (ЖогIасткъя Аьрзи). Эрзи, бежавший от мести кровников, долго скрывался в пещерах, но потом, облюбовав себе место предложил салгинцам – жителям Чудхоевского ущелья продать ему среднюю вершину горы Цей-Лоам. Те продали ему эту вершину. «Эрзи тут же начал строить башню у подножия этой горы. Пришли салгинцы и возмутились: «Кто дал тебе право строить башню на нашей земле?». А Эрзи им ответил: «Если вы продали мне верхушку горы, значит, и вся гора является моей собственностью». Завязалась тяжба. Дело передали в третейский суд («мехка-кхел»). Он признал притязания Эрзи правильными и порешил: “Голова владеет телом, а раз верхушка горы принадлежит Эрзи, значит и вся гора принадлежит ему”»³.

Поселение, основанное Эрзи, получило название Кязи (инг.: Каьзи).

Интересную версию происхождения этого слова выдвинул Б.А. Хайров: «Архаическое наименование титулов князей и правителей у ингушей и чеченцев “кьяьзи(е)” по смыслу идентичен шумерскому “Эн-зу” (владыка премудрый – по Б. Тураеву). Как мы писали “къя” ингушское – “сын, потомок” и “зе” – наблюдение, т.е. кьяьзи (е) – [владыка, правитель] наблюдающий (надзиравший) над потомками. У древних (и у шумеров) подвластное население мыслилось как дети правителей и страны.

О древности термина “кьяьзи(е)” говорит и тот факт, что “кўези” на этрусском языке “князь”.

Интересен и тот факт, что история возникновения термина “Кавказ” связан с термином “кьяьзе(и)” – где первый слог “Кав-” – это инг., чеч. – двор, крепость, укрепленное место; второй слог “-каз” – “кьяьзи” – князь, правитель, возможно и царь. Вольный смысловой перевод будет звучать так: крепость, город (кау//ков) князей (кьяьзи); возможен и такой перевод: “страна князей” (Кьяьзи ков). Отсюда становится понятным, почему античные греки были склонны переводить Кавказ, как “Трон богов”»⁴.

Род Эрзи от названия поселения получил название Коазой (русс.: Кодзоевы). Вершина, которую купил Эрзи, получила название Коазой-Лоам.

В ингушской мифологии на горе Цей-Лоам обитало божество грома и молнии Села. Вероятно, у Кодзоевых сложились не очень хорошие отношения с этим божеством, т.к. родовая тамга их, согласно информатору⁵, представляла собой стилизованное изображение стрелы, перебивающую молнию Селы [рис. 6].

Между Эрзи и автором этих строк лежит 8 поколений: Дауд (1932–2011) – Ибрагим (1878–1946) – Тепсырко (1795 – конец XIX в.) – Тотак – Охышк – Шармат – Сакханч – Куло – Эрзи. (Годы рождения Ибрагима и Тепсырко определены по «Посемейному списку жителей с. Кантышево 1886 г.»⁶). Если посчитать примерно по 30–35 лет на каждое поколение от Тотака до Куло, то время рождения Эрзи приходится, примерно, на конец XVI – начало XVII в. С этим выводом согласуются и данные археологов, которые датируют склепы Кязи XVI–XVII вв.⁷

Позже, в начале XIX в., было основано Нижнее Кязи. Основателем его явился Тебо, сын Ашха (инг.: Ашха Тебо). Согласно «Посемейному списку жителей с. Кантышево 1886 г.» на 1 января 1886 г. Тебо Кодзоев имеет возраст 100 лет.⁸

В XIX в. большинство Кодзоевых выселилось из Кязи и расселились в селениях Ангушт, Кантышево, Насыр-Корт и Яндаре. Небольшая часть Кодзоевых продолжала жить в Кязи до выселения ингушей в Северный Казахстан в феврале 1944 г.

Рис. 1. Гора Цей-Лоам. Справа – центральная вершина Коазой-Лоам

Рис. 2. Верхний Кязи

Рис. 3. Верхний Кязи

Рис. 4. Верхний Кязи

Рис. 5. Нижний Кязи (справа) и Бишт (слева)

Рис. 6. Родовая тамга Кодзоевых

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Чахкиев Д.Ю.* Древности горной Ингушетии. Т. 1. Назрань, 2003. С. 81–82.
2. Личный архив автора.
3. Антология ингушского фольклора. Т. 7. (Сост. И.А. Дахкильгов). Нальчик, 2010. С. 26.
4. *Хайров Б.А., Евлоев Я.И.* Нахи: предки и наследники шумеров. Смоленск, 2005. С. 162–163.
5. Информатор: Кодзоев Иса Аюпович, 1938 г.р., житель с. Кантышево Назрановского района Республики Ингушетия.
6. Посемейные списки населенных пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 г. Сост. Т.Х. Муталиев. Магас, 2014. С. 227.
7. *Чахкиев Д.Ю.* Указ. соч. С. 82.
8. Посемейные списки населенных пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 г. С. 287.

KODZOEV N.D.

TOWER KAZI SETTLEMENT

Tower Kazi settlement is located in a Mountainous Ingushetia, in the gorge of the river Stockings, on the spur Koazoj-Loam. The princes is divided into two parts: Upper and Lower Kazi. Upper Kazi consists of 6 three-storey semi-built residential towers, which were surrounded by a fortress wall. The time of occurrence of the Top Princes is determined by the end of XVI – early XVII century. Lower Kazi arose in the early nineteenth century, consists of one polarisierung three-storey towers and commercial buildings of stone. The Kazi towers were destroyed in 1944, after the eviction of the Ingush in Northern Kazakhstan. This settlement occurs Ingush clan Koazoj (Kodzoev).

Keywords: tower settlement, Koazoj-Loam, Kazi, Erzi, towers, Kodzoev.

С.Б. Бурков
(г. Владикавказ)

**О НЕОПУБЛИКОВАННОЙ МОНОГРАФИИ В.А. ПЕТРЕНКО
(САРМАТО-РАНЕАЛАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ ЧЕЧНИ,
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)**

Статья посвящена анализу основных положений диссертационного исследования и автореферата В.А. Петренко – археолога из Чечни, в 70–90-е гг. XX в. плодотворно занимавшегося изучением древностей сармато-раннеаланского периода. В работе, на широком фоне исследований иных археологов, дается авторская интерпретация основных выводов и положений данного исследователя, для иллюстрации ряда наиболее важных эпизодов привлекаются и другие его статьи. Значительное место уделено источниковедческому анализу изучаемых древностей.

Ключевые слова: сарматы, ранеаланский период, исследование, древности Чечни, грунтовые могильники, поселения.

Одним из наиболее результативных исследователей древностей Чечни сарматско-раннеаланского периода в 70–90-е гг. XX в. был В.А. Петренко. Среди опубликованных им 55 работ 41 посвящена проблемам раннего железного века Чечни¹. Среди них особое место занимает его диссертационное исследование², некоторые оценки которого были даны лишь недавно³. Однако научной общественности базовые позиции данного исследователя представлялись лишь на основании некоторых статей, в которых были подведены определённые итоги его изысканий. Отдельной же монографии с публикацией всего корпуса материалов, собранного в диссертационном исследовании, В.А. Петренко так и не опубликовал, хотя такие намерения были определены ещё в 1976 г.⁴ В этой связи, в данной статье будут представлены некоторые важные положения, изложенные в тексте диссертации, которые нашли заметное отражение в автореферате, опубликованном в 1980 г.⁵

После выхода в 1963 г. монографии В.Б. Виноградова, посвященной сарматским древностям Северо-Восточного Кавказа⁶, полевые изыскания на бытовых и погребальных памятниках Чечни, датированных III в. до н.э. – IV в н.э. вышли на новый уровень. Особенно результативны оказались работы в горно-предгорной зоне, где к концу 70-х гг. XX в. были открыты и частично изучены ряд грунтовых могильников и поселений с материалами, в основном, последних веков до н.э. – первых веков н.э.⁷ Взяв за основу эти материалы, в 1980 г. в Ученом совете МГУ В.А. Петренко успешно защищает кандидатскую диссертацию, во-многом основанную на результатах собственных полевых работ, а также исследованиях, произведённых СКАЭ (Р.М. Мунчаев) и ППАЭ (В.Б. Виноградов). Это было первое обобщение всех известных к тому времени материалов с территории Среднего Притеречья. Анализу подверглись 170 погребальных комплексов, в диссертации присутствуют и некоторые поселенческие

материалы, которые отдельно не анализировались. Преобладающая часть погребений была повергнута исследованию впервые. В диссертации обоснована новая периодизация сарматско-раннеаланских древностей, выделяются 2 периода: III в. до н.э. – I в. н.э., и II–IV вв. н.э. Дан краткий экскурс в результаты исследования других сарматологов, для оценки влияния сарматских племён привлекаются сведения письменных источников. Появление сармат в регионе автор относит к III в. до н.э., без уточнения. Равнинные и степные территории Среднего Притеречья для периода первого периода признаются периферией сиракского союза племён (с. 7). В этой связи встаёт вопрос о степени и характере влияния сарматских племён на местное население. Скорее всего, в периферийной зоне оно вряд ли было доминирующим, и в этом случае, вероятно, целесообразнее следовало бы говорить о состоянии «вооруженного нейтралитета», выраженное формулой «партнёрство – соперничество», которое признаётся за тандемом «кочевники-оседло-земледельческое население» для предыдущих периодов финала поздней бронзы – раннего железного века⁸. Однако автор предпочитает утверждать (с. 11), что эта территория была заселена сарматскими этническими группами. В главе I диссертационного исследования разбираются 55 кочевнических погребений, тогда как 120 захоронений – принадлежат местному населению, что составляет соответственно 32 и 68% всех материалов. В его работе присутствует раздел с описанием географических условий изучаемой территории, однако расположение Ханкальских и Гумси-Кортовских городищ и могильников, с точки зрения их стратегического размещения, автором не проанализировано. Между тем, Ханкальские городища прикрывали стратегическое ущелье (т.н. «Ханкальский проход» – Бабсур («ворота войск») между двумя горами Суьй-Корта – единственный удобный путь с Терека, ведущий во внутреннюю часть Чеченской равнины (плоскости). Городище «Гумси-Корт», а также расположенный рядом грунтовый могильник, занимают часть одного из отрогов северного склона западной оконечности Качкальковского хребта, примыкающей к правому берегу р. Гумс. Население, обитавшее в зоне т.н. «Качкальковской плоскости» с частью Кумыкской равнины, обладало возможностью контролировать значительные участки плодородных земель, пригодных для земледелия, а также широкие степные пастбища. К тому же в этой зоне пролегли и маршруты караванной торговли. Однако, если для Ханкальских могильников стандартизация погребального обряда, под которым во-многом сейчас понимается т.н. «процесс сарматизации», действительно имела место, то для Гумси-Кортовского некрополя это утверждать нельзя: доисследованные в 3 раскопах 6 потревоженных погребений демонстрируют привычные нормы обрядности, характерные для предыдущих поколений⁹. К сожалению, заявленная в исследовании необходимость сопоставления погребального инвентаря и обряда горских и кочевнических погребений, требуемая для установления форм и характера влияния последних на традиции коренного населения, не была проанализирована с учётом всего комплекса имевшегося в распоряжении исследователя материала. Ограниченность лишь данными Ханкальских погребений (81 захоронение), на наш взгляд, заметно сузила возможности для таких сопоставлений, т.к. собственно «горские» материалы таким потенциалом обладают лишь отчасти. Согласно

автору, процесс сарматизации был зафиксирован переходом от скорченности к вытянутости, которое, в сочетании с большей насыщенностью инвентарём, интерпретируется как принятие местной родовой знатью сарматского похоронного обряда. Однако данный материал не был дифференцирован по признаку социальной престижности, а довод относительно восприятия автохтонным населением заброшенного городища в качестве насыпи большого степного кургана является предположением, не основанном на анализе похожих случаев. Например, захоронения в Заманкульских и Чегемском курганах воспринимаются как кочевнические, зафиксировавшие собой различные стадии оседания номадов¹⁰. Изученный на территории Приморского Дагестана т.н. «Зеленоморский курган – кладбище», представляющий собой естественный курганообразный холм с впускными 54 грунтовыми погребениями, признан памятником кочевнического типа¹¹. В этой связи логичнее предположить, что подобная практика, скорее всего, была присуща именно теряющим свой кочевнический (прежде всего – в социальном плане) статус, чем сарматизованным автохтонам. Тем более что практика захоронения в насыпях курганного типа значительно ближе именно кочевнической традиции, а не осёдло – земледельческому населению. Впрочем, реальная причина подобных инноваций могла быть значительно более сложной и многоаспектной. Например, не исключён и вариант трансформации идеологических норм, материализованной в корректировке некоторых элементов погребальной обрядности, связанный со сменой способов ведения хозяйства. Наличие во впускных захоронениях в ряде курганов – кладбищ предгорной зоны Среднего Притеречья погребальных наборов, идентичных по статусу и размерам для некрополей Юго-Восточной Чечни (Ичкерии), а также иных обрядовых норм (вытянутые на спине индивидуальные захоронения), может свидетельствовать о переходе части местного населения к иному типу хозяйствования, о его вовлечении в военно – политические мероприятия в регионе на стороне кочевых группировок, что могло предполагать и смену способов захоронения как социально – престижного действия. На наш взгляд, более широкое употребление в сарматское время обряда вытянутого труположения может быть связано с явлениями надкультурного, общеидеологического порядка, свойственного широкому кругу племенных групп как кочевнического, так и оседло-земледельческого типа.

Представленные в диссертации и автореферате кочевнические захоронения, согласно временному принципу, разделены на две группы. Среди них исследователь выделяет курганные (центральные) и впускные погребения, а также подкурганные и бескурганные захоронения-катакомбы. Подобное деление создает неопределённости в характеристике погребений, для совершения которых используется курганная насыпь. Ведь если считать курганными лишь центральные захоронения, тогда как быть с теми впускными, над которыми была зафиксирована досыпка – считать их курганными или нет? К тому же т.н. «впускные» погребения в более ранние насыпи по своему характеру мало чем отличаются от обычных грунтовых захоронений, а их инвентарь и погребальный обряд – во-многом соответствовал т.н. «автохтонным» древностям края. Ранее нами уже были высказаны ряд предложений по преодолению этих противоречий, в том числе – применительно и к захоронениям в

каменных ящиках и гробницах¹², типология которых в диссертационном исследовании и автореферате представлена несколько противоречиво.

Впервые к этой теме он обратился в одной из своих работ 1979 г.¹³ В ней В.А. Петренко для памятников горно-предгорной зоны предложил такую типологию: каменный ящик (КЯ), захоронение с частичным оформлением камнем (ЧКО) и грунтовое погребение (ГП). На наш взгляд, она не совсем верна, ведь все они обладают одной общей чертой – совершены в грунте, только в двух первых случаях ямы полностью или частично оформлены камнем. Остался не выделенным ещё один тип погребения: в каменной гробнице, хотя для второй группы погребённых этот тип погребального сооружения присутствует, в формулировке «гробницы с ЧКО».

Далее В.А. Петренко даёт характеристику различным деталям погребальной обрядности, свойственных кочевническим погребениям, для которых на долю западной ориентировки приходится более 70 % (с. 8). Он считает, что в курганах были захоронены представители сиракского союза племён. Автор придерживается версии сарматского происхождения катакомб. Кратко, но чётко представлены основные наблюдения автора на погребальный инвентарь сарматских и раннеаланских погребений, разделённый на 5 категорий. Детально проанализированы керамические формы, разделы по оружию, орудиям труда и украшениям излишне лапидарны. Делается вывод о заметном своеобразии сарматских памятников Среднего Причеречья, что связывается с удалённостью от собственно сарматских территорий, взаимопродуктивными связями с местным населением и процессом перехода части кочевников к земледелию. Последнее утверждение является во-многом гипотетичным, ведь никаких фактов, доказывающих это, в работе не приводится. Отдельный параграф главы посвящен керамике, в перечне которой важное место отведено посуде культового назначения, и прежде всего – т.н. «канфаровидным сосудам». По мнению В.А. Петренко они произошли под влиянием культур Северного Причерноморья и Прикубанья, хотя на тот момент там был найден лишь 1 подобный экземпляр. По его мнению, синкретизм двух импульсов – прикубанского и закавказского и дал этот тип керамики. Ни один из них не был найден в культурных слоях поселений и городищ,¹⁴ – в катакомбах и курганных погребениях, остальные – в сильно сарматизованных памятниках. Основную массу этих находок он датировал последними веками до н.э. – I в. н.э. В дальнейшем, во II-III вв. н.э., подобные сосуды заметно видоизменяются, приобретая декоративное оформление. Причину их распространения автор видит в деятельности сиракского союза племён.

Данные сосуды изучались археологами и в дальнейшем. К 2014 г. Ю.А. Прокопенко учел 44 экземпляра подобных форм, названных им «двуручные сосуды с гальками», отнеся их к III типу (с 7 вариантами) по своей и типу 3 – по классификации М.П.Абрамовой.¹⁴ В Дагестане М.А.Бакушевым и М.С. Гаджиевым эта форма была отнесена к виду V и разделена на 3 типа – амфоровидные и канфаровидные (3 тип выделен условно), всего – 11 экземпляров. Авторы отметили, что для В.А. Петренко этими предметами маркируется сарматская принадлежность погребений¹⁵. В то же время, по мнению В.А. Коренько, появление и распространение канфаровидных сосудов – характерная черта сармат-

ских памятников именно Северного Кавказа, тогда как для исконно сарматских территорий эта форма абсолютно несвойственна. Автор сопоставляет появление данного типа керамики с традицией помещения в сосуды отдельных предметов. При этом ссылается на протомеотские материалы, тогда как для данной территории подобная форма не фиксируется¹⁶.

Глава II целиком посвящена погребениям Ханкальских могильников, которые в целом отнесены к позднекобанским приграничным памятникам. В.А. Петренко отметил, что наличие вытянутых на спине костяков среди погребений т.н. «ранней группы», датированной В.Б. Виноградовым V–III вв. до н.э., демонстрирует савромато – сарматские традиции. Их появление автор связывает с усилением степного влияния уже к IV в. до н.э., хотя собственно кочевнические захоронения этого времени для данной территории единичны. Так, Ю.А. Прокопенко в составе I хронологической группы (конец IV – первая половина III вв. до н.э.) учёл лишь 7 захоронений из восточной группы, из которых 6 (могильник «Бамутский поворот» гр. I, кург. 4, погр. 9; гр. II, кург. 1, погр. 7; могильник «Орджоникидзевский», кург. 1, погр. 3; погр. 31; погр. 33; кург. 14, погр. 7) находятся в районе среднего течения р. Сунжи¹⁷. В этой связи закономерно возникает вопрос о том, каким образом немногочисленные пришельцы могли повлиять на изменения в погребальной обрядности оседло-земледельческих племён на начальной стадии своего присутствия? Для обоснования этого утверждения В.А. Петренко обращается к известному мнению Е.И. Крупнова о том, что прекращение жизнедеятельности на большинстве местных поселений произошло именно в конце IV–III вв. до н.э. Однако, на наш взгляд, это события разного характера: военные действия и смена погребального обряда. К тому же заброшенность поселений в отмеченное время может объясняться не только вторжением кочевников. Этими же событиями объясняется и использование под могильник территории самого городища. По его мнению, продвижение савромато-сарматских племён на Северный Кавказ происходило не позднее III в. до н.э. Но савроматы присутствовали на этой территории задолго до этого времени – ведь ряд черт погребального обряда Нестеровского и Лугового могильников (перекрещенные голени, кисти рук в районе паха, западная ориентировка, закладка могил галькой, галечные подстилки в погребениях) связываются именно с савроматским влиянием, равно как и захоронения Гойтинского могильника (В.Б. Виноградов). В этой связи к событиям рубежа IV/III вв. до н.э. были причастны, скорее всего, не сарматские племена. Сарматизация местных племён по В.А. Петренко начинается с этого же времени. Новшества, которые фиксируются в это время в вооружении, погребальном обряде, костюме ханкальцев, он связывает с это-культурным влиянием сармат, в то же время, отрицая их ассимиляцию со стороны пришельцев. При этом автором не была предпринята попытка разграничения причин появления новых элементов на внешний и внутренний факторы. Однозначно трактуя их наличие лишь с позиций внешнего влияния, оказались упущенными те изменения, которые были связаны с процессами внутреннего развития этнических групп северокавказского населения. Тем более что применительно ко 2-му Ханкальскому городищу им постулируется наличие архаических элементов кобанской и каякентско-

хорочоевской культур, связываемых с гаргареями – прото-вайнахо-дагетанской общностью, развитие которых в новых исторических условиях также происходило в рамках устоявшихся традиций.

Появление захоронений рубежа IV/III вв. до н.э. объясняется результатом штурма поселка сарматами, но это касается лишь 4 погребений – №№ 62, 72, 80, 81, остальные – требуют иного толкования. Однако выделение для этого времени кочевнических захоронений собственно сармат довольно проблематично. Из 445 захоронений в курганах, учтённых Ю.А. Прокопенко для Центрально Предкавказья, лишь 32 комплекса отнесены им к выделяемой исследователем подгруппе I, датированной концом IV – первой половиной III в. до н.э., остальные преимущественно отнесены ко времени от второй половины III в. до н.э. до рубежа эр. Из 32 лишь 7 погребений происходят из восточной (Притеречной) подгруппы. Их характерной чертой является присутствие элементов скифской и савроматской культур. Это может свидетельствовать в пользу того, что собственно сарматские погребения в зоне притеречных равнин появились не ранее середины III в. до н.э., что оставляет вопрос появления ранних погребений на цитадели Ханкальского городища № 2 открытым. К сожалению, детального анализа, связанного с принципами датирования этих и иных материалов, монография Ю.А. Прокопенко не содержит. Ранние Ханкальские погребения отнесены им в раздел, посвящённый памятникам рубежа VI/V–IV вв. до н.э.¹⁸ В диссертационном труде В.А. Петренко остался без надлежащего объяснения и вопрос о несоответствии дат самых ранних погребений грунтового могильника (V в. до н.э.) и материалов городища (IX в. до н.э.), а также погребения № 81. Оно было совершено вытянуто на спине с кистью левой руки в районе таза, в прямоугольной яме с деревянной конструкцией и западной ориентировкой и подпадает под определение «сарматизованного населения», которое вряд ли могло захоронить своего сородича по традициям врагов во время активных боевых действий. Савроматские традиции в инвентаре в виде бронзового втульчатого трехгранного наконечника стрелы с боковым шипом – и обряде погребения (вытянуто на спине, на запад, кисть руки в районе паха) могут объяснять этно-культурную принадлежность погребенного, но вряд ли быть связанными с военными событиями конца IV – начала III вв. до н.э. Интересен вывод о том, что для некоторой части местного населения в настоящее время обряд вытянутого рупоположения был неотъемлемой частью их духовной культуры. Вероятно, это следует понимать таким образом, что часть местного населения скорректировала собственные погребальные практики, исходя из процессов внутреннего развития, без внешнего инокультурного влияния. Он считает, что местному обряду были чужды такие микродетали погребальной обрядности, как укладка руки или рук сверху на отдельные части тела, наличие в погребениях кусочков реальгара, охры, жертвенной пищи в миске вместе с железным ножом в миске. Эти элементы признаются сарматскими. Данная тема нуждается в отдельном и подробном комментарии. Здесь же отметим, что их наличие в погребениях местных племён было во-многом свойственно предшествующим традициям позднекобанского населения¹⁹.

В главе III диссертации анализируется 50 погребений и комплексов горной зоны, происходящих из 12 могильников (с. 15). В числе 3 типов

погребальных сооружений, указанных выше, не оказалось гробниц и использованием камня. На наш взгляд, в определении признаков для выделения типа погребального сооружения не был применён базовый признак, а именно: все они были совершены в грунте, в связи с чем их следовало бы выделить в кластер «грунтовые погребения», с уточнением: частичной или полной обкладкой плитами или камнем. При анализе погребального обряда приводятся сведения о ряде общих и особенных черт в конструкциях погребальных сооружений, глубинах их совершения, ориентировках костяков. Погребальный инвентарь анализируется по 5 разделам. Делается вывод о том, что изменения в культуре местных племён могли быть вызваны не только влиянием кочевников, но и миграцией части населения плоскости в предгорья. Однако автореферат, как и текст диссертации, не содержит анализа материала, которым было бы основано подобное предположение.

В «Заключении» В.А. Петренко датирует появление сармат в степной и равнинной части изучаемой территории III в. до н.э. Обращает на себя внимание тезис о том, что не все погребения в курганах III в. до н.э. – IV в. н.э. следует считать сарматскими, т.к. они могли принадлежать сарматизированным этническим группам, чему могло способствовать традиция возведения курганов в более ранние эпохи – VI–IV вв. до н.э. (с. 18–19). Поселенческие материалы с 30 учтённых в диссертации бытовых памятников в автореферате представлены лишь одним абзацем. Это продолжило традицию, представленную ещё В.Б.Виноградовым в его монографии 1963 г., для которой было характерно отсутствие поселенческих материалов. Это было отмечено рецензентами²⁰, в дальнейшем – признано В.Б. Виноградовым и В.А. Петренко и объяснено отсутствием материалов из стационарно исследованных памятников²¹, однако это не совсем так. Ниже приводятся данные по городищам и поселениям, которые раскапывались стационарно и на которых были заложены полноценные шурфы, позволившие установить их стратиграфию. Учтены работы, произведённые до 1980 г., т.е. – до защиты В.А. Петренко диссертационного исследования.

В 1936 г. на городище у с. Алхан-Кала была произведена зачистка береговых обнажений с культурным слоем и заложен разведочный раскоп общей площадью 6 кв.м. Основную массу керамики из нижнего слоя составили фрагменты сосудов II–III вв. н.э. В 1938 г. оно вновь обследуется экспедицией ГАИМК, Г.В. Подгаецким на нем закладывается разведочный раскоп площадью 175 кв.м., который зафиксировал 3 строительных горизонта, представлявшие собой остатки глиняных полов. Исследованный слой был датирован первыми веками н.э.²² В 1937–1938 гг. М.И. Артамоновым и А.В. Мачинским на территории могильника раннежелезного века у с. Исти – Су открывается поселение, площадь которого выходит за его границы. Памятник датирован первыми веками н.э. и был частично раскопан²³.

Керамика сарматского типа была найдена и на территории Сержень-Юртовского поселения – II. Так, в 1960 г. обнаружен 1 сосуд II – IV вв. н.э. отдельные фрагменты керамики – в 1961 г., в 1965 г. в кв. Д-13, на уровне 4-го штыка, в яме № 4 было найдено 35 фрагментов сосудов сарматского времени. Отмечается, что полноценный слой этого периода на поселение отсутствует, а находки фиксируют

кратковременное присутствие сармат на этом памятнике²⁴. По мнению В.А. Петренко, образцы зооморфной керамики, найденные здесь, позволяют отнести памятник (сторожевой пост?) к первым векам н.э.²⁵

В 1968 г. В.Б. Виноградов в 7 км. к В от с. Ведено, на вершине г. Эрсен – Корт находит поселение. На нём были заложены 2 шурфа 2х2 м., которые дали «очень много типов керамики». Памятник датирован VI–III вв. до н.э.²⁶

В 1973 г. на территории Ахкинчу-Барзоевского поселения № 2 был заложен разведочный шурф 2х2 м., который выявил культурный слой в 0,6 м., нижний слой – сарматского времени. У ЮВ окраины того же села, на поселении № 3 был заложен шурф 2х2 м. мощностью в 6 штыков. Судя по полученным материалам, оно возникло в предскифское время и существовало вплоть до рубежа эр.²⁷

В 1977 г. на городище Лехчк – Корт и Ехкч-Корт – (по В.А. Петренко), поселение Лехчачу – Корт – (по М.Х. Багаеву) Ножай-Юртовского района был заложен разведочный раскоп, который выявил большое количество зооморфно оформленных ручек сосудов. Памятник синхронен расположенному рядом могильнику сарматского времени²⁸.

В некоторых случаях данные о работах на памятнике, зафиксированные в отчетах, разнятся со сведениями, опубликованными в некоторых научных изданиях. Так, согласно информации, опубликованной в «Археологических открытиях» за 1975 г., на Горячеводском городище № 2 был заложен шурф, который выявил многослойность памятника (предскифское, скифское, сарматское время, раннее средневековье), мощность слоя – 2 м. В отчёте за этот год данных о шурфовке памятника нет, указано, что в северо-восточной части памятника бульдозером был сделан срез грунта, в котором найдено много керамики²⁹.

Помимо этого, значительный объем находок происходит и из Алхан-Калинского и Ханкальского городища № 2. По подсчётам В.Ю. Малашева и Х.М. Мамаева вскрытая площадь на Алхан-Калинском городище за 1965–1968 гг. составила около 900 кв.м., по данным отчётов – 518 кв.м. По нашим подсчётам, на нем была вскрыта площадь в 611 кв.м. В 2014 г. вышла статья М.Т. Ахматовой, в которой были произведены подсчёты вскрытой площади на данном памятнике. Она составила от 647 до 657 кв.м., т.к. раскопки 1967 г. велись на возвышенности диаметром около 40–50 м. Кроме того, ею не учитывалась траншея, заложенная на валу городища для выяснения его стратиграфии³⁰.

По данным отчётов и публикациям, площадь раскопа на Ханкальском городище № 2 на 1974 г. составила (по разным подсчётам) – от 240 до 296 кв.м., хотя в некоторых из работ встречается другая цифра – 300 кв.м.³¹ Согласно публикациям материалов, сарматского слоя, как такового, на городище обнаружено не было, находки этого времени малочисленны. Однако, по данным отчёта за 1970 г. во 2-м штыке было встречено много «сарматоидной керамики», тогда как скифского времени – немного, в 3-м – стало больше фрагментов скифского времени, в 4-м – они преобладали. Датировка культурного слоя памятника в отчёте за 1971 г. – V в. до н.э – I в.н.э. Встречались фрагменты ручек сосудов, оформленные в зооморфном стиле. Кроме того, найдена керамика серого, темно-серого и черного цвета, часто – с лощением. По мнению В.Б. Виноградова, нижний слой относится к VII – IV вв. до н.э., жизнь на

поселении продолжалась до начала н.э. В отчёте за 1970 г. выделялось 2 этапа: ранний – V–IV вв. до н.э., и поздний – III в. до н.э. – I в.н.э. Отметим, что при наличии небольшого количества керамики сарматского времени, выделение полноценного этапа функционирования городища было бы гипотетично. Фрагменты сарматской керамики, найденные на городище, были интерпретированы как следы поминальных пиршеств³². Коллекции находок с этих двух памятников хранились в фондах Чечено-Ингушского Республиканского краеведческого музея. То, что В.А. Петренко работал с ними, доказывает публикация некоторых наиболее интересных из них – двух фибул, двух фрагментированных курильниц на высокой ножке и амулета из голубого «египетского фаянса» в виде фигурки лежащего льва, найденных в нижних слоях Алхан-Калинского городища³³. Материалы с Ханкальского городища № 2 представлены в совместной публикации В.Б. Виноградова и В.А. Петренко, изданной в 1999 г. Однако во «Введении» отмечено, что эта работа была подготовлена в 1975 г., но в те годы не была опубликована³⁴.

Помимо этого, исследователю были доступны и многочисленные сборы, что отражено в автореферате (с. 4). Однако поселенческие материалы упомянуты лишь в одном абзаце «Заключения», да и то лишь для Алхан-Калинского городища, керамические коллекции из которого были частично опубликованы³⁵.

Как видно из представленной подборки материалов, данные с бытовых памятников на 1980 г. были достаточно представительными и заслуживающими того, чтобы быть отражёнными в диссертационном исследовании более весомо. В этой связи мы не можем согласиться с мнением М.П. Абрамовой относительно того, что материалы по изучению поселений и городищ Центрального Предкавказья изучаемого периода, в т.ч. – и изучаемой В.А. Петренко территории, не могут быть пока использованы для общей характеристики этого этапа³⁶.

Тезис о присутствии местных этнических групп в составе поселков позднесарматского времени на плоскости в автореферате и тексте диссертации почему-то связан лишь с Гумси-Кортовским городищем, тогда как Ханкальское – не упомянуто вовсе. Из контекста данного раздела следует, что местные этнические группы являлись лишь некоторым элементом населения плоскости, что предполагает присутствие здесь и пришлого, кочевого контингента. Однако анализа материалов Гумси-Кортовского комплекса нет, наличие же поблизости от городища аборигенного некрополя позволяет, по его мнению, обосновать тезис о включении части автохтонного населения в состав обитателей раннеаланских посёлков равнинной зоны. При этом не отмечается, кто был создателем подобных сложных и масштабных фортификационных сооружений, особенно – с учётом приведённых здесь же фактов по их созданию до событий начала III в. до н.э. Упомянутое им Ханкальское городище № 2 датировано VII–IV вв. до н.э., хотя на памятнике найдены и материалы IX–VIII вв. до н.э.³⁷, его последующее использование под могилиник приходится уже на сарматское время. Строительство крупных городищ (протогородов) в регионе, которые были подвергнуты стационарным раскопкам и с территории которых происходят сборы материалов (всего 31 пункт, в том числе – Алхан-Калинское) было завершено ко второй половине II в. н.э.³⁸ Это были крупные и сложные по фортификационным

приемам строительства объекты, технология возведения которых формировалась на местной основе и в предшествующее время³⁹.

В диссертации и автореферате отсутствует и оценка материала с точки зрения наличия в нём собственно сарматской составляющей. Все сводится лишь к обобщающей формулировке влияния сарматской культуры на автохтонное население. Термин «плоскость» (с. 20) контрастирует с двумя другими, применёнными в автореферате: «равнина и степь», Гудермесский могильник находится на стыке плоскости и предгорий, Ханкальские могильники расположены в той же зоне, но почему-то названы «памятниками горцев» (с. 5), хотя само Ханкальское ущелье в другой работе было охарактеризовано как «довольно широкая долина»⁴⁰.

Завершает автореферат список работ, опубликованных по теме диссертации, в составе 22 наименований.

В дальнейшем, В.А. Петренко продолжает публиковать статьи по теме диссертации, из которых следует отметить две из них, связанные с изданием материалов из двух Ханкальских могильников и городища № 2, представленные совместно с В.Б. Виноградовым⁴¹, а также три другие, основанные на материалах его диссертационного исследования⁴².

Перейдя на кафедру «Истории СССР» В.А. Петренко перестаёт интенсивно заниматься полевыми исследованиями. В это время он сосредотачивается на преподавательской работе, подготовке студентами – участниками археологических экспедиций, их первых научных работ, участии в написании обобщающих трудов. В то же время информация, сосредоточенная в подготовленных им полевых отчётах, в основном, остаётся неизданной, что лишает археологию раннего железного века Центрального Предкавказья значительного пласта важного научного материала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бурков С.Б. Роль В.А. Петренко в изучении и интерпретации памятников археологии Чечено-Ингушетии в 60–70-е гг. XX в. // Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории XVIII – начала XXI века, материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 21 межрегионального семинара Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова (Ред.: С.Л. Дударев). Армавир, Ставрополь: «Дизайн-Студия Б», 2017. 88 с.: илл, с. 48-53.

2. Петренко В.А. Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IV в.н.э. Диссертация на соискание ученой степени кандидата ист. наук. Грозный, 1980. 183 с., приложения.

3. Савенко С.Н. Вклад Кавказоведческой Школы в исследование проблем археологии сарматского времени (III в. до н.э. – IV в.до н.э.) // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути: сборник научно-методических очерков и био-библиографических материалов (Ред.: С.Л. Дударев). Армавир, Ставрополь. Дизайн-студия Б, 2013. 620 с. С. 94–117. С. 98–100.

4. Виноградов В.Б., Петренко В.А. Новые источники по изучению сарматской эпохи в Чечено-Ингушетии // АЭС, т. IV. (Ред.: В.Б. Виноградов). Грозный, ЧИНИ-ИЯЛ, 1976. 283 с. С. 64–71. С. 71.

5. Петренко В.А. Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IV в.н.э.). Автореферат диссертации к.и.н. М., МГУ, 1980. 22 с.

6. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, ЧИНИИ, 1963. 221 с.

7. Бурков С.Б. К истории полевого изучения бытовых памятников эпохи раннего железного века с территории Чечни // Историко-археологический альманах. Вып. 11 (Отв. ред.: Р.М. Мунчаев). Армавир, Краснодар, М., 2012. 253 с. С. 181–201; Бурков С.Б. Из истории изучения грунтовых погребений эпохи раннего железного века с территории Чечни // Вестник Археологического центра, вып.5 (Ред.: У.Б. Гадиев). Назрань, 2015. 180 с. С. 3–25.

8. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант САИ. В2-5. Вып. 4. М., «Наука», 1995. 166 с. С. 119; Дударев С.Л. Взаимоотношения племён Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир, АГПИ, 1999. 400 с. С. 33.

9. Петренко В.А. Отчёт о полевых работах 3-го отряда ППАЭ в 1977 г. Грозный, 1978 // Архив ИА АН РАН, р-1, № 6798; он же: Раскопки и разведки памятников раннежелезного века в Чечено-Ингушетии // АО 1977 г. М., 1978. С. 136–137; он же: К вопросу об этническом составе поселений плоскости Среднего Притеречья в сарматское время // Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 г. Грозный, 1983. С. 59; он же: Хронология погребального инвентаря сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.) из могильников Юго-Восточной Чечни // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 35. С. 38. Табл. 1, 7, 3. С. 39. Табл. 2, 52.

10. Ростунов В.Л., Березин Я.Б. Скифо-сарматский период на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии, часть II. Владикавказ, 2007. С. 12–13; Кереев Б.М. Чегемский курган – кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. II. Нальчик, 1985. С. 224.

11. Бакушев М.А. Погребальный обряд населения Дагестана албано – сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Ростов-н/Дону, 2008. С. 33–34. С. 65.

12. Бурков С.Б. Из истории изучения подкурганых древностей эпохи раннего железного века с территории Чечни (30–90-е гг. XX в.) // Из истории изучения грунтовых погребений эпохи раннего железного века с территории Чечни // Вестник Археологического центра, вып.5 (Ред.: У.Б. Гадиев). Назрань: ООО «КЕП», 2015. 180 с. С. 3–25. С. 6. Сноска № 6.

13. Петренко В.А. Погребальный обряд населения Юго-Восточной Чечни в III в. до н.э. – IV в.н.э. как этнический показатель // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. (Ред.: В.Б. Виноградов). Грозный: ЧИНИИИЯЛ, 1979. 181 с. С. 27–34.

14. Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второ половине I тыс. до н.э. Ч. 2. Ставрополь: СКФУ, 2014. 726 с. С. 404–405. Рис. 174, 174 «А».

15. Бакушев М.А., Гадиев М.С. О ритуальных сосудах Северо-Восточного Кавказа албано-сарматского времени // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. (Отв. ред.: Х.М.Мамаев). М.: ИА РАН, Грозный: ИГИ АН РАН, 2011. 298 с. С. 212–233. С. 214, 222.

16. Коренько В.А. Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое Ставропольского края // КСИА. Вып. 162. М., 1980. С. 96–101. С. 100.

17. Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье в первой половине I тыс. до н.э. Ч. I. Ставрополь: СКФУ, 2013. 446 с. С. 107–108.

18. Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. I. С. 106, 112, 66.

19. Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. С. 68–73.

20. Кузнецов В.И. Рец. на: Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Труды ЧИНИИ. Т. VI. Грозный, 1963. 221 с. // СА., 1964. № 4. С. 232–237, 235.

21. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Новые источники по изучению сарматской эпохи в Чечено-Ингушетии // АЭС. Т. IV. (Ред.: В.Б. Виноградов). Грозный: ЧИНИ-ИЯЛ, 1976. 283 с. С. 64.

22. *Подгаецкий Г.В.* Отчет о раскопках в Чечено-Ингушетии в 1938 г. // Архив ЛОИА. Ф-35. 1938/118; *Мамаев Х.М.* Из истории археологического изучения Чечни (к 75-летию начала работы Чечено-Ингушской археологической экспедиции ГАИМК и Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК) // Вестник Академии наук ЧР. Грозный, 2008. Вып. 1. С. 90–99, с. 93–96.

23. *Артамонова–Полтавцева О.А.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период (по материалам экспедиции 1937–1938 гг.) // СА. № XIV. С. 20–101, с. 21–22, с. 62. Рис. 26.

24. *Крупнов Е.И., Кузнецов В.А., Марковин В.И., Мерперт Н.Я., Милорадович О.В., Мунчаев Р.М.* Полный научный отчет объединенной СКАЭ 1960 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 2183; *Марковин В.И.* Работы Нагорного (Аргунского) отряда – в составе: Полный научный отчет о работах объединенной СКАЭ, проведенной летом 1961 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 2320; *Козенкова В.И.* Отчет о работе II отряда – в составе: Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Полный научный отчет о работе 4-х отрядов СКАЭ 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3122; *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 152. Сноска № 22. С. 164; *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 118. Рис. 44, 7–8; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (материалы к археологической карте). Грозный, 1966. С. 88–89; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный вариант. С. 50; она же: Поселок – убежище кобанской культуры у аула Сержень – Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001. С. 5, 7–8, 76, 83.

25. *Петренко В.А.* Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Диссертация... к.и.н., рукопись, приложение. Грозный, 1980. С. 37.

26. *Крупнов Е.И., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц., Багаев М.Х.* Полный научный отчет о полевых работах СКАЭ на территории Чечено-Ингушской АССР // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 3757.

27. *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А.* Отчет об археологических разведках, раскопках и охранных работах в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1973 // Архив ИА АН РАН. Р-1. №№ 4979, 4979 «а».

28. *Петренко В.А.* Отчет о полевых работах 3-го отряда ППАЭ в 1977 г. Грозный, 1978 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 6798, 6798 «а»; *Петренко В.А.* Археологические исследования в юго-восточной Чечне и разведки памятников раннежелезного века в Чечено-Ингушетии // АО 1977 г. (Отв. ред.: Б.А. Рыбаков). М., «Наука», 1978. 598 с. С. 136–137.

29. *Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л.* Отчет об археологических раскопках, разведках и находках в Чечено-Ингушетии в 1975 году, произведенных археологической экспедицией ЧИГУ и РДЭТС. Грозный, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1. № 5460; *Петренко В.А., Дударев С.Л.* Разведки памятников эпохи раннего железа в Чечено-Ингушетии // АО 1975 г. (Отв. ред.: Б.А. Рыбаков). М.: «Наука», 1976. 608 с. С. 142–143.

30. *Ахматова М.Т.* Из истории полевого изучения Алхан-Калинского комплекса памятников в Чечне // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2014. Вып. 11. С. 61–70.

31. *Петренко В.А.* К интерпретации погребений на втором Ханкальском городище // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения (1971–2006). М.: «Памятники исторической мысли». Ставрополь: «Наследие», 2008. Вып. VIII. С. 182.

32. *Виноградов В.Б.* Через хребты веков. Грозный, 1970. С. 33; *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 27.

33. *Петренко В.А.* Об одной разновидности культовой посуды на Среднем Тереке // СА. 1980. № 1. С. 275–283. С. 279. Рис. 3. IV. 104, V.

34. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Ханкальские древности – источник по истории и культуре местных племен I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.: методическое пособие // Памятники археологи Северного Кавказа. Армавир: АГУ, 1999. Вып. 1. 52 с., введение.

35. *Байбик В.Д., Виноградов В.Б., Гантимурова Г.М., Магомадов И.Д.* Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии // Археолого-Этнографический сборник. Т. III. (Ред. В.Б.Виноградов). Грозный. ЧИНИИЯЛ, 1969. С. 80–93. С. 89–90; *Мамаев Х.М.* Алхан-Калинское кострище // Археология и вопросы атеизма. Сборник научных трудов (Отв. Ред.: В.Б. Виноградов). Грозный: ЧИГУ, 1977. 94 с. С. 54–58.

36. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: Наука, 1993. 240 с. С. 6.

37. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Ханкальские древности – источник по истории и культуре местных племен I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.: учебно-методическое пособие // Памятники археологи Северного Кавказа. Вып. 1. С. 5.

38. *Воронин К.В., Малашев В.Ю.* Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия (Материалы охранных археологических исследований. Т. 6.) М.: ИА РАН, 2006. 152 с. С. 59; *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: «Таус», 2009. 468 с. С. 145, 7.

39. *Бурков С.Б.* К вопросу о т.н. «протогородах» и их создателях на Центральном и Северо-Восточном Кавказе // XV Международная научно-практическая конференция «Современные концепции научных исследований». Евразийский союз учёных (ЕСУ). № 6 (15). М., 2015. С. 88–91.

40. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Ханкальские древности – источник по истории и культуре местных племен I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. С. 3.

41. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. (Ред.: Н.И. Кирей). Краснодар: КГУ, 1984. 192 с. С. 15–36; *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Ханкальские древности – источник по истории и культуре местных племен I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.: методическое пособие // Памятники археологи Северного Кавказа. Армавир: АГУ, 1999. Вып. 1. 52 с.

42. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Материалы погребальных памятников Среднего Притеречья о роли сармат в этнокультурной истории Северного Кавказа // Кочевники Азово-Каспийского Междуморья. (Отв. ред.: Т.Б.Тургиев). Орджоникидзе, 1983. 119 с. С. 102–104; *Петренко В.А.* Хронология погребального инвентаря сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.) из могильников Юго-Восточной Чечни // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. (Ред.: В.Б. Виноградов). Грозный: ЧИНИИЯЛ, 1986. 96 с. С. 33–44; *Петренко В.А.* Хронология сарматского погребального инвентаря Среднего Притеречья (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Проблемы хронологии сарматской культуры (Отв. ред.: А.С. Скрипкин). Саратов: СГУ, 1992. 160 с. С. 32–45.

43. *Петренко В.А., Мирзоянц А.А.* Амулеты из египетского фаянса и их роль в культурно – бытовой практике кавказцев // Археология и краеведение – ВУЗу и школе. Тезисы докладов конференции. (Ред.: В.Б. Виноградов, М.П. Павлов). Грозный: ЧИГУ, 1985. 75 с. С. 48–49.

S.B. BURKOV

**ON THE UNPUBLISHED MONOGRAPH OF VA. PETRENKO
(SARMATIAN-ALANIAN ANTIQUITIES OF CHECHNYA,
HISTORICAL AND CULTURAL ASPECT)**

The article analyzes the main provisions of the dissertation research and thesis V.A. Petrenko archaeologist from Chechnya, in the 70–90-ies of XX century are fruitfully engaged in the study of antiquities of the Sarmatian-annualincome period. In the work, against a wide background of other archaeologists, the author's interpretation of the main findings and provisions of this researcher is given, to illustrate a number of the most important episodes, his other articles are involved. A significant place is given to the source study analysis of the studied antiquities.

Key words: Sarmatians, the study of antiquity Chechnya, burial ground of the settlement.

С.Б. Бурков (г. Владикавказ),
В.А. Фоменко (г. Нальчик)

**ОТ ПРОЕКТА ДО ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ.
РЕЦЕНЗИЯ НА: САВЕНКО С.Н. ВОССОЗДАНИЕ МУЗЕЯ ДРЕВНО-
СТЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В ПЯТИГОРСКЕ:
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ПРОЕКТУ**

Аннотация: Статья посвящена анализу основных положений научного сборника документальных материалов, посвященного концепции проектирования, организации хранения и экспонирования монументальных предметов материальной культуры, входящих в состав музея древностей под открытым небом в г. Пятигорске. Помимо анализа основных положений рецензируемой работы, в статье приводится ряд предложений по совершенствованию некоторых её элементов: структуры и компоновки ряда разделов, размещению экспонатов, установке информационных стендов, обеспечению сохранности музейных предметов, выставленных в открытом доступе для посетителей.

Ключевые слова: музей, древности, экспонирование, концепция, музеефикация, археологическое наследие.

Небольшая по объёму, но ёмкая по содержанию, работа директора Пятигорского краеведческого музея, кандидата исторических наук, заслуженного работника культуры РФ С.Н. Савенко¹ посвящена проблеме организации хранения и экспонирования монументальных предметов материальной культуры – музею древностей под открытым небом в г. Пятигорске. Это уже не первый его труд на эту тему: ранее им в соавторстве с другими работниками музеев региона Кавказских Минеральных Вод (далее КМВ) уже были опубликованы несколько трудов похожего содержания, предназначенные как для органов государственной и муниципальной власти, так и для научного сообщества.

Так, в 2002 г. Н.А. Охонько и С.Н. Савенко представляют концепцию сохранения, использования и дальнейшего развития Ставропольской крепостной горы, где в разделе 5 приведены, в том числе, меры по экспонированию и экскурсионному показу части археологических объектов и территорий, расположенных в этой зоне². В 2003 г. отдельной брошюрой издаются основы концепции Кисловодского археологического музея под открытым небом «Горное эхо», основанные на идее музеефикации разновременных, но связанной территориально групп памятников от эпохи бронзы до раннего средневековья³.

Памятники археологии и действия с ними (прежде всего – комплекс объектов Татарского городища) представлены в совместном проекте С.Н. Савенко, В.Г. Данилевича и Н.А. Охонько, посвященного концептуальным основам создания Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника⁴. Эта работа во многом способствовала успешной реализации данного проекта и не осталась

без внимания специалистов, занимающихся проблемами музеефикации недвижимого археологического наследия⁵.

Похожей проблематике, но основанной на изучении погребальных и военно-исторических памятников конца XVIII–XX в., посвящен ряд специальных исследований⁶. Некоторые научные разработки исследуют практику использования различных сооружений древности, ставшими в настоящее время частью экологической системы региона⁷.

Интерес научного и музейного сообщества к данной тематике вполне понятен, ведь Ставропольский край по интенсивности и результативности научных изысканий, неизменно приводящих не только к выявлению, но и к комплексному изучению всё новых археологических объектов, является одной из наиболее оптимальной для развития на этой основе комплексного туристско-рекреационного обслуживания. Для понимания важности поднимаемой темы для Северо-Кавказского Федерального Округа (далее СКФО) может помочь выставка крупногабаритных предметов, экспонирующаяся в Кисловодском музее⁸. Однако это направление пока не находит адекватной поддержки и заинтересованности со стороны органов исполнительной власти региона, хотя некоторые шаги в этом направлении уже сделаны. Именно для того, чтобы перевести отношения творческой интеллигенции, археологического сообщества СКФО, с руководством края в практическую плоскость, необходима определённая теоретическая база, для чего важно представить выверенный и обоснованный план практической реализации задуманного, чему во-многом и посвящён данный труд. Структурно он состоит из 8 частей, которые последовательно раскрывают основную авторский замысел.

Введение посвящено краткому представлению избранной темы, с указанием этапности в её реализации. Важным и информативно насыщенным является раздел, посвящённый истории создания археологических музеев под открытым небом на территории Ставрополя и КМВ. Материал подан в научной форме, со ссылками на использованные источники, которых в брошюре приведено 87. Среди них – дореволюционные издания, в том числе – редкие и мало привлекаемые исследователями. Важно и то, что в работе приведён исчерпывающий список публикаций, посвящённых вопросам создания подобных музеев не только в Пятигорске, но и в других городах региона, а также концепции развития нескольких перспективных археологических комплексов под открытым небом. Среди них – «Татарское городище» (г. Ставрополь) и «Горное эхо» (г. Кисловодск). Последний из проектов был оформлен отдельным изданием 14 лет назад, и пока остаётся нереализованным. Находясь в черте города, комплекс археологических памятников мог бы успешно использоваться для туристического показа, что принесло бы дополнительный стимул в развитие города. Однако, до сих пор это перспективное направление в развитии туристско-рекреационного комплекса остаётся на стадии теоретической разработки.

Опыт, полученный при написании концепций включения памятников археологии СКФО в развитие туристической отрасли, был успешно применён С.Н. Савенко и в рецензируемом труде, текст которого сопровождают иллюстрации, многие из которых были им выявлены самостоятельно в фондах Государственного исторического музея, Института истории материальной культуры, Кисловодского музея «Крепость», Пятигорского музея краеведения, а также в ряде частных собраний. Каждая из них

сопровождает определённый абзац текста так, что у читателя формируется достаточно полное и разностороннее представление о его содержании. Особо следует отметить топоплан городища «Горное эхо» под г. Кисловодском (работы 1997 г.), выполненном в масштабе 1:100 и снабжённый краткими пояснениями которые, из-за небольшого размера самой брошюры, к сожалению, почти не читаются.

Логичным продолжением краткого экскурса в историю создания археологических музеев под открытым небом на территории Кавминвод, является следующий раздел, в котором сосредоточены материалы о самом музее древностей в Пятигорске, поданный в форме исторической справки. Особенно интересны приводимые здесь архивные материалы, изучение которых позволило С.Н. Савенко проследить все этапы сбора, документального сопровождения и непосредственного монтажа экспозиции, открытой в 1850 г., а также её изучения со стороны российских и зарубежных исследователей и путешественников конца XIX – начала XX вв. Раздел сопровождает большое количество рисунков и фотографий. Всего же в брошюре их 40, выполненных с различным качеством. Некоторые из них, в виде копий, в своём изначальном виде уже были не очень хорошего качества, что при недостаточно хорошем уровне полиграфии самого издания получились нечёткими. Объективно это связано с рядом технических и финансовых сложностей при копировании изображений в местах их хранения.

С момента своего открытия во второй половине XIX в. музейный комплекс (рис. 1) постоянно пополнялся новыми экспонатами, история которых также прослежена автором рецензируемого труда, который провёл большую и кропотливую источниковедческую работу. Это позволило ему восстановить и процедуру прекращения функционирования данного собрания древностей, которое было основано на желании сохранить от разрушения природными явлениями его ценные для науки экспонаты. Их часть была отправлена и доставлена в 1881 г. в Москву⁹, оставшиеся экспонаты ещё некоторое время продолжали составлять компактную группу, привлекая внимание многочисленных курортников КМВ.

Рис. 1. Музей под открытым небом в Пятигорске, 1875 год.

Кропотливая работа с документами помогла С.Н. Савенко проследить дальнейшую судьбу изваяний, информация о которых подана на фоне развития курортов, деятельности краеведов и исследователей древностей края, в том числе – и в советский период. Здесь же размещены и архивные материалы, которые свидетельствуют о попытках возродить этот проект в 70–80-е гг. XX в. в форме музея под открытым небом на территории сквера в Ново-Пятигорске, с использованием комплекса разновременных памятников – курганов и исторического кладбища Константиногорской крепости. Описана очень интересная идея создания здания под вновь создаваемый комплекс: на месте большого Ново-Пятигорского кургана предполагалось воздвигнуть здание купольного типа, в центре которого должно было располагаться законсервированное центральное погребение, а по стенам сооружения – ряд секторов с экспонатами различных эпох и культур (с. 25). К сожалению, этот новаторский с архитектурной точки зрения и зрелищный – с познавательной, туристско-рекреационной проект так и остался unrealized.

Раздел завершается параграфом, в котором представлена коллекция крупногабаритных каменных экспонатов, которые бы могли стать основой для возрождённого музея древностей под открытым небом. Это позволило С.Н. Савенко перейти к следующему информационному блоку, в котором представлены детальные сведения об этих предметах, данные о которых поданы в виде развёрнутой исторической справки по каждому из них, с описанием внешнего вида и их историко-культурной ценности. Каждый экспонат сопровождается пояснительными подписями и ссылками на места хранения раритетов и документов по ним, что не только показывает высокий профессионализм автора, но и сильно облегчает всю последующую работу с этими источниками другим исследователям.

Центральное место в современном музее древностей под открытым небом занимает уникальное изваяние Дука-бек, открытое И.А. Гюльденштедтом в 1773 г. у реки Этока в Кабарде¹⁰. В XIX в. Дука-бек был перевезен в центр уезда город Пятигорск, а позже в Москву¹¹, где находится и в наши дни в Государственном историческом музее с надписью на табличке: «Изваяние воина. Северный Кавказ. XIV в. Известняк, резьба». Адыгский просветитель Шора Ногмов писал об изваянии Дука-бек и связывал его с легендарным Дауко Баксаном¹². Изображения людей и животных, находящиеся в нижней части изваяния, также как и на Кыфарском «царском» мавзолее, Эльхотовском и Камбелевском крестах, отображают сюжеты адыгского нартского эпоса (например, борьбы героя с чудовищем). В последние годы об этом памятнике писали А.Ж. Кафоев, В.А. Кузнецов, С.Н. Савенко, В.А. Фоменко¹³ и др.

Рис. 2. Музей древностей под открытым небом в г. Пятигорске. Фото 2016 г.

Отдельно следует выделить сюжет с т.н. «каменным порогом» или «жертвенным камнем», хранящимся в Пятигорском краеведческом музее. С.Н. Савенко провёл тщательное источниковедческое исследование, собрав все возможные сведения об этом уникальном предмете, представив их в последовательности их выявления и опубликования. Это устранило часть противоречий, которые присутствовали в ряде научных изданий, особенно – в вопросе его происхождения. Данный эпизод может быть представлен как самостоятельное законченное исследование в виде отдельной научной публикации, тем более, что он снабжен большим количеством иллюстраций. Материал дан в научной форме, но читается легко, несмотря на обилие различных терминов, краткое объяснение которых (в форме словаря) могло бы детализировать и упростить восприятие этой специфической информации неподготовленным читателем. Это самый значительный по объёму раздел брошюры также сопровождается большим количеством фотографий, которые органично дополняют текст.

Следующая часть посвящена представлению основ авторской концепции построения и функционирования экспозиции. В ней обозначены основные цели и задачи реализуемого проекта, в том числе – организационно-правового характера, описаны общие принципы создания экспозиционного пространства, приведены краткие сведения и фотографии 6 предметов, из которых первоначально предполагается создать музей, предложено решение организационно-финансового обеспечения, эксплуатации и охраны. Здесь же читатель может ознакомиться и с эскизным проектом восстановления Пятигорского музея древностей под открытым небом.

В заключении приводится краткая характеристика ожидаемых последствий от реализации проекта, и подчёркивается, что предлагаемая программа, а также механизмы её реализации могут и должны корректироваться и дополняться.

Такова общая структура брошюры, которая представляет собой хорошо продуманный и насыщенный конкретными предложениями план

по воссозданию музея древностей под открытым небом в г. Пятигорске. Она демонстрирует, насколько глубоко и вдумчиво её автор подошёл к реализации задуманного. Он творчески переработал все предыдущие проекты подобного рода, предлагая свои собственные решения.

Так, представляется вполне оправданной мысль о размещении в каждом из 11 секторов площадки музея информационных стендов, посвящённых различным эпохам в истории КМВ, используя для этого внутреннюю поверхность ограды. Правда, их выделение, на наш взгляд, несколько искусственно. Например, эпоха камня представлена одним общим разделом, с учётом материалов энеолита, который в археологии является самостоятельным этапом, тогда как эпоха бронзы – тремя периодами. Эпоха раннего железного века определена в виде т.н. «киммерийско-скифского времени», тогда как т.н. «киммерийский» этап обычно включает в себя материалы, в т.ч. и финальной стадии эпохи поздней бронзы. Выделение в отдельные разделы т.н. «сарматское время» и «раннеаланский период» также вызывает вопросы, ведь одно от другого отделить довольно сложно: раннеаланские древности фиксируются, начиная со II в. до н.э. и до IV в. н.э., и в это же время существует т.н. «позднесарматская культура». Временные границы сарматских памятников региона известны с начала III в. до н.э. и вплоть до конца IV в. н.э. Эпоха средневековья логично представлена тремя разделами: раннего, развитого и позднего средневековья, последнее автором ограничено концом XVIII в. Что касается грани между поздним средневековьем и новым временем, то для исторических реалий Северного Кавказа она может быть смещена вплоть до 30-х гг. XIX в. Подобная точка зрения была у В.Х. Тменова в связи с тем, что часть археологически зафиксированных предметов в склеповых некрополях Северной Осетии относятся к концу первой трети XIX в. Подобные находки присутствуют в подобных захоронениях и других горных территориях Северного Кавказа. К тому же, исходя из чисто исторических реалий, связанных с начальным событиям, в дальнейшем повлекшим за собой начало Кавказской войны, финальная стадия предыдущей эпохи, сведения о которой мы получаем, в основном, не из письменных источников, может быть соотнесена с эпохой позднего средневековья. Подобный подход основан не на хронологическом критерии, а на т.н. «формационном подходе» который, при выделении временных периодов, позволяет учесть и специфику социально-политической жизни общества¹⁴. В.И. Марковин считал это положение спорным¹⁵. В.Б. Виноградов был согласен с точкой зрения В.Х. Тменова, но в то же время ограничивал конец средневековья на Северном Кавказе рубежом XVIII–XIX вв. или началом XIX в.¹⁶

В связи с вышеизложенным, представляется более целесообразным на информационных стендах представить отдельно следующие эпохи: эпоху камня; энеолит; эпоху бронзы; эпоху раннего железного века с материалами т.н. предскифского времени, а также скифских, сарматских и раннеаланских древностей; эпоху средневековья; новое время; новейшую историю края. Отдельным разделом целесообразно представить основные материалы данной брошюры с тем, чтобы посетители могли иметь развёрнутое представление об истории самого музейного комплекса.

Что же касается структуры данной работы то, на наш взгляд, было бы логичным несколько изменить её компоновку, ведь изначально сами

материалы, судя по всему, готовились, прежде всего, для органов исполнительной власти региона, с целью их убеждения в необходимости реализации авторского замысла. В этой связи сами основы концепции и экспозиционного построения можно было бы разместить в начале, после введения. В разделе, посвящённом вопросам организационно-финансового обеспечения можно было бы более обстоятельно расписать обеспечение самого процесса функционирования музея древностей после его открытия, а также представить его внутреннюю организационную структуру, ведь в самой «Концепции» предусмотрено, что музей должен являться государственным учреждением культуры со статусом не ниже краевого, или структурным подразделением ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей». Вопрос о возможном муниципальном статусе автором не обозначен.

Вероятно, стоило бы привести и ссылки на соответствующие разделы статей из законодательных актов РФ, посвящённых музеям и музейному строительству. Все это могло быть представлено в виде отдельного подраздела, например – «Организационно-правовые основы функционирования музея». Кроме того, в предлагаемой «Концепции» не расписаны действия в случае пополнения музея новыми экспонатами, хотя это предполагается (с. 50) – в т.ч. – и за счёт изготовления полномасштабных копий ранее экспонировавшихся статуй, а также находок, ставшими достоянием после археологических раскопок, либо – найденными случайно жителями региона. Неясно также, как и из каких источников предполагается оплачивать изготовление копий.

В тексте нет раздела, посвящённого наступлению страховых случаев при повреждении подлинных экспонатов, ведь предполагается выставить и ряд оригинальных предметов, находящихся на постоянном хранении в фондах того же Пятигорского краеведческого музея. Это представляется особо актуальным в связи с зафиксированными случаями вандализма по отношению к подобным предметам в соседних регионах. Кроме того, возрождение т.н. «неоязыческих» ритуалов, в том числе – и на территории края, также может нести опасность для сохранности для экспонируемых древностей.

Все перечисленное выше могло составить первую, «официальную» часть работы, тогда как разделы – об истории создания археологических музеев под открытым небом, историческая справка о музее древностей, данные о экспонатах, могли составить её вторую часть, в качестве приложения к первой.

Однако, высказанные выше в качестве предположений, мнения несколько не умаляют того факта, что перед нами – качественно выполненное и грамотно смоделированное самостоятельное исследование, снабжённое достаточно продуманным комплексом практических мер, что в дальнейшем позволило С.Н. Савенко успешно реализовать задуманное.

В 2014 г. министерство культуры Ставрополя получило под реализацию данного проекта грант в размере 2,4 млн. руб. который, в сочетании с заинтересованным и деятельным участием администрации г. Пятигорска и городского депутатского корпуса, привёл к открытию 21 марта 2016 г. на вершине Горячей горы музейного комплекса. По статусу он является филиалом Пятигорского краеведческого музея. В этот день его коллекция пополнилась ещё одним редким экспонатом.

В 2012 г. в ходе раскопок кургана № 6 могильника «Невиномысский – III (автор работ – С.В. Мячин), в погребении № 6 эпохи бронзы была найдена

каменная стела, выполнявшая роль перекрытия. На ней было выбито изображение, получившее условное обозначение как «Древо жизни». Она лежала рисунком вверх и была использована вторично. Это довольно редкий для археологических памятников КМВ артефакт был передан музею руководителем ООО «Наследие» к.и.н. А.Б. Белинским. Он может быть сопоставлен с подобными же, происходящими из погребений Северного Причерноморья – например, с т.н. «Керносовским идолом»¹⁷, а также иными каменными монументами IV–III тыс. до н.э.¹⁸

Кроме того, число изваяний, выставленных в музее под открытым небом, пополнилось и другими экспонатами: т.н. «половецкой бабой», обнаруженной в районе с. Новоблагодарного ещё в 1928 г., малым жерновом конца I тыс. до н.э. и фрагментом камня с петроглифами второй половины I тыс. н.э., происходящего из района горы Бермамыт в северном Приэльбрусье, переданный в дар музею группой горных туристов в 2015 г. Как видим, экспозиция постоянно пополняется, и в этом процессе важную роль играет сотрудничество музея с археологами края, со всеми, для кого древняя история становится важным и нужным общим делом.

За время, прошедшее с момента открытия, его уже посетили многочисленные туристы, школьники и жители КМВ, а на заработанные при этом деньги Пятигорский краеведческий музей уже провёл несколько интересных и важных научно-познавательных мероприятий. Так теория стала практикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Клычников Ю.Ю., Фоменко В.А. С.Н. Савенко (к 50-летию со дня рождения и 30-летию научно-творческой деятельности) // Археологический журнал. Армавир, 2008. № II. С. 133–134.

2. Охонько Н.А., Савенко С.Н. Концепция сохранения, использования и дальнейшего развития Ставропольской крепостной горы. Ставрополь, 2002. С. 37.

3. Аржанцева И.А., Савенко С.Н., Сычев А.А. Кисловодский археологический музей под открытым небом «Горное эхо». Основы концепции. Кисловодск, 2003. 45 с.

4. Савенко С.Н., Данилевич В.Г., Охонько Н.А. Концепция создания Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, СГКМ, 2005. 175 с.

5. Гусев С.В., Загоруйко А.В., Минеева И.М., Ожередов Ю.И., Ксенц А.С. Археологическое наследие в музеях-заповедниках Европейской части России. Томск: ТМЛ-Пресс, 2011. С. 81–83.

6. Фоменко В.А. История российского освоения Центрального Предкавказья в конце XVIII – начале XX в. в отражении погребальных памятников // Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Пятигорск, 2000. 18 с.; Фоменко В.А. Константиногорская крепость. Исторические очерки. Пятигорск: Пятигорское краеведческое общество, 2007. 60 с.; Коваленко Е.А., Григорьева О.С. Музей под открытым небом (городские и поселковые кладбища как памятники истории и культуры) // VI «Прозрителевские чтения». Сборник материалов научно-практической конференции. Ставрополь, 2011. С. 146–150; Семендяев М.В. Военно-исторические памятники города Пятигорска. Пятигорск: Пятигорский краеведческий музей, 2012. 112 с.; Коваленко А.Н., Савенко С.Н., Краснокутская Л.И., Багдасарян А.А., Линец С.И. Воинская слава Пятигорска: Очерки истории. Пятигорск: СНЕГ, 2015. 352 с.

7. Маловичко Л.В. О роли краеведческого музея в организации экологического туризма в Ставропольском крае // II «Прозрителевские чтения». Сборник

материалов научно-практической конференции. Ставрополь, 2006. С. 174–176; Гріднева Н.А., Драчѣва О.Н. Формы и методы историко-экологического образования школьников в музее села Татарка // VI «Прозрителевские чтения». Сборник материалов научно-практической конференции. Ставрополь, 2011. С. 111–112; Дзыбов Д.С. Курганы – древнейшие экотопы генофонда фрагментов флоры и экосистем Юга России // Там же. С. 95–101.

8. Савенко С.Н., Лачинов И.А. Лапидарий Кисловодского музея // «Прозрителевские чтения». Сборник материалов научно-практической конференции. Ставрополь, 2015. Вып. I. С. 114–121.

9. Боглачев С.В., Кузнецов В.А., Маркелов Н.В. Пятигорск в исторических очерках. Пятигорск: Снег, 2010. С. 50.

10. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 281–282, 284–285.

11. Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Балкария: страницы прошлого. Нальчик, 2006. Вып. 3. С. 50–51; Боглачев С.В., Кузнецов В.А., Маркелов Н.В. Указ. раб. С. 50–51.

12. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1994. С. 80–82.

13. Кафоев А.Ж. Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника. Нальчик, 1999; Кузнецов В.А. Изваяние «Дука-Бек» (историко-археологические проблемы) // Историко-археологический альманах. Армавир-М., 1999. Вып. 5. С. 83–99; Савенко С.Н. Воссоздание музея древностей под открытым небом в Пятигорске: научно-методические материалы к проекту. Ставрополь, 2013. С. 28–35; Фоменко В.А. Древности долины реки Хасаути и другие археологические памятники Северного Кавказа (вопросы культурно-этнической принадлежности). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 82 с.; Фоменко В.А. О датировке и культурной принадлежности изваяния Дука-бек // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 9 (71). С. 210–212.

14. Тменов В.Х. Позднесредневековые склеповые сооружения Северной Осетии как исторический источник («Город мертвых у сел. Даргавс») // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 21–22; Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1995. С. 40. Прим. 2.

15. Марковин В.И. К изучению средневековой истории народов Северного Кавказа // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов-на-Дону, 1976. № 4. С. 14.

16. Виноградов В.Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов-на-Дону, 1977. № 1. С. 65, 68.

17. Крылова Л.П. Керносковский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы. Киев: Наукова думка, 1976. С. 36–46.

18. Степанов М.В. Лисичанский идол: бог сияющего неба или хтоническое чудовище? (из опыта реконструкции религиозных верований древних обществ) // Матеріали та дослідження в археології східної України. Київ, 2013. № 12. С. 82–127.

S.B. BURKOV, V.A. FOMENKO

**FROM THE PROJECT TO ITS IMPLEMENTATION. REVIEW OF: SAVENKO S.N.
RECONSTRUCTION OF THE OPEN-AIR MUSEUM OF ANTIQUITIES IN PYATIGORSK:
SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL MATERIALS TO THE PROJECT.**

Summary: the Article is devoted to the analysis of the main provisions of the scientific collection of documentary materials devoted to the concept of designing, storing and exhibiting the monumental items of material culture that are part of the open-air Museum of antiquities

in Pyatigorsk city. In addition to the analysis of the main provisions of the reviewed work, the article provides number of suggestions for improving some of its elements: the structure and layout of some sections, placement of exhibits, installation of information stands and insurance of safety of the museum items exhibited for visitors in the public domain.

Key words: Museum, antiquities, exhibiting, concept, museumification, archaeological heritage.

В.А. Артамонов
(г. Москва)

ЗАПАДНАЯ ЧЕРКЕСИЯ В ВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ 1763–1864 гг.

Начало войны с западными черкесами уместно относить к 1763 г., когда Петербург землёй адыгов стал считать зоной завоевания. Набеги черкесов после 1763 г. на блокирующие русские линии следует считать самозащитой.

Борьба племён Западной Черкесии за независимость пришлась на годы высшего взлёта боевого духа Русской армии 1770-е – 1820-е гг. Боеспособность черкесов держалась не только на врождённой воинственности, но и на адыгском этикете «адыгэ хабзэ». Черкесия не выдвинула вождя, подобного Шамилю, но партизанская стратегия обороны против истребительной войны Российской империи доказала эффективность военной культуры и стойкость духа черкесов. Сопrotивление на Северном Кавказе оказалось действеннее, чем борьба других народов против Британской и Французской империй. Тотальное наступление русских отрядов в 1861–1864 гг. надломило дух черкесов, но выселение в Турцию не изменило национальный характер мухаджиров.

Ключевые слова: черкесы, адыги, боеспособность, адыгский этикет, Шамиль, партизанская стратегия обороны.

Экспансия Османской империи и Крымского ханства на Северном Кавказе надолго – с XVI и до первых десятилетий XVIII в. сделала Российское царство естественным союзником восточной Черкесии – Кабарды¹. Адыги западной Черкесии с 1562 г. признали сюзеренитет Турции и Крыма² и границей между «турецко-крымской» Черкесией и Кабардой была р. Кубань.

С Петра Великого Россия начала движение от старомосковского застоя к миссии мирового масштаба – заполнению своей особой цивилизацией пространств Восточной Европы и Северной Азии для сближения Запада и Востока. Пётр I выдвинул четыре программы, охватывающие земной шар: Азово-Черноморскую, Балтийско-Атлантическую, Тихоокеанскую (с перспективой встречи с Японией, Китаем и Северной Америкой) и Каспийско-Иранскую с заветом выхода через Среднюю Азию к Индии³.

Соперничая с Турцией, Россия продвигалась на юг по балканскому, крымскому и кавказскому направлениям. Османский отпор проходил там же – на Балканах, на Черном море и на Кавказе.

Борьба на Большом Кавказе с османами и персами и выход русских границ к Предкавказью стали прологом колониальной войны с горцами, окончившейся в 1864 г. трагедией для нескольких народов, которые почти век упорно защищали свою землю. Российская империя наступала, горцы же, отстаивая свободу, оборонялись. Вот почему вся правда и историческая справедливость была на их стороне.

Войны на Северном Кавказе могло бы не быть, если бы экспансия России задержалась на рубежах, определённых Белградским мирным договором от 18 (29) сентября 1739 г. и не продвигалась дальше на юг. Согласно этому договору границы между Османской и Российской империями в Предкавказье должны были быть «учреждены и постановлены как

в прежних трактатах». Территория между государствами разделялась нейтральной «барьерной» зоной, длиной около 540 км, проходившей от окрестностей Азова на юго-восток вплоть до дальних пределов Кабарды у станицы Червлёная на Тереке⁴.

Ширина «барьерной зоны» в разных местах составляла от 30 до 150 км. Россия полностью отсекалась от Азовского и Чёрного морей и не могла иметь там флота. Большой и Малой Кабарде и кабардинскому народу надлежало быть вольными и такой же «барьерой» вне владений обеих империй⁵. В то бесконфликтное время вполне естественно выглядела благородная идея кабардинского просветителя и поэта Жабаги Казаного (1685–1750): «В нерушимости уз, связывающих с Россией и священным Баксаном, – залог выживания адыгского народа». В 1743 г. кабардинцы просили императрицу Елизавету Петровну: «Ежели е. и. в. их, кабардинцев, рабами своими почитает и желает, чтоб не пришли они во всеконечное разорение, дабы определено было к ним для всегдашняго пребывания российское войско»⁶.

Россия, подобно другим великим державам, предел экспансии, как указывалось, начиная с Петра Великого, пожалуй, видела в Индии, хотя раздавались голоса и об обременительности новых завоеваний. Все колониальные войны – как Российской, так Британской и Французской империи, Испании, Португалии, Италии, Германии, Бельгии и Нидерландов были бедствием для народов Индии, Африки, Индокитая, Индонезии, Бирмы, для индейцев Америки, аборигенов Австралии и Новой Зеландии..

Кавказская война началась с основания Моздока в 1763 г., а не с бурных операций державника генерала А.П. Ермолова (1777–1861) в 1817 г., который сменил прежние бесплодные карательные экспедиции, планомерной «осадой» Кавказа⁷. С 1760-х годов русские войска вместе боеприпасами вплотную придвинулись к «нейтральной» Кабарде, где началась разведка для будущих крепостей⁸. Политика центра перешла от вассалитета XVI–XVII вв. по отношению к горцам, к захвату. В планах Петербурга Кавказ, как «мост в сердце Азии» (Р.А. Фадеев) становились зоной завоевания. В России не оценили силу «кавказского бастиона» и не думали, что овладение им затянется на сотню лет. После 1763 г. Черкессия сдавливалась с трёх сторон – с Азово-Моздокской и Моздокско-Кизлярской кордонных линий (1777–1778) из Грузии и флотом с Черного моря. Тогда же предполагалось вытеснение Османской империи с Балкан и восстановление там православной Византии⁹.

В 1792–1803 гг. была создана единая кордонная линия от Тамани до Кизляра. За Кубанью просторы свободной Черкесии до 1829 г. оставались под номинальной протекцией Турции.

В последнее время адыгские историки предлагают называть Кавказскую войну «русско-адыгской войной – «Урыс-адыгэ зауэ». Другое название – «Русско-кавказская» неточно, ибо Россия в те же годы помогала грузинам и армянам освободиться от Османской империи и Персии.

Операции против северокавказских горцев не были непрерывными, они несколько стихали, когда основное внимание русского командования обращалось на другие театры военных действий в 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 1826–1828, 1853–1856 гг.

Важнейшими событиями в столетней войне с горцами можно считать: 1. закладку Азово-Моздокской линии в 1777 г.; 2. поражение кабардинских князей и дворян в 1779 г., после которого по Ясскому договору 29 декабря 1791 г. Кабарда и Осетия окончательно были закреплены за Россией; 3. Присоединение Грузии в 1801 г., прокладку Военно-Грузинской дороги

к Тифлису и заложение стратегической крепости Владикавказ; 4. 14-летнюю чуму на Кавказе; 5. создание блокадной с несколькими фортами 500-километровой Черноморской береговой линии в 1834–1838 гг. с главной квартирой в Новороссийске; 6. конец войны в Чечне и Дагестане в 1859 г.; 7. катастрофу адыгов в 1862–1864 гг.

...Неприступным горно-лесным Северным Кавказом не могли овладеть ни гунны, ни византийцы, ни хазары, ни монголы, ни турки. Россия для осады этой твердыни, длиной в 1200 и шириной в 200–250 км, использовала опыт накатанной и эффективной тактики засечных черт XVI–XVII вв., строительство новых «военных линий», жестокое разорение аулов, стгон населения и неуклонное заселение пограничных полос казачьими станицами.

В данной статье рассматривается только противоборство Российской империи с племенами Западной Черкесии на пространстве от Тамани до верхнего течения Кубани. Опускается соперничество Ирана, Турции и России за Кавказский регион, политическое и культурное влияние Крымского ханства на западных черкесов, борьба их с крымцами в XVI–XVII вв. и совместные походы на русские и калмыцкие земли. Оставляется в стороне помощь черкесам внешних сил из Европы и Турции. Не разбираются вопросы о развитости феодализма у черкесов, соотношение между адатом и шариатом, исламом и язычеством, межплеменные набеги и убоицы с целью захвата добычи, горянок и мальчиков у своих же адыгских племён, кровная месть между родами, положение рабов, которых могли продать соседям или за море, убить, или вернуть за выкуп¹⁰. Вне рамок работы оставляется и тема переселения «мирных черкесов» под русскую власть.

Национальный характер горских народов во многом однотипен и определяющей чертой в нем является воинственность, которая веками отработывалась на ограниченном пространстве. Жизнь среди опасностей воспитывала подвижность, отвагу, способность действовать в одиночку и самоуверенность.

Монархи Европы и Азии охотно нанимали на службу горцев. Дружины неустрасливых и выносливых гуркхов Непала собирали раджи Индии и с 1816 г. британцы. Короли Франции охотно вербовали всегда готовых к бою шотландцев. Швейцарские наёмники служили Ватикану, Священной Римской империи, Бранденбургу, Венеции, Савоие и др. Неимушие и бесстрашные черногорцы в середине XIX века каждый месяц многократно бились с турками и отправлялись на помощь России, Сербии, Венеции. Известна служба черкесов в охранных отрядах монархов Ближнего Востока.

Силы адыгских племён и России на первый взгляд, были несопоставимы. Военно-феодальной Российской империи, достигшей апогея державной мощи в царствование Екатерины II и разгромившей Наполеона, противостояли разрозненные, в стадии военной демократии горцы – шапсуги, абадзехи, натухайцы и жители равнины с феодальным строем (кабардинцы, бесленеевцы, бжедуги и др).

Ещё в 1838 г. тюркский этноним «черкес» (Çerkez) не употреблялся адыгами и многие даже не понимали его. Так писал Белл Т. 2. 26 июня 1838 г. Однако западноевропейцы адыгов Северного Кавказа с XVI–XVII в. называли черкесами.

Никто не упоминал о том, что противоборство горцев осложнилось тем, что в первой половине Кавказской войны оно пришлось на годы высшего взлёта боевого духа «высокославного и непобедимого Всероссийского войска»¹². Завоевания Западной Черкесии и Кабарды были бы не под силу ни русским ратям XVII в., ни армии времён Петра I и царицы Анны

Иоанновны. (Качественный перелом в боевом духе и материальных ресурсах произошёл в годы Семилетней войны 1756–1763 гг.).

В царствование Екатерины II и до 1820-х годов воинственность русских солдат была самой высокой за всё время существования Российской императорской армии 1699–1917 гг.¹³, хотя отшлифованного веками адыгского самовоспитания, у солдат Кавказской армии не было. Забитость бывшего крепостного рекрута через два-три года кавказской службы сменялась черкеской сноровкой и ловкостью¹⁴. Загнанность замещалась «победительным состоянием духа». Офицеры гордились славой 1812 г., рядовой состав был предан белому Царю, который считался сакральным небожителем, самодержавию и православию, верил в спасительность молебнов и окропление святой водой перед боем, доверял «отцам-командирам» и централизованному командованию, которого не было у адыгов. Дух завоевания сопровождался боевыми песнями и музыкой. Дезертиров не было, они появились после 1820-х годов¹⁵, когда началось выгорание психической силы русских. Среди высшего командования и офицерства было немало державников, в мыслях уже поглотивших весь Кавказ, подобных А.П. Ермолову, который заявлял «паче не люблю, что и самая каналья, каковы здешние горские народы, смеют противиться власти государя»¹⁶.

По словам англичан, русские в сношениях с Европой приняли язык ультиматума, которым когда-то говорил Рим¹⁷.

Штыковые атаки с криком «ура и барабанным боем заставляли уклоняться горцев, кидавшихся с пашками на штыки.

Самочувствие солдат, вооружённых зачастую негодными кремнёвыми ружьями, но обладавших «невероятной выносливостью» (Г.И. Филипсон), подкреплялось конными и пешими «ракетными командами», камнемётными фугасами и, стрелявшей крупной картечью «аракчеевской» артиллерией, результативность которой, правда, в горах была ниже, чем на равнине. («Русская артиллерия – страх адыгов» – писал Т. Лапинский¹⁸). Искусными разведчиками и дозорными были пластуны, вооружённые штуцерами. Команды разжалованных (тогдашние штрафники) «лезли в огонь, очертя голову, чтобы отличиться и выбиться из своего положения» (Г.И. Филипсон). В 1786 г. Кавказский корпус составлял 35 712 чел., к 1787 г. в Предкавказье переселилось 67 568 крестьян, к 1802 г. на Кубани насчитывалось 23 579 казаков Черноморского войска¹⁹, которые сковывали набеговую тактику горцев. Это было полным аналогом австрийской Военной границы, устроенной на Балканах против турок.

Факторы силы были и на стороне черкесов. В отличие от русского крестьянства, у них всё общество стояло на военной ноге²⁰. Защита родной земли, нартский эпос с осознанием того, что адыги – потомки великих богатырей и джихад против гяуров – святое дело, крепили боевой дух. Боеспособность увеличивалась родовой взаимностью, личной инициативой, «общей ненавистью к русским» (Г.И. Филипсон) и чувством мести, которая иногда становилась смыслом жизни.

Вторичным фактором черкеской силы был сам Кавказ. Предгорный и горный рельеф с вековыми лесами, ущельями, быстрыми речками, плавнями, колючими зарослями, с искусственными громадными завалами из камней и брёвен, перевязанных толстым хворостом, исключали полевые сражения линейными войсками и превращали Кавказ в неодолимую крепость. Горцы умело пользовались местностью. «Кавказ дробил военную машину, вторгшуюся на его территорию, на отдельные детали и тем самым лишил ее мощности»²¹.

Непривычен был для русских рекрутов и климат с невыносимой жарой, вызывавший массовые заболевания, свирепую лихорадку, цингу и тиф особенно в прибрежных фортах²². «Болезни и смертность превосходили вероятие» (А.П. Ермолов).

Чёткой линии фронта не было, «мирных» горцев трудно было отличить от «немирных». Изначально воин по призванию, горец совмещал в себе несколько видов военной деятельности. Во время атак всадники стреляли на скаку и подлетали, несмотря на картечь, почти под самые дула орудий, том числе и горных единорогов.

Поддержка адыгов Османской империей, которая утратила староосманскую неумолимость, в XVIII – первой половине XIX в. была скорее моральной, чем реальной. Тем не менее, на Кавказе ходили слухи о «великой мощи» властелина полумира, наместника Аллаха – турецкого падишаха, но на него была слабая надежда. Турки энергично «выкачивали» в свои гаремы первосортный кавказский генофонд – красавиц черкешенок. Поддержка Англии, рассматривавшей Черкесию как барьер на пути продвижения России на юг, была слабой.

В Черкесии не было центра военной силы, как в Чечено-Дагестанском имамате Шамиля и полноценной помощи оттуда тоже не поступало. При равной пассионарности с дагестанцами и чеченцами Черкесия не выпестовала вождя, подобного «создателю героев» Шамилю. Русское завоевание откачнуло адыгов от христианско-языческих обрядов к исламу и создало образ гюра-врага, против которого оправдана «священная война» не на жизнь, а на смерть. Популярной была идея: «Конечно, русские сильнее нас, но Бог сильнее русского государя».

Сдерживало черкесов и калмыцкое войско, нависавшее с севера над Черкесией и Кабардой. (29 апреля 1769 г. хан Убаша с 20 тыс. калмыков, «превосходивших своей воинственностью все азиатские народы», на р. Калаус разгромил кабардинцев и ногайцев)²³.

К военному воспитанию адыги приучались с детства. Подростков изначально закаляли и готовили к набегам. В Кабарде вывели прекрасную породу лошадей. Детей учили джигитовке и по-доброму ухаживать за конями. Тех тоже с раннего возраста подготавливали к военной службе, заставляли привыкать к ружейному огню и слушаться команд хозяина. Рядом с жилищем черкеса всегда наготове стоял оседланный конь, оружие тоже было всегда наготове. «И стар и млад имеют обыкновение беспрерывно гонять лошадей, скакать через рвы и изгороди, в бешеном беге внезапно останавливать лошадь, скакать в гору и под гору» (Т. Лапинский). Острой, как бритва пашкой учили наносить смертельный удар, тренируясь на воде, чтобы не было брызг.

Один из черкесских беев объяснял: «мы не изготавливаем никаких тканей, но купцы являются с товарами в период набегов и снабжают нас всем необходимым ... Наша молодёжь приобретает посредством набегов возможность хорошо одеваться. [Похищение детей] есть простой обмен между округами, а между тем он даёт нам возможность развивать воинственный дух в молодёжи»²⁴.

Черкеская конница в мобильности превосходила менее подвижную и склонную к грабёжам во время боя – казачьей. Стремительные с быстротой молнии атаки сопровождались неистовым визгом-гиком «Еуе!» и «Маржэ!» Хаотичность набегов, когда каждый предводитель атаковал противника по своему произволу, ослабляла их результат.

Адыгские оружейники изготавливали превосходные лёгкие ружья с золотой и серебряной насечкой. Всадники и пешие имели кольчуги, ружье,

пистолет, пашку, кинжал – «каму», или ятаган. Реже встречались лук и стрелы, «служащие больше украшением, нежели употребляющиеся в деле»²⁵, секиры и пики. Папаха на толстой подкладке выдерживала сильный сабельный удар. Длинные, окованные железом палки носили только бедняки и рабы, которые не имели средств приобрести себе оружие.

Адыгский князь-просветитель Хан-Гирей (1808–1842) писал: «черкес ест, пьёт, говорит, забавляется всегда с кинжалом на поясе и спит, имея его под своим изголовьем, следственно, он вечно вооружён» и имеет наготове погребальную одежду в доказательство готовности умереть в любой момент²⁶. «Адыхе удивляли соседей своею ловкостью и неутомимостью в верховой езде, красивой одеждой, искусством накидывать аркан; они соскакивали с лошади на самом быстром скаку и поднимали кольцо или монету; также искусно владели они и оружием, стреляли метко из лука и ловко метали копьем и дротиком. Дыныне щегольство оружием составляет главную нашу заботу, и владетель хорошего пистолета или отличной пашки слывет за счастливого воина. Отцы наши полагали, что умение владеть оружием составляет главную обязанность каждого человека, что упражнение в этом искусстве придает ему красоту стана, ловкость и проворство в движениях. Адыхе мало заботятся о чистоте своей наружности, часто покрытые грязью и пылью, они являются в многочисленном собрании, где беспорядок одежды нисколько не предосудителен. Все хвалят нашу стройность, высокий рост и мужественную осанку. Оклад лица часто сбивается на славянский, особенно в простом народе. Адыхе, отправляясь на войну, избирали вождей и сражались рассеянными конными или пешими толпами, следовали в своих действиях не общему плану, а мгновенному внушению предводителей, которые руководствовались отважностью и мужеством, не зная никогда благоразумной осторожности. Адыхе славились храбростью и безответным мужеством... Храбрейшие бросались в середину врагов и первым натиском опрокидывали их... Кроме природного мужества, адыхе отличались особенным искусством драться в ущельях, скрываться в кустарниках и лесах, лазить по стремнинам и непроходимым местам... Адыхе были великодушны и чужды низких страстей. Они гордились своею славой и воинскими подвигами»²⁷.

Начальник Кавказской линии генерал-майор К.Ф. Сталь писал: «Сдаться военнопленным есть верх бесславия и потому никогда не случалось, чтобы вооруженный воин сдался в плен. Потеряв лошадь, он будет сражаться с таким ожесточением, что заставит, наконец, убить себя». «Видя отрезанными все пути к спасению, – свидетельствовал российский офицер Торнау, – они убивали своих лошадей, за телами их залегали с винтовкою на присошке, и отстреливались, пока было возможно; выпустив последний заряд, ломали ружья и пашки и встречали смерть с кинжалом в руках, зная, что с этим оружием их нельзя захватить живыми».

Численность боевых сил адыгов²⁸ и правительственных войск, как и потери черкесов и русских в 1763–1864 гг. учитывалась слабо. Количество кабардинцев к середине XVIII в., возможно достигала 300–400 тыс. чел., однако анархия и племенная разобщённость, междоусобицы, кровная месть, когда человек считал себя обесчещенным²⁹, если не отомстит за смерть родственника, непрерывные взаимные набеги ради продажи рабов за море³⁰, всё это мешало становлению государственности и ослабляло военный потенциал адыгов. Ни князья (пши), ни наезжавшие турки, британцы и поляки не могли сплотить племена. Вместе с тем в распрях оттачивалась боеспособность, которая по отзыву астраханского губернатора

А.П. Волынского впятеро превосходила крымско-татарскую и кумыкскую. «И тако, государь вся Кабарда ныне видеться под рукою вашего величества, такмо не знаю, будет ли из сей медиации впредь польза, понеже между ими вовеки миру не бывает. По исследованию дела не сыскался виноватой ни один и правого никого нет, а за что первая началась ссора то уж и с памяти вышло. И тако за что дерутся и режутся, истинно ни один не знает... Только одно могу похвалить, что все такие воины, каких в здешних странах не обретається, ибо, где татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двух сот. И никто против их не стоят и все от них трепещут, что меня государь и помutilo около их трудица, чтоб они были все под протекцию вашего величества как и сделалось, ежели устоят в том»³¹.

Солдаты и казаки перенимали от горцев приёмы военного дела, тактику разведки, засад, пикетов, шашки, пистолеты, кинжалы, бурки, сёдла, «джигитовку и удалство с театральным оттенком», а также куначество. Черкесский военный костюм к концу XVIII в. утвердился на всём Кавказе, его переняли терские и кубанские казаки, а в 40-х годах XIX в. этот костюм был утверждён как воинская форма всех казачьих войск на Кавказе.

Русское командование признавало убийственную меткость и днем и ночью стрелявших врасыпную адыгов из винтовок с дальнобойностью 250–300 шагов. Обстрелы из засад приносили большие потери. Командующий войсками Кавказской линии генерал-лейтенант А.А. Вельяминов (1785–1838) скрывал правду, когда говорил, что «если наши солдаты стреляют вдесятеро хуже горцев, зато мы на каждый их выстрел будем отвечать сотней выстрелов»³². Дальность прицельной стрельбы из гладкоствольных ружей не превышала 100–150 шагов.

Самым развитым феодальным образованием на Северном Кавказе была Кабарда, которая оказывала сильное влияние на быт соседей. «Влияние кабардинцев было огромно и выражалось явно в... подражании окружающих народов их одежде, вооружению, нравам и обычаям. Благородный тип кабардинца, искусство сидеть на коне и носить оружие, изящество его манер и своеобразное умение держаться в обществе были до того паразительны, что ингуши, осетины, чеченцы отправляли своих детей в Кабарду учиться приличиям и этикету. Фразы: «он одет» или «он ездит как кабардинец», звучали величайшею похвалою в устах соседнего горца»³³.

Это влияние определялось не силой, а прежде всего дворянским этикетом «уорк хабзэ», («уэрк хабзэ»), сложившимся возможно к XVI в. Такой этикет включал презумпцию благородства и достоинства, почитание старших, идеал долга, сознание превосходства, презрение к опасности и самопожертвование. О храбром воине говорилось: «В его груди сердце волка», Уподобиться «околевшей падали» трусу, лицо которого покрыто «собачьей шкурой» – было позором. Бранные слова, громкий смех, развязность, неопрятность в одежде, прожорливость, жадность, болтливость – осуждались. Подобный кодекс помогал формировать людей стройных, видных собой и без телесных дефектов. Сказывались и горная вода, и чистота, с которой готовят кушанья, и гигиена: «Даже у бедных бывают всегда чистые и аккуратные постельные принадлежности, которые после оружия составляют важнейшую часть его движимого имущества; у богачей встречается немалая роскошь в постельных принадлежностях и сакли довольно уютны, т.к. содержатся очень чисто. Однако же зимой они очень холодны». (Т. Лапинский).

Категорию адыгского этикета «уорк хабзэ» ввёл в науку в 1978 и 1999 гг. Б.Х. Бгажников, который классифицировал его по постулатам **человеч-**

ность (чуткость, право человека на признание и уважение, спасение души через благодеяние); **почтительность** (воспитанность, деликатность); **разум** диктующий нравственность мышления и поведения; **мужество** (не только воинское, но стоицизм и упорство в достижении цели); **честь** (поступая достойно, человек поддерживает и честь своего народа)³⁴. Значимым был и отказ от стяжания – старшинам, князьям и дворянам «приличие не позволяет брать добычу и которых удел есть сражаться»³⁵. Уорк хабзэ не распространялся на социальные низы, но был привлекателен и ему старались подражать. «Адыг по натуре храбр, решителен, но не любит бесполезно проливать кровь и не жесток. Ему нравится подвижная жизнь, однако он неохотно остается долго вдали от своей родины. Он больше всего на свете любит свои леса и горы; свою личную свободу он рассматривает как высшее благо; кротостью и убеждением он позволяет собой руководить, как ребенком, и переносит даже строгость, но восстает против всякой несправедливости. Он ревниво относится к своей военной славе, но чистосердечно восхищается храбростью другого, даже своего врага». Прославленное гостеприимство имело и оборотную сторону: у адыгов было «много лентяев, особенно уорков, которые эксплуатируют гостеприимство хозяев и под разными предлогами переезжают из дома в дом, чтобы хорошо питаться самими и кормить своих лошадей за чужой счет»³⁶.

Можно предположить, что в подоснове адыгского этикета лежал пантеизм – всевидящий Бог держит под неусыпным наблюдением человека. «Адыхе приписывали все случаи человеческой жизни воле Всевышнего существа, миротворителя». (Ш. Ногмов). Не подвергалось сомнению, что и «души предков видят своих потомков». Нельзя не признавать высокую воспитательную ценность адыгского этикета³⁷.

Адыгские правила поведения не были уникальны. Чаще всего их сопоставляют с самурайским сводом правил «бусидо». Но существовал, например, мусульманский «кодекс чести» *футувва* (отвага, терпение, выносливость, благопристойность и т.д.), который стал уставом для «бойцов за веру» (гази)³⁸.

В католической Западной и Восточной Европе от Испании до Польши и Венгрии в XII–XIII веках сформировалась каста профессиональных воинов-рыцарей с таким же кодексом чести. Там детей с 7 лет отправляли в замок сюзерена, где учили военному делу, верховой езде, владению оружием, быть отважными и закалёнными. Рыцарь должен был следовать идеалам благородства, верности, учтивости, великодушия, бескорыстия, презирать трусость и роскошь, помогать обездоленным, не иметь спеси, уважать достойных противников, жертвенно защищать католицизм в борьбе с язычниками и иноверцами, проверять силу на турнирах и прославлять даму сердца³⁹.

Среди кочевников и в православных странах – на Руси, в Молдавии и Валахии, Сербии, Болгарии и Греции рыцарства не было, но в России во второй половине XVIII в. под влиянием западной культуры сложился подобный этикет у дворян. Тогдашнее поколение дворян старалось следовать установкам героического патриотизма, личной чести и достоинства, самодисциплины, благопристойности, вежливости, приветливости, обходительности, искренности и мужества (перед крупными баталиями офицеры одевали парадные мундиры и ордена). Презиралась трусость, чванство, кичливость богатством и сословными привилегиями⁴⁰.

У горцев территориальной экспансии, как у кочевников или централизованных государств быть не могло, так как внутри- и межплеменные

раздоры не давали развития ни исполнительной власти, ни центральному командованию, ни общему постоянному войску, которое было невозможно в принципе. Тенденции к завоеваниям гасились на месте⁴¹.

До 1763 г. налёты черкесов на станицы, угоны пленных, рабов и скота совершались как ради добычи, чтобы избежать голода, так и ради славы – доблесть в набегах прославлялась. После 1763 г. они стали самозащитой в ответ на безжалостное истребление гнёзд-аулов. Сбить набегами блокадные наступающие линии вместе с их фортами, станицами и постами – в этом состоял смысл оборонительной стратегии черкесов. Трудно согласиться с теорией М.М. Блиева и В.В. Дегоева, что Кавказская война выросла из «военной экспансии» идеально отработанной набеговой системы горцев⁴². Разрозненные прорывы даже нескольких тысяч джигитов через кордонные линии производились недалеко («что можно приписать одному несогласию» – А.П. Ермолов) с крайней осторожностью и в тишине. Преследовать их за Кубанью запрещалось «из-за моровой язвы, часто появляющейся через Анапу из Константинополя».

При защите своей земли отпор давали только те племена, на которых наступали отряды солдат и казаков, остальные лишь тогда выступали в поле, когда им начинала угрожать опасность.

Линейных сражений, в которых русскими был накоплен большой опыт, на Кавказе быть не могло, но и небольшие русские каре разбить черкесам не удавалось. Неподсилу была и организация всеобщего восстания в Закубанском крае. Напротив, в партизанской малой войне «горцы почти всегда имеют более или менее успеха» – сообщал А.А. Вельяминов⁴³. Летучие отряды поражали солдат *«спереди, с тыла, с флангов, когда позволяли местность и случай. Против такого способа раздражения, особенно в ущельях, лекарства не было... – Вы извели нас, как оводы, когда мы ищем вас, чтобы встретиться, вас уже невозможно отыскать»*⁴⁴.

Уступать свою землю черкесы отказывались. Они считали справедливым биться на смерть за родную землю, за свои священные рощи. «Никто не дарил нам эту землю, никто и не отнимет ее у нас, пока мы живы». (Б.Шинкуба). В связи с этим Вельяминов предложил безжалостный способ покорения: *«уничтожение полей в продолжении нескольких лет сряды есть, по-моему, единственное средство достигнуть сей цели»*⁴⁵. Очерняющий стереотип «хищники», «разбойники», «мошенники», «полудикие», который в XIX в. часто встречался при характеристике горцев, не может быть оправдан.

В 1792–1794 гг. правый берег Кубани и далее до Кисловодска и Пятигорска контролировало Черноморское войско, Кубанский и Волгский казачий полк. Моздокскую линию с присоединёнными Грузией (в 1801 г.), Менгрелией (в 1803 г.) и Имеретией (в 1804 г.) связывала лишь тонкая нить Дарьяльской (Военно-Грузинской) дороги. Попытка собрать в 1765 г. Моздокскую горскую казачью команду не дала результатов – к концу XVIII в. в ней состояло всего 5 старшин и 51 казак⁴⁶. Огромные пространства левобережья Кубани вместе со Сванетией в 1801–1813 гг. оставались независимыми под номинальной властью Турции, причём её военная сила не почиталась дружественной. Турецкие гарнизоны в фортах Анапы, Суджук-кале (Новороссийска) и Сухум-Кале «не могли выйти на расстояние получаса ходьбы за пределы крепости без того, чтобы не быть задержанными абазами... Турецкие паши часто пытались вторгнуться в страну и принудить абазов к покорности и уплате податей, но они постоянно должны были отступать, разбитые наголову. Никогда ни один турецкий солдат не ступал

на землю шапсугов, абадзехов или убыхов... Турка, так же как теперь русского, всегда рассматривали как врага, и когда он выходил из своих береговых укреплений, его встречали ружейными выстрелами». (Т. Лапинский).

Включённая в состав России после 1779 г. Кабарда как клин, отделила Западную Черкесию от Чечни и Дагестана. В начале XIX в. в Кабарде обрела влияние «прорусская» партия. «Кабардинский народ дошёл до той степени упадка, что нет признака прежних свойств его, и в сражениях нет прежней смелости, которою кабардинцы от прочих народов отличались... Впрочем и доселе кабардинцы почитаются из храбрейших горских народов»⁴⁷. В Кабарде «князья и дворяне были всегда первыми, которые покорялись врагу, чтобы укрепить и расширить свои личные привилегии. Впрочем, русские хорошо обращались с народной массой, оружие не отбиралось, не ставилось никакой русской администрации, только была введена незначительная, скорее номинальная, подать». (Т.Лапинский).

Весной 1812 г. Петербург против Наполеона собирался из Кабарды «двинуть в действующую армию несколько тысяч отборной конницы» и было собрано большое количество вооружённых воинов⁴⁸. Смутные представления о мощи Османской, Британской и Российской империи подкрепляли дух горцев⁴⁹. На восточном Кавказе пассионарий – имам Дагестана и Чечни Гази-Мухаммад (Кизи-мулла, 1795–1832) взывал к газавату, и даже мечтал в 1829 г. о походе на Москву и на «золотой» Стамбул⁵⁰. (Подобных мечтаний в Черкесии не было).

В марте 1823 г. генерал-майор М.Г. Власов с тремя полками черноморских казаков за Кубанью «предавал всё истреблению», сжигая засеянные поля и аулы. «Таковыя явныя несправедливости произвели величайшее смятение» в аулах «бжедухов и других племён черкесских, издавна преданных России»⁵¹. В беспощадной войне с взаимными жестокостями прежний кодекс адыгэ хабзэ заменялся отвращением и непримиримостью к врагу, трупы которого иногда вытаскивались из могил и обезображивались, раненые добивались, части тел развешивались по деревьям. На переговорах с А.А. Вельяминовым пять «безрассудно гордых» узденей, старшин от натухайцев и шапсугов объявили, что *«весь народ единодушно предложил драться с русскими на жизнь и на смерть, пока не выгонит русских из своей земли; хвалились своим могуществом, искусством в горной войне, меткой стрельбой и кончили предложением возвратиться без боя за Кубань и жить в добром соседстве...»*⁵². «Война на истребление была единственным выходом для России». (Дж. Лонгворт).

С 1825 по 1830 гг. наступление на западных черкесов несколько стихло в связи с кампаниями против персов и турок. 9 июня 1828 г., вопреки воззванию начальника Кавказской линии генерал-лейтенанта Г.А. Эмануэля от 25 апреля о том, что начавшаяся Русско-турецкая война не касается Закубанских народов и жители могут «спокойно заниматься хозяйственными делами, а «признательные... найдут в русских воинах друзей и защитников»⁵³, до трёх тысяч закубанских черкесов и «беглых» кабардинцев в доспехах и с «большим Мухаммедовым знаменем» прорвались к Георгиевску, сражаясь с «неимоверным усилием, нападая на артиллерию»⁵⁴.

Уничтожение черкесских, абадзехских и карачаевских аулов продолжилось, после чего присягу на верность принесли часть ногайских владельцев, 120 натухайских, темиргойских и хамышевских князей и дворян, а в декабре 1829 г. «630 домов» бесленеевцев⁵⁵.

После заключения Туркманчайского 1828 г. договора с Ираном и Адрианопольского 1829 г. с Турцией, весь Северный Кавказ и Абхазия де-юре

стали российскими, и царь Николай 1, считая всех черкесов русскими подданными, потребовал «усмирения навсегда горских народов или истребление непокорных»⁵⁶. Петербург был уверен, что весь Черноморский берег от устья Кубани до форта св. Николая (Абхазии) на вечные времена присоединён к Российской империи. В 1830 г. операции в Закубанье резко усилились. Впрочем, в 1831 г. решили устроить там «гражданское устройство... без всяких следов насильственного присоединения»⁵⁷.

В 1838 г. помочь русскому царю решил черноморский митрополит Пётр II Негош (1813-1851). Тогда обсуждался проект переселения шести тысяч черноморцев и албанцев в Закавказский край или в Абхазию к Цебельде: *«черногорцы по своей исступлённой храбрости и искусству вести горную войну не имеют себе подобных; к этому должно присоединить их жестокость в битве, кровомщение... и ненависть к магометанству... Черногорцы в состоянии проникнуть внутрь гор и ущелий закавказских горцев. Они одни в силах внести в самое сердце бунтовщиков эту пагубную войну племя против племени, черногорец будет драться один против пяти на аршинном пространстве... Эти 6 тыс., подкреплённые русским войском, произведут чудеса. Владыка [Пётр II Негош – В.А.]... готов переселиться со всем своим народом в Закавказский край, к границам непокорных горцев и стать на страже Российской империи»*⁵⁸. Однако министр иностранных дел К.В. Нессельроде отклонил такой проект из-за «значительных издержек» при переезде переселенцев⁵⁹.

В 1839 г. была завершена Черноморская блокадная линия с 23 фортами от Анапы до Сухума, прикрытая крейсерскими эскадрами. 28 февраля 1841 г. командующий этой линией генерал-лейтенант Н.Н. Раевский заклинал военного министра А.И. Чернышева, чтобы завоевание Кавказа не оставило в Русской истории кровавого следа, подобного испанскому в Америке: *«Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого вынужден покинуть край. Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами; но я не вижу здесь ни подвигов геройства, ни успеха завоеваний Писарро и Кортеса. Дай Бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в Русской истории кровавого следа, подобного тому, какой оставили эти завоеватели в истории Испанской»*⁶⁰.

Н.Н. Раевский был всего одним из немногих. Большинство военачальников – А.П. Ермолов, А.А. Вельяминов, Я.П. Бакланов, А.И. Будберг, А.И. Гагарин, Н.И. Евдокимов, Н.С. Завадовский и др. шли напролом, оставив кровавый след в русской истории.

В 1841 г. народное собрание абадзехов и шапсугов попытались создать военно-политический союз на основе религиозных и гражданских правил и общих действий в отношении России⁶¹. Вместе с тем в Кубанском приграничье были группы народностей, признававших верховную власть царя и поставлявших отряды милиции для русской армии, были и те, кто заключил только вид перемирия. Перебежчики служили шпионами и проводниками⁶².

Присягу России дали темиргоевцы и некоторые другие племена⁶³. В 1844 г. у натухайцев и шапсугов появлялись также прорусские настроения, были и те, кто пахал землю и косил траву рядом с русскими⁶⁴. 8 января 1846 г. из-за голода, заставившего покупать хлеб в ногайских аулах и русских станицах, к «числу верноподданных Его Императорского Величества» присоединились абадзехи, хотя мелкие партии постоянно нападали на Лабинскую линию. К ним «секретно» присоединялись и закубанские кабардинцы⁶⁵. Соглашения с русским командованием считалось вполне

возможным нарушать. Такое русское командование квалифицировало как коварство, а Т. Лапинский неправильно зачислял в рубрику лжи. «Один из самых больших недостатков этого народа – ложь. Никогда нельзя верить обещаниям адыга: чем торжественнее он уверяет, тем более следует быть уверенным в его коварстве. Он говорит очень много, очень щедр на лесть и на предложение своих услуг, но когда доходит до дела, он отрекается с большой наглостью. Лжецы среди своих, они еще более обманывают врагов, и кто полагается на рассказы туземцев о стране, оказывается жестоко одурачен... Воровство – второй большой порок в этой стране, и примечательно, что в местностях, где мало черкесов или вообще их нет, воровство также редкость. Чаще всего воруют детей, рабов, лошадей и волов... Русские – лучшие покупатели краденых детей, лошадей и рогатого скота. Вор уверен, что ему удастся быстро снести свою добычу, и если его не видали, то он может опять возвратиться к своим и совершить новые хищения. Пши и уорки – наиболее опасные и известные воры в стране». (Т. Лапинский).

Летом 1847 г. «весь абадзехский народ решил положительно быть в неприязненном положении» и постановил наказывать смертью любого, кто вступает в связь с русскими, особенно лазутчиков. Демонстративно «пред целой партией» казнили двух «первостепенных кабардинских узденей»⁶⁶. Тогда же летом абадзехи, шапсуги и убыхи написали, что подчиняются только шейху Шамилю, «правителю всего пространства от Дербента до Анапы»: «Мы никогда и ни в чём не покоримся вам... Мы ваши враги и будем вести с вами войну до тех пор, пока никого из нас не останется»⁶⁷. Ради отпора завоеванию, продолжались набеги даже до Ставрополя, хотя этническая граница по правому берегу Кубани плотно прикрывалась крепостями, патрулями и казачьими постами числом от 25 до 100 чел. в деревянных блокгаузах⁶⁸.

В 1849 г. было 101 нападение на Кавказскую линию⁶⁹. Одновременно в кавказских частях русской армии закреплялось мнение в обоснованности карательных экспедиций. «Насилие солдат и офицеров в отношении местного населения зачастую переходило все мыслимые границы»⁷⁰. Чёткого различия, где мирное, а где немирное население не было. В казацком фольклоре противник обозначался как нечто темное/черное⁷¹.

Вместе с тем в промежутки «мирной жизни» и во время контактов с горцами формировалось уважение к храброму противнику⁷². В 1848 г. правительство, чтобы завоевать доверие («развратить под предлогом торговых связей» – Дж. Лонгворт), на кордонной линии Черномории устраивало дворы для меновой торговли хлебом, просом, солью и горчицей, несмотря на запреты народных собраний, продавали не только скот, мёд, воск, кожи, бурки, табак, но даже строевой лес и камень для русских укреплений⁷³.

Шамилю поднять всеобщее восстание в Кабарде не удалось⁷⁴. Кабардинцы с равнины сохраняли благонадежность к русским властям. Доверенный от «повелителя правоверных» набожный наиб Мухаммед Амин-эфенди (1818–1863) в 1850–1851 гг. привлёк на свою сторону бжедугов и шапсугов, которые отбирали зависимых людей у дворян. Мухаммед Амин «твёрдой волей и с замечательной настойчивостью» разделял население на участки «по возможности в сто сакель» и для контроля над местными жителями строил укрепления с палисадом и ровом площадью 100x80 м. Каждый конный и пеший воин «обязан был не отлучаться без ведома... начальства, иметь всё готовое для выступления в поход». В качестве наказаний он ввёл «посадку в ямы», отрубание рук и кару плетьюми⁷⁵. Наиб преследовал

потомственную аристократию среди адыгов, в связи с чем несогласные аулы уходили на правый берег Кубани. Он победно прошёл от Кубани и Лабы до Чёрноморья и в 1852 г. восстановил свою власть у убыхов. Амин умел стремительно перемещаться и уклоняться от невыгодных столкновений, однако основательно внедрить «государственную идеологию» – мюридизм ему не удалось. Царизм видел свою опору в местной аристократии и с ней заключал соглашения о присяге. Когда бжедугские тфокотли (свободные крестьяне) в 1851 г. высвободились из-под власти Мухаммеда Амина и запросили у князя М.С. Воронцова русского подданства, тот ответил – только вместе с князьями. В 1859 г. Мухаммед Амин дал присягу «покорности русскому царю» и через два года отправился в Мекку⁷⁶.

Восточная (Крымская) война 1853–1856 гг., «взволновав надеждою турецкой помощи», оживила горцев и ненадолго отсрочила катастрофу Западного Кавказа. Русское руководство боялось десанта союзников на кавказском побережье и в феврале-марте 1854 г. решило спасти гарнизоны фортов морем. Ошибочно предположили, что снятие укреплений «произведёт сильное волнение между горскими народами и будет служить непременно сигналом для начатия общих военных действий, для чего мы ещё не готовы... и неминуем сильный прорыв в Абхазию скопищ Мухаммед Амина»⁷⁷. Форты были брошены вместе с крепостными орудиями. В мае 1855 г. гарнизоны покинули Новороссийск и Анапу и с 1854 по 1856 г. черноморский берег был открытым. На Кавказе находилась 280-тысячная армия, которая 1855-й год стояла в бездействии из-за боязни десанта и только несколько тысяч использовалось против внешнего противника⁷⁸.

Когда русские ушли из Черкесии, горцы потеряли интерес к войне. У турецкого командования была мысль использовать черкесов в Крыму и наступать с помощью адыгов из Сухума на Тифлис. Но те не собирались воевать под Севастополем. «К туркам питали презрение даже магометанские племена горцев» – (Т.Лапинский). Черкесы не выпускали никого из Сухума и турецкие солдаты, удалявшиеся от крепости, захватывались и продавались в горы. Можно было бы надеяться на диверсию из Дагестана в Кабарду, но и этого не произошло.

30 марта 1856 г. был подписан Парижский мирный договор, который оставил Черкесию за Россией. 22 июля русские войска заняли Сухум, после чего много абхазов выбыло в Турцию. С осени 1856 г. началось «систематическое и непрерывное наступление» на черкесов, которое закончилось в мае 1864 г.⁷⁹

Как указывалось, Черкесия не выдвинула властителя, подобного Шамилю. Авторитет имама был неоспорим и когда тот в 1859 г. сложил оружие, аварцы, лезгины, кумыки и др. народы и даже Мухаммед Амин последовали его примеру. Выселения местного населения не произошло. Окончание войны на Восточном Кавказе угнетающе повлияло на адыгов. Но все, кто хотел сложить оружие, назывались изменниками родины.

В 1861 в местечке Сочи собрались старшины и учредили по примеру турок меджлис – «Великое свободное заседание», постановив объединить убыхов, абадзехов и шапсугов одним центром. Депутаты уведомили русское командование, что будут соблюдены мирные соглашения, а кто нападёт на русские поселения, того приговорят к смерти. Депутаты просили не строить на землях племенного союза дорог, укреплений и станиц, не вводить войска и дать политическую самостоятельность.

В письме двух членов меджлиса к английскому консулу в Сухуме сообщалось, что русский император «даже многим оказывал помощь и если и

была до сего времени между нами вражда, то это случилось собственно потому, что мы были чрезвычайно слабы, а теперь мы желаем обратиться к Русскому Правительству, которое есть самая ближайшая к нам великая держава, и просить оставить нашу свободу в том же положении...»⁸¹

Ответ помощника Бярятинского князя Г.Д. Орбелиани был беспощаден: «Его Императорское Величество приказал 1. Проложить через ваши земли дороги..., поселить по тем дорогам казаков. 2. Построить в ваших землях крепости, где надобность укажет, чтобы там жили войска... Кто изъявит покорность..., дать землю для поселения, дозволить исповедывать мусульманскую веру..., не брать вас в солдаты и не записывать в казаки..., выбирать из среды своей судей и старшин... Непокорные будут лишены милости Государевой, жилища и стада их будут уничтожены»⁸².

Нещадную войну в 1861–1864 гг. закончил генерал Н.И. Евдокимов (1804–1873). Солдаты и казаки «катком» прошли по Черкесии, не останавливаясь «ни в мороз, ни в слякоть» (Р.А. Фадеев). Они жгли аулы, посеы, рубили просеки, строили мосты, дороги, посты и станицы. Срок подготовки к переселению дан был горцам по 20-е февраля 1864 г. Наступил слом духа, уныние и отчаяние. «Не осталось и тени того воинственного задора и той внушительной самоуверенности..., с которыми связывались громкие имена шапсугов, убухов, абадзехов»⁸³. Люди, которых преследовали солдаты, голод, эпидемии и зимние холода 1863/1864 г., перестали защищаться. 21 мая 1864 г. произошла капитуляция убухов в урочище Кбаада. Кавказская война завершилась.

Количество горцев, выехавших с кавказского побережья в 1858–1865 гг., по подсчётам председателя Кавказской археографической комиссии А.П. Берже, составило 470 703 чел., а вместе с чеченцами – 493 194 чел.⁸⁴

Вот свидетельства русских очевидцев о произошедшей этнической чистке: «Этот план, похожий на убийство одним народом другого, представлял нечто величественное в своей жестокости и презрении к человеческому праву... Во все районы посылали небольшие команды, и эти в свою очередь разбивались на группы по несколько человек. Эти группки рассеивались по всей округе, разыскивая, нет ли где аулов, или хоть отдельных саклей, или хоть простых шалашей, в которых укрывались разогнанные черкесы. Все эти аулы, сакли, шалаша сжигались дотла, имущество уничтожалось или разграблялось, скот захватывался, жители разгонялись – мужики, женщины, дети – куда глаза глядят. В ужасе они разбегались, прятались по лесам, укрывались в еще не разграбленных аулах. Но истребительная гроза надвигалась далее и далее, настигала их и в новых убежищах... Вся эта дикая травля – не умею найти другого слова – тянулась около четырех лет, достигши своего апогея в 1863 году. Бедствия черкесов не поддаются описанию... Я говорю об ужасах изгнания горцев как очевидец. Когда понуждения к их выселению докатились и до Новороссийска, все горы, окружавшие Цемесскую долину и бухту, задымились столбами дыма от выжигаемых аулов, а ночью всюду сверкали иллюминацией пожаров. Мы даже не подозревали, что наши горы были так густо заселены. Дым подымался и огонь сверкал чуть не в каждом ущелье. Эта зловещая картина стояла перед нашими глазами, пожалуй, так в течение месяца... Сколько горцев погибло за это время от всяких лишений, голода, холода и болезней – это известно одному Господу... Таких истреблений целого народа, как на Западном Кавказе, история назовет немного... Таким образом, огромный, богатый, чарующий красотой край был радикально «очищен» от населения, жившего там в течение тысячелетий»⁸⁵.

Партизанская стратегия обороны горцев против истребительной войны, которую вела Российская империя, была результативной. Вековое противоборство доказало эффективность военной культуры и стойкость духа черкесов. Отпор кавказцев повсеместно был признан героическим. Соппротивление на Северном Кавказе оказалось намного действеннее, чем борьба других народов против Британской и Французской империй. Потери русских были больше, чем урон, понесённый в колониях английскими и французскими вооружёнными силами.

Общие боевые утраты Российской армии на Кавказе за 1801–1864 гг. составили убитыми: 804 офицера, в том числе 13 генералов и 21 командир части и 24143 нижних чина. Ранеными: 3154 офицера и 61971 нижний чин. Пленными: 92 офицера и 5915 нижних чинов. Число умерших от болезней было примерно втрое больше, чем погибших на поле боя⁸⁶. Если прибавить урон русских за предыдущие 38 лет (1763–1801 гг.) то можно предположить, что общие потери вооружённых сил России составили

Российская империя нанесла тяжёлую историческую рану горцам Северного Кавказа. Истребление адыгов сопоставимо с ликвидацией индейцев англо-саксами и сентенции о том, что горцев не демонизировали, а восхищались их духом выглядят нескладно. Выселение в разные районы Османской империи надломило, но не изменило национальный характер мухаджиров.

Ответственность за безжалостную колониальную войну лежит на царизме и нельзя не сострадать народам, подвергшимся бесчеловечному выселению с родных земель.

Однако этническая травма, закреплённая в исторической памяти⁸⁷, не может стать определяющей национальной ценностью. Дружественные отношения между народами продуктивнее, чем поток вражды и ненависти. Реанимировать прошлое и растравливать исторические обиды, останавливающие развитие, бесперспективно. Противоядием против национальной нетерпимости могут стать объединяющие идеи, в том числе устремлённость к Высшим идеалам и великодушные.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Из недавних работ об этом см. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. Нальчик, 2006; Сокуров В.Н. Освобождение Кабарды от крымско-турецкой зависимости (1670–1708). Рукопись; Рахаев Д.Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века: Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг., российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII века. М., 2012; Дзамихов К.Ф. «В службе и обороне...» Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е – начало 1770-х годов. Нальчик, 2017.

2. Война и ислам на Северном Кавказе XIX–XX вв. М., 2000. С. 8.

3. Инструкция Петра I от 7 июля 1715 г. А.П. Вольнскому предписывала: «где в море Каспийское реки большие впадают и до которых мест по оным рекам мочно ехать от моря и нет ли какой реки из Индии, которая б впадала в сие море?» В 1717 г. капитану Преображенского полка князю А.Бековичу-Черкасскому была поставлена «исполнительная задача» – вернуть Амударью в русло Узбоя для прохода из Каспия в Центральную Азию и разведать водный маршрут в Индию и обратно разными реками. Артамонов В.А. «Доктрина моря» Петра Великого // Фирсов И.И. Морем одержимый: исторический роман. Вступит. статья, подбор документов. М., 1999. С. 17–18.

4. «Кабарда занимала сравнительно обширное пространство в центральной части Северного Кавказа. С запада на восток оно охватывало земли, заключенные между верхним течением Кубани и станицей Гребенских казаков Червленной, а с севера на юг – от Прикумских степей до Дарьяльского ущелья». Е.Д. Налоева. Кабарда в первой половине XVIII века (неопубликованная монография) // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик, 2015. С. 225–226. Б.Х. Бгажноков пишет, что XV–XVI вв. Кабарда простиралась от рек Лабы и Урупа до Каспийского моря и площадь всей Черкесии вместе с «рубежными территориями» составляла 180 тыс. кв. км – Бгажноков Б.Х. Историческая этнография и география Черкесии // Вестник Института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2005. Вып. 12. С. 17, 23, 25.

5. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Изд. 2. Т. 10. № 7900. С. 899–904.

6. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы: В 2 томах. М., 1957. Т. 2. № 87. С. 108.

7. Истоки Кавказской войны отнесены к 1770 г. в книге: Кавказская война: истоки и начало, 1770–1820 гг.: [Сборник. Сост. Я.А. Гордин]. СПб., 2002. В.В. Лапин применяет термин «Кавказская война» ко всей совокупности вооруженных конфликтов, имевших место в 1722–1877 гг. Латин В.В. Русская армия в Кавказской войне XVIII–XIX вв. Дисс. на соискание уч. ст. доктора исторических наук. СПб., 2008. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/russkaya-armiya-v-kavkazskoi-voine-xviii-xix-vv>

8. История адыгов в документах османского государственного архива. Нальчик, 2009. С. 13–14.

9. См.: Маркова О.П. О происхождении так называемого Греческого проекта (80-е годы 18 в.) // Проблемы методологии и источниковедения внешней политики России. Сб. статей. М., 1986. С. 5–46. Елисеева ОИ. Геополитические проекты Г.А. Потёмкина. М., 2000; Елисеева ОИ. Геополитические проекты царствования Екатерины II // Российская империя от истоков до начала 19 века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 755–757.

10. Турки, доставлявшие горцам разный товар, не меняли его иначе как на девушек и на мальчиков. В Дагестане рабы находятся только у ханов; в Чечне их очень мало; у закубанцев же они составляют треть населения” Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны. Письма с Кавказа. Записки о кавказских делах. М., 2007. С. 68.

11. Б.Х. Бгажноков, В.А. Фоменко, О.Б. Бубенок, А.М. Новичихин. Очерки древней и средневековой истории адыгов. Нальчик, 2016. С. 189.

12. Боевой дух это совокупность морально-психологических качеств воинов, определяющих их боеспособность. Он зависит от вдохновения мессианской и державной идей, от патриотизма, самопожертвования, организации и вооружения армии, от авторитета полководца и национального характера. Артамонов В.А. Боевой дух русской армии XV–XX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 131–135.

13. Артамонов В.А. Героика патриотизма: патриотизм и державное сознание русского народа X–XX в. // Меншиковские чтения 2014. Научный альманах. СПб., 2014. Вып. 5 (12). С. 9–42.

14. «Податливая русская натура скоро освоилась с опасностями». Потто В.А. Кавказская война от древнейших времён до Ермолова. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 57.

15. Идрисов М.М., Юсупова Н.Ю. Беглые солдаты из царской армии в освободительной борьбе горцев Северного Кавказа в 20-х – 60-х гг. XIX века // Вооружение и военное дело народов Северного Кавказа (Средние века – Новое время). Махачкала, 2017. С. 55–58.

16. «Разорение нужно было, как памятник наказания гордого и никому доселе не покорствовавшего народа; нужно в наставление прочим народам, на коих одни примеры ужасы удобны, наложить обуздание». Ермолов А.П. Записки. 1818–1825 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 53.

17. Мартынов Е.И. Из книги «Стратегия в эпоху Наполеона I и в наше время» // «... Хорошо забытое старое». Статьи. М., 1991. С. 72.

18. *Теофил Лапинский*. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик, 1995 Электронный ресурс. Режим доступа: <http://anaratoday.com/f/2015/01/11/1501110006dm.pdf>

19. *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 106, 115.

20. «Снаряжение, тактика и военные обычаи [горцев] являлись продуктом многовековой практики постоянных междоусобиц. Основным тактическим приемом был набег, предусматривавший быстрое и внезапное вторжение на вражескую территорию и столь же быстрое возвращение в свои пределы». *Лапин В.В.* Русская армия в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. доктора исторических наук. С. 26, 28.

21. *Лапин В.В.* Русская армия в Кавказской войне XVIII–XIX вв. ... С. 29.

22. *Документы по истории адыгов 20–60-х годов XIX в.* (по материалам ЦГА КБР). Сост. З.М. Кешева. Нальчик, 2011. С. 23.

23. *Потто В.А.* Кавказская война... Т. 1. С. 59.

24. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М., 1994. С. 137.

25. *Лонгворт Дж.* Год среди черкесов... Т. 1. С. 24.

26. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1992. С. 232.

27. *Ногмов Ш.* история Адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1700-1720/Nogmov/text1.htm>.

28. Т. Лапинский для всей независимой страны адыгов насчитывал почти 150 000 хорошо вооруженных воинов, из которых 100 000 человек пехоты и 50 000 кавалеристов. Еще остается запас в 40 000 не вполне вооруженных и столько же невооруженных.

29. «Кровь дворянина или мужлана стала стоить 200 быков». Лонгворт Дж. Год среди черкесов. В двух томах. Пер. В.М. Аталиков. Т. 1. С. 53. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://kavkaz-history.ru/dzh-a-longvort-god-sredi-cherkesov/>

30. «Значительная торговля рабами ведется с Турцией. Наибольший спрос на детей от 6 до 12 лет и на молодых людей, способных к военной службе, которые покупаются турками для сдачи вместо себя в армию... Мальчик никогда не продается в стране дешевле 100 серебряных рублей, девушка, если она только сносно сложена, достигает 300, но не превышает почти никогда 500 рублей, раб, годный для военной службы, стоит обыкновенно 200 рублей. Красавица, которая покупается в знатный гарем или в сераль султана, оплачивается иногда от 50 до 100 тысяч пиастров (приблизительно от 2 500 до 5 000 талеров)» (Т. Лапинский).

31. Вольнский – Петру I 5 декабря 1721 г. РГАДА. Каб. ПВ. Кн. 54. Л. 664–664 об. Сообщено В.Н. Сокуровым.

32. *Филипсон Г.И.* Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 110.

33. Потто 1904: 1

34. *Бажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1978; *Его же:* Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 11–14.

35. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии, Нальчик, 1992. С. 307.

36. *Лапинский*. Теофил. Горцы Кавказа... Электронный ресурс. Режим доступа: <http://anaratoday.com/f/2015/01/11/1501110006dm.pdf>

37. Конечно случались и «насильственные, жестокие поступки и явные преступления, но все это является главным образом, результатом ссор или их последствий и происходит сравнительно редко» – отмечал Дж.Белл.

38. *Резван Е.А.* Этические представления и этикет в Коране // Этикет у народов Передней Азии. Сб. статей. М., 1988. С. 46-47; *Амирьянц И.А.* Самир ат-Тайяр. Иракский этикет. Там же. С. 70–71; *Васильева Е.И.* Рашид Сабри Рашид. Об особенностях курдского этикета. Там же. С. 127–129, 143.

39. *Флори Ж.* Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М., 2006.

40. *Муравьёва О.С.* Как воспитывали русского дворянина. Опыт знаменитых семей России – современным родителям. М., 2013.

41. «Высокая пассионарность горцев Северного Кавказа привела к разрушению феодальных структур, складывавшихся в ряде районов». Лапин В.В. Русская армия в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. доктора исторических наук. С. 25.

42. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война... С. 136–146.

43. Там же. С. 433.

44. Лонгворт Дж. Год среди черкесов... Т. 1. С. 37.

45. Покровский Н.И. Кавказские войны и Имамат Шамиля. М., 2000. С. 115.

46. Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб., 2002. С. 96–97.

47. Ермолов А.П. Записки. 1818–1825... С. 66.

48. «Собравшиеся кабардинцы уже совсем были готовы к выступлению в поход. Красивые, стройные, одетые в железные кольчуги, блистая дорогим вооружением, они представляли собой красивое зрелище, и, глядя на них, можно было без колебания сказать, что никакая кавалерия в свете не устоит против их сокрушительного удара в пашки. К сожалению, все это громадное дело рассеялось как дым... Остается пожалеть, что горцы были распушены... Быть может также, что это обстоятельство повело бы к сближению горцев с русскими и имело бы влияние на весь последующий ход и события Кавказской войны...». Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 651–653. О черкесах в войне 1812 г. см. также <http://cerkes-military.forum.ru/t34-topic>

49. Один из черкесов говорил Дж.Лонгварту: «Наша единственная надежда, сейчас на Англию; султан покинул нас... Единственное намерение [русских] – и оно всегда было таковым – сделать из нас рабов, а этому мы должны сопротивляться, даже ценой жизни. Тем не менее трудно бедному и разобщенному народу, как наш, бороться против такой мощи и ресурсов, как у России. Лонгворт Дж. Год среди черкесов... Т. 1. С. 30.

50. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 265–266, 459.

51. Акты, собранные Кавказского археографического комиссией. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 873. (Далее АКАК).

52. Филипсон Г.И. Воспоминания 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 110.

53. АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 877.

54. Там же. С. 878–879.

55. Там же. С. 880.

56. «В половине 1830-х годов из Петербурга чуть ли не ежегодно получались в Тифлис предписания военного министра, графа Чернышёва... : «завершить покорение Кавказа непременно в текущем году». Венюков М.И. Кавказские воспоминания 1862–1863 // Осада Кавказа... С. 620.

57. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война... С. 308.

58. Е.П.Ковалевский – Д.П.Татищеву 7 июля 1838 г. из Цетинье // Пётр II Петрович Негош и Россия. Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг. Документы. М., 2013. С. 470.

59. К.В. Нессельроде – Николаю I 27 сентября 1841 г. Там же. С. 549.

60. Н.Н. Раевский – А.И. Чернышеву // Архив Раевских. СПб., 1912. Т. IV. С. 96.

61. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война... С. 490–491.

62. «Лазутчиков мы имели во всех сословиях, начиная от князей до последнего пастиуха». Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 81.

63. Там же. С. 501.

64. Там же. 494, 498.

65. АКАК. Тифлис, 1885. Т. 10. С. 587–588.

66. Там же. С. 589.

67. Там же. С. 590. К концу 1851 г. абадзехи выражали склонность к примирению. Там же. С. 611.

68. «Русская сторона была заселена только на расстоянии 5–6 часов пути за этой линией». (Т. Лапинский)..

69. Блиев М.М., Дегоев В.А. Кавказская война... С. 499.

70. См. Лапин В.В. Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. 2000 год. СПб., 2001. С. 117–131.

71. Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817–1864 г. и психология комбатантства. Дисс. на соискание уч. ст. канд. исторических наук. Краснодар, 2005.

72. «Мирные» горцы часто балансировали на грани вооруженного выступления, а власти удовлетворялись их формальным согласием соблюдать условия принятия российского подданства». Лапин В.В. Русская армия в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. Дисс. на соискание уч. ст. доктора исторических наук.

73. А.И. Будберг – М.С. Воронцову 30 мая 1850 г. АКАК. Тифлис, 1885. Т. 10. С. 681, 683. «Народонаселение средней части береговой линии постепенно сблизилось с нами посредством торговли. Если повсеместно прекратить торговлю..., то с нею разрушится единственная связь между нами и народонаселением, для которого тогда не будет уже никаких побудительных причин искать нашего расположения». – писал Будберг 30 октября 1950 г. Там же. С. 684. См. также Ачмиз К.Г. К вопросу о характере русско-адыгских торговых отношений в годы Кавказской войны // Вестник Адыгейского государственного университета Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. Вып 4 (148). С. 43–52.

74. «Во время нападения чеченцев под предводительством Шамиля в 1846 году 12 000 всадников ворвались в Кабарду, уничтожили много русских станиц и двинулись по направлению к Кубани. Многие жители Кабарды вначале присоединились к отрядам Шамиля в надежде освободиться от русского владычества, но так как эти последние не могли выдержать открытой борьбы с русскими и к тому же адыги, которые не хотели пускать чеченские орды в свою страну, не двигались и на все требования Шамиля оставались глухими, то последний вынужден был вскоре двинуться обратно, а несколько сотен сильно скомпрометированных кабардинцев должны были спастись от мести русских в Дагестане». (Т. Лапинский).

75. М.С. Воронцов – А.И. Чернышёву 11 мая 1850 г. АКАК. Тифлис, 1885. Т. 10. С. 598–599.

76. Гатагова Л.С., Трепавлов В.В. «Непременное условие окончания этой войны». Переселение черкесов в Османскую империю // «Перед толпою соплеменных гор». Спорные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII–XIX вв.). М., 2018. С. 89.

77. АКАК. Тифлис, 1885. Т. 10. С. 698–699.

78. Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны. Письма с Кавказа. Записки о кавказских делах. М., 2007. С. 259, 262.

79. Там же. С. 262.

80. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война... С. 572–573.

81. Гатагова Л.С., Трепавлов В.В. «Непременное условие окончания этой войны»... С. 91–92..

82. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война... С. 574–575.

83. Милютин Д.А. Воспоминания. Кавказ в первую половину 1861 года // Осада Кавказа... С. 594.

84. Гатагова Л.С., Трепавлов В.В. «Непременное условие окончания этой войны»... С.

85. Мемуары Льва Александровича Тихомирова, уроженца крепости Геленджик, русского мыслителя, очевидца и исследователя черкесской катастрофы. Электронный реурс. Режим доступа: <http://khmelev.livejournal.com/81944.html>

86. Веденеев Д. 77 тысяч человек потеряла Россия в Кавказских войнах // Родина. 1994. № 3–4. С. 123.

87. Гатагова Л.С. Кавказская война XIX в. в исторической памяти // Вестник российской нации. 2014. № 1. С. 65–76.

V.A. ARTAMONOV

WESTERN CIRCASSIA
IN THE MILITARY POLICY OF RUSSIA 1763–1864

The beginning of the war with the Western Circassians is appropriate to refer to 1763. Then Russia began to consider the lands of the Adygs as a zone of conquest. The raids of the Circassians after 1763 on the blocking Russian lines should be considered self-defense.

The struggle of the tribes of Western Circassia for independence fell on the years of the highest upsurge of the fighting spirit of the Russian army in the 1770s – 1820s. The fighting ability of the Circassians was held not only on the inherent militancy, but also on the Adyghe ethic of Adyghe Khabze. Circassia did not nominate a leader like Shamil, but the partisan defense strategy against the Russian Empire proved the effectiveness of military culture and the fortitude of the Circassian spirit. Resistance in the North Caucasus turned out to be more effective than the struggle of other peoples against the British and French empires. The total offensive of the Russian detachments in 1862-1864. broke the spirit of the Circassians, but the eviction to Turkey did not change the national character of the Muhajirs.

Key words: Circassians, combat effectiveness, Adyghe etiquette, Shamil, partisan defense strategy.

А.Т. Джумагулова
(г. Ессентуки)

**НОГАЙСКАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ ЗНАТЬ
НА РОССИЙСКОЙ СЛУЖБЕ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА
СУЛТАНА МЕНГЛИ-ГИРЕЯ)**

Статья посвящена ногайскому султану, находившемуся на российской службе генерал-майору Менгли-Гирею, личности яркой, выдающейся, самобытной. За заслуги перед империей он был удостоен ордена Святого Георгия 4 степени, а так же вечными потомственными владениями. Его ум, авторитет и талант администратора в первой трети XIX в. были безоговорочными для закубанских жителей и являлись лучшей гарантией спокойствия по обе стороны Кавказской линии. Хозяйственно-экономическая деятельность султана, в должности пристава ногайцев Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставств и абазин, была направлена на экономическое развитие (скотоводства, земледелия, торговли) и имела целью улучшение благосостояния подведомственных ему народов. Эта деятельность выступала важным инструментом для мирного привлечения закубанцев на российскую сторону. Предпринимаемые им шаги шли на благо ногайского народа, который в рассматриваемый период переживал непростой и исторически важный этап вхождения в состав Российской империи.

Ключевые слова: Султан Менгли-Гирей, Северный Кавказ, Российская империя, XIX в., ногайцы, знать, администрация, пристав, военная служба.

Одной из старейших форм взаимодействия Российской империи и ногайцев юга Восточной Европы была военная служба, имеющая глубокие исторические корни и традиции. На более ранних этапах российско-ногайских взаимоотношений она имела характер аманатства (заложничества). Однако, в период интеграции ногайцев с Российской империей, с 70-х гг. XVIII в., на российскую службу поступает большое количество ногайской знати. Одним из выдающихся и талантливых деятелей ногайской феодальной знати стал Султан Менгли-Гирей, внесший большой вклад в создание и функционирование системы административного управления ногайцами Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставств. Интерес к этой личности и его деятельности неслучаен. Преданная служба Менгли-Гирея ставилась в пример его соотечественникам и способствовала их лояльности России, тем самым обуславливая их адаптацию и приобщение к социально-экономическим и правовым нормам империи.

В феврале 1790 г. выходец из ногайского племени наврузов Султан Менгли-Гирей во время осады Анапы прибыл с 16 мурзами к генералу Ю.Б. Бабикову и изъявил своё желание перейти на жительство в пределы Российской империи. Своим умом и преданностью он обратил на себя внимание местных начальников и был вызван в Санкт-Петербург, где ему пожаловали чин полковника и назначили жалование в 200 руб. 13 октября 1803 г. он был произведен в генерал-майоры с жалованием в 400 руб. «за храбрость, усердие и преданность России»¹. Его приверженность к империи давала пример соотечественникам, и в 1803 г., по ходатайству

Главкомандующего в Грузии генерала П.Д. Цицианова Султана Менгли-Гирея назначили приставом ногайских племен, живших по рр. Куме, Джемухе, Кишу, Суруклы, Сабле, Карамыку, Калаусу, Большим и Малым Янкулям и Горькой, в числе 3728 семейств (13039 душ)². Интересно, что задолго до этого события его отец Арслан-Гирей также хотел начальствовать над частью ногайцев. С этой целью из-за Кубани он приехал в Георгиевск к командующему войсками на Линии генерал-лейтенанту графу И.И. Морхову. Он просил об отводе земли около Георгиевска с предоставлением ему звания «сераскера» для управления ногайцами живущими по р. Куме, у г. Бештау и абазин. Но указом Павла I от 23 июня 1799 г. Арслан-Гирею отказали в таких широких полномочиях. Примечательно, что при желании его людей возвратиться за Кубань, оговаривалось: «то таковые, яко гости противу воли их жить под его властью, от нас принуждаемы не будут»³.

Такой подход показывает, что с молодым поколением ногайских мурз российское правительство связывало надежды на приобщение их к имперской власти. Старая знать таким доверием не пользовалась. Как отмечает историк Б.В. Виноградов, данный шаг был «призван обеспечить уже не «пророссийскую ориентацию» ногайцев, а их действительное российское подданство»⁴. Правительство имело целью не просто интегрировать феодальную знать, а постепенно срастить ее с властью и обществом⁵.

Итак, высочайшим указом Александра I 13 февраля 1803 г. на должность пристава Калаусо-Саблинских и Бештово-Кумских ногайцев был назначен генерал-майор Султан Менгли-Гирей, непосредственно подчинявшегося главному на Линии начальнику и главному приставу азиатских народов коллежскому советнику Макарову⁶.

Назначение Султана Менгли-Гирея начальником над ногайцами Центрального Предкавказья «было для них великим и желанным событием», а для администрации «большим политическим тактом»⁷. Значение этой меры объясняется тем, что в первой четверти XIX в. Кавказская губерния переживала наиболее трудный период административного устройства – правительство постоянно искало пути и способы внедрения российского законодательства в местную среду. Предыдущие действия бывшего пристава губернского секретаря Корнилова, избалованного «в отягощении непозволительными поборами и всякого рода мздоимствами» лишь отталкивала ногайцев от России и одновременно увеличивала их симпатии к Османской империи. «Изъемя несомнительныя выгоды, проистекающие от доверия и уважения сего народа к Султану Гирею, которого предки, закубанские сераскиры, имели его в своей зависимости, и которого князья и мурзы их письменно просили меня от имени всех Татар назначить главным начальником, я почитаю полезнейшим определять вообще в приставы людей почетных и известных, ибо от их поведения часто зависит как благосостояние подвластных нам иноплеменных народов, так и спокойствие на Линии»⁸, – отмечал в рапорте генерал П.Д. Цицианов. Правила поведения и обязанности нового пристава основывались на «Наставлении», данном Коллегией иностранных дел главному приставу Макарову⁹.

Генерал-майор Султан Менгли-Гирей принял в свое ведение ногайцев, выведенных из-за Кубани и кочующих около Бештовских гор, а также абазин. Он продолжал активно привлекать и выводить закубанских жителей на российскую сторону. Усилия Султана Менгли-Гирея и ногайских феодалов Росланбека Мансурова, Росланбека Таганова, Бакши-Гирея и

Азамат-Гирей в 1805 г. привели к переходу из-за Кубани в пределы Российской империи 28 аулов каспулатовской фамилии (1494 семей), 14 аулов кипчаковской (486 семей) и 9 аулов мангитовской фамилии (642 семей). В 1810 г. владельцы Ахмед-Гирей и Бекмурза Мансуров с 6 аулами (402 семьи)¹⁰, жившими за Кубанью по Урупу, также пожелали быть подвластными российским властям¹¹.

Во время военной экспедиции за Кубань зимой 1810 г. за проявленную храбрость и усердие на р. Шавкуче и при укрепленном ауле Султан-Хаджи были поощрены наградами ногайские мурзы: генерал-майор Султан Менгли-Гирей – удостоен ордера Святого Георгия 4 класса, его братья Азамат-Гирей и Максуд-Гирей произведены в майоры, Рослан-бек Таганов также произведен в майоры, а Эдиге Таганова – в капитаны (также он получил золотую медаль на Георгиевской ленте), Бекмурзу Суюнчукова произвели в поручики¹².

Весной 1811 г. Султан Менгли-Гирей докладывал Главнокомандующему в Грузии и на Кавказской линии графу А.П. Тормасову, что его убеждениями перешли под российский протекторат ногайцы, находящиеся под властью Саламат-Гирея (его родного брата): мангиты, кипчаки и каспулатовцы, обитающие по р. Зеленчука и Урупа, а так же наврузовцы, подвластные Батыр-мурзе, Батарше, Ниятцу и Януке, жившие по рр. Лабе и Яман-су¹³.

Генерал-майор Султан Менгли-Гирей 14 ноября 1811 г. представил начальству ведомость о числе ногайцев, состоящих в его ведении. Первая группа населяла Георгиевский, Александровский и Ставропольский уезды, т.е. проживала внутри Кавказской линии. В ней выделялись следующие этнические группы: каспулатовцы – 1660 семейств (6640 душ), наврузовцы – 450 семей (1800 душ), кыпчаки – 377 семей (1508 душ) и мангиты – 215 семейств (860 душ). Вторая группа населяла Ставропольский уезд вне линии, в ней выделялись: джембойлуковцы – 906 семейств (3624 душ), едисанцы – 227 семейств (908 душ) и едишкульцы – 114 (456 душ). Третья группа жила вне кордонной цепи по рр. Джегуте и Джиганогим (вероятно речь идет о Джегонас). В нее входили абазинцы – 750 семей (3000 душ) и ногайцы-каспулатовцы – 420 семей (1680 душ). Они имели 9000 лошадей, 48870 голов рогатого скота и 50530 голов овец¹⁴.

Жители приставства Султана Менгли-Гирея становились мирными подданными Российской империи. Он успешно занимался обустройством своего народа, лично проверял наличие продуктов пропитания в аулах, кормов и зимовок для скота и т.д. Так «во время поселения народов для приласкания некоторых позволялось выбирать им по удобности места, то многие расположились внутри кордона, даже и между российских поселян, так что пашни их и потребности были с русскими общими»¹⁵. Ногайцы активно включались в экономическую жизнь губернии: занимались скотоводством («отпущено в города Российские разного скота до 5 тыс. штук»¹⁶), земледелием (помогали российским поселянам в уборке хлеба и сенокосении), пчеловодством, активно торговали домашним промыслами, по выгодным для казны ценам перевозили провиант (10 тыс. чет. провианта, за которые получали по 2 коп. с четверти на версту)¹⁷, а также приняли на себя содержание почты в Кизляре. Помимо этого, ногайцы оказывали помощь, предоставляя отряды до 500 человек, передовым постам линейных казаков по охране «сухого» участка Кубанской линии от

Баталпашинского поста до Пятигорья¹⁸. Однако, в ряде случаев подвластные Султана Менгли-Гирея наказывались за порубку леса, запрещенную уставом¹⁹. Впрочем, генерал Я.И. Булгаков, предоставляя отчет генералу А.П. Тормасову, заступался за них, поясняя, что «ногайцы по истине заслуживают внимания, как по своей спокойной жизни, так и по преданности к службе к Высочайшему престолу ... мурзы же сии в особенности приобретают уважение по усердию и верности Господину Императору», и просил дозволения пользоваться лесами (для хозяйственных нужд) в умеренном количестве²⁰.

Отметим также, что усилиями Султана Менгли-Гирея среди абазин был восстановлен духовный суд, судьями которого стали старшие ногайские мурзы, абазинские владельцы, эфендии и уздени²¹. Он так же принял деятельное участие в налаживании меновой торговли на Кавказе, считая, что важным фактором для привлечения закубанских жителей к России является экономическое взаимодействие²². Так, для залинейных ногайцев, в связи с их отдаленностью, был построен меновой двор при Баталпашинском poste²³. В 1806–1809 гг. во время распространения моровых болезней (чумы, холеры, дизентерии) на Кавказе Султаном Менгли-Гиреем так же предпринимались активные меры по ликвидации эпизоотий. Для этого в приставстве были введены карантинные, и выезд за его границу разрешался только по личному согласованию с Султаном²⁴.

Благодаря Султану Менгли-Гирею в приставстве сложились благоприятные условия для социально-экономического развития ногайцев и абазин. Конечно, не последнее место имела многовековая традиция покровительства феодальных фамилий своим подвластным. Но именно незаурядные качества его личности обусловили уважение и любовь народа.

Нужно заметить, что в первой четверти XIX в. на Северном Кавказе остро стоял вопрос землевладения и землепользования. Двинувшиеся на Северный Кавказ еще до учреждения Кавказской губернии казаки и крестьяне всё больше стесняли местных жителей. Конторы и межевые комиссии не были в состоянии водворить крестьян согласно установленным правилам, вследствие чего многие селения располагались беспорядочно и на пастбищных территориях ногайцев²⁵. Постепенно проводилось изъятие пастбищных земель у ногайцев – сначала под казачьи военные линии, а затем и для крестьян-поселенцев. Под изъятие обычно попадали земли, расположенные по берегам рек и озер²⁶. Помимо этого, в 1806 г. у бештовских ногайцев в пользу шотландских колонистов было отобрано 6 тыс. десятин земли. Шотландцы постепенно захватывали и осваивали новые территории, злоупотребляя тем, что земли не строго разграничены. Стали возникать конфликтные ситуации, в которые в силу занимаемой должности принял участие Султан Менгли-Гирей²⁷. Пытаясь разрядить ситуацию, главноуправляющий на Кавказе генерал Н.Ф. Ртищев предложил правительству произвести в Кавказской губернии генеральное размежевание земель и учредить для этого межевую контору²⁸. Однако никаких действенных мер эта комиссия не предприняла²⁹. Традиционное скотоводческое хозяйство разрушалось, и в результате чего ногайцы лишались основного своего богатства – табунов и отар³⁰. Это вело к проявлениям воровства скота, компенсирующего недостаток традиционных материальных ресурсов³¹.

Султан Менгли-Гирей пользовался полным доверием властей и имел огромное влияние не только на соплеменников, но и на закубанских

жителей. Об этом свидетельствует письмо узденей Султан-бей Ханчукова, Шумаф Хитукова, Хаджи-бей Мисостова и Хаджи-али Анзаурова к генерал-майору И.П. Дельпоццо в марте 1814 г. В нем они уведомляли военачальников о беспорядках, производимых генерал-майором С.А. Портнягиным на Кавказской линии, и просили прислать к ним с ответом Султана Менгли-Гирея, «к которому народ имеет большую доверенность»³².

Поводом к этому письму были события 1813 г., имеющие особую важность, как для ногайцев, так и для российской администрации. В их результате Султана Менгли-Гирея отстранили от должности пристава, а ногайцы, подведомственные ему, ушли за Кубань. Причины и последствия этого события изложены в «отношении Главнокомандующего в Грузии генерала Н.Ф. Ртищева к генералу Горчакову» от 5 января 1814 г.³³ Для выяснения причин волнений среди ногайцев, кабардинцев и абазин на Кавказскую линию был командирован генерал-майор И.П. Дельпоццо. Его рапорт показывает всю картину происходящих событий на Кавказской линии. Оказалось, что они были спровоцированы турецким посланником Саид-Ахмед Эфендием, распространявшим слухи о том, что ногайцы и другие мусульманские народы, согласно Бухарестскому трактату (завершившему русско-турецкую войну 1806-1812 гг.), «уступлены» Османской империи и безотлагательно должны быть выселены за Кубань. Оставшиеся же в территориальных пределах России будут приравнены к российским крестьянам с уплатой рекрутских обязанностей и другими поборами³⁴. Введенные в заблуждение степняки в числе 2 тыс. дворов (10 тыс. мужского пола) стали переправляться через Кубань, не встретив никакого препятствия со стороны российских военных³⁵ (по данным З.Б. Кипкеевой численность переселившихся ногайцев определяется в 27 тыс. человек)³⁶. Вызванные генералом И.П. Дельпоццо влиятельные владельцы ногайский майор Хасай Калмамбетов, капитан Росланбек Таганов, абазинский Давлет-Гирей Лоов и закубанский князь Мисостав Айтеков с узденями подтвердили, что «народы им подведомственные недовольны Российским правительством за не обращение к ним ни малейшего внимания, что самые справедливейшие их просьбы оставляются начальством без последствий и что все притеснения терпимые ими от воровства делаемого у них казаками ни когда не удовлетворяются»³⁷.

Генерал-майор С.А. Портнягин приписал просчётам Султана Менгли-Гирею «колеблемость», происходившую между ногайцами и отстранил его от должности пристава (причем, не имея на то полномочий, так как Султан Менгли-Гирей подчинялся и зависел от ведомства иностранной Коллегии, государственного канцлера и главнокомандующего Кавказским краем). Для ногайцев временная отставка пристава стала сигналом к бегству из российских пределов³⁸. Генерал С.А. Портнягин самовольно предпринял две военные экспедиции, не смотря на предписания императора «чтобы войска не проходили за границу и отнюдь не вести войны с заграничными жителями, а держать себя в оборонительном положении»³⁹, тем самым разрушив усилия Менгли-Гирея по мирному привлечению закубанских народов к России. «Закубанцы теперь раздражены и имеют справедливую причину питать против нас мщение», – отмечал Н.Ф. Ртищев⁴⁰. Между тем оставленный ногайцами разного рода скот на левой стороне Кубани, «простиравшийся почти до миллиона штук», был разграблен солдатами и казаками, «признанный как будто за неприятельскую добычу, нежели за потерю целого народа»⁴¹.

По нашему мнению, истинные мотивы конфликта командующего Кавказской линией и ногайского пристава связаны с закубанским владельцем князем Лоовым, кровником Менгли-Гирея, которому С.А. Портнягин покровительствовал. Родной брат Менгли-Гирея Бахты-Гирей был убит закубанским князем Лоовым. Менгли-Гирей потребовал, чтобы с Лоовым поступили по всей строгости российских законов, так как убийство было произведено в территориальных пределах России. Но Лоов бежал к абазинам, и сторонники Бахты-Гирея, лишившись возможности отомстить ему лично, перенесли кровную месть на весь абазинский народ, укрывший преступника. Абазины, боясь кровомщения степняков, обратились к российской администрации с просьбой забрать от них Лоова. Но комендант крепости Константиногорской полковник Курнатовский, будучи другом князя, напротив, потребовал от абазин повиновения Лоову.

После поимки князя Лоова капитаном Росланбеком Тагановым ногайский мурза «вместо благодарности за свою услугу, пользовался, со стороны Портнягина обидным презрением»⁴². Когда Лоов из Астрахани сбежал со своим охранником, Менгли-Гирей заподозрил в организации побега С.А. Портнягина. После всех этих событий недовольство покровителей Лоова – командующего Кавказской линией С.А. Портнягина и кордонного начальника полковника Курнатовского – обратилось на генерал-майора Султана Менгли-Гирея и капитана Росланбека Таганова. Ни одна из просьб, касавшихся ногайских владельцев и всего народа, не нашли удовлетворения у представителей местной власти. Вскоре Султана Менгли-Гирея вовсе удалили от должности пристава в самое критическое время, когда его присутствие среди ногайского народа, склонившегося к намерению уйти за границу, было наиболее нужно и полезно для администрации⁴³. Как подметил В.А. Потто, «это была действительно ошибка Портнягина»⁴⁴.

Произошедшие события были поставлены в вину генералу и он предстал перед военным судом. Султана Менгли-Гирея восстановили в должности, на которой он пробыл до 1822 г. Но последствия совершённого просчёта сказывались ещё долго. «Ногайцы, видя строгость, с какою их преследует Российское правительство, лишаясь всей надежды снискать себе прощение; а при том знавши, что скот и их имущество, оставшееся в наших границах, расхищены, сколь ни раскаиваются теперь в своем безрассудстве, но опасаясь, сверх того, быть еще наказанными, не желают возвратиться на прежния жилища, где бы они нашли одни следы своего разорения и грабительства», – отмечал Н.Ф. Ртищев⁴⁵. Все эти события вызвали чувство мести, от чего участились грабежи и нападения на приграничные поселения⁴⁶.

Между тем в 1816 г. на Кавказ на пост Главноуправляющего был назначен генерал А.П. Ермолов. Его реформаторская деятельность затронула и ногайцев⁴⁷. На основании ревизии 1818 г. А.П. Ермолов докладывал к графу В.П. Кочубею, что «караногайцы и другие мухаммедане, не должны быть оставлены в настоящем их положении, ибо народ сей донныне был разделен на две части, из коих одна состоит под управлением ген.-м. Султан-Менгли-Гирея, а другая Главного караногайского пристава, не имеет в руководство свое никаких постоянных правил, чрез что как в отправлении повинности терпит одна часть против другой чрезмерное отягощение, так и в отношении управления ими происходят большие несообразности и беспорядки, а нередко и самые злоупотребления ... В отвращении чего с

моей стороны признаю необходимым, соединить обе части под одно начальство ...»⁴⁸.

Это предложение нового главнокомандующего было признано разумным. Последовало высочайшее повеление Александра I от 24 июля 1822 г.: управление над ногайцами соединить в лице одного главного пристава (по его выбору), определить к ногайцам и туркменам необходимое число частных приставов, надзор за повинностями, возложенными на ногайцев, передать областному начальнику при содействии главного пристава⁴⁹. В этой связи предполагалось сложить все обязанности с Султана Менгли-Гирея, установить сверх получаемой им пенсии выплаты 4800 руб. ежегодно и выделить в вечное потомственное владение 5 тыс. десятин, на землях каких он пожелает⁵⁰.

Земли, дарованные императором генерал-майор Султан Менгли-Гирей получил через несколько лет спустя. Сначала Султан обозначил земли от устья Барсуклы до Кумы, на которых кочевали и жили его подвластные, но затем, видимо, под нажимом властей назвал земли «по обе стороны Кумы». Как представляется, это было связано с выбором места и последующим согласованием вопроса в Министерстве финансов и Правительствующем Сенате. Указом № 2453 от 28 сентября 1826 г.: «Правительствующий Сенат, утвердив представление господина министра финансов об отдаче, по Всемиловейшему пожалованию, генерал-майору Султан-Менгли Гирею 5000 десятин земли, избранной им в Кавказской области, по обеим сторонам реки Кумы, указом № 56183 от 21 июля 1826 г., предписал Казенной палате означенную землю из казенного ведомства исключить», – управляющий счетного отделения Департамента Госимущества М. Плисов⁵¹.

Свою усадьбу Султан Менгли-Гирей расположил у одной из излучин реки Кумы, представляя собой небольшое поселение с несколькими десятками дворов и мечетью. В сохранившемся плане участка земли генерал-майора Султана Менгли-Гирея, выделенного из свободной казенной земли Георгиевского уезда Кавказской области, указана общая площадь – 6080 десятин. Очевидно, местная администрация эту площадь увеличила, в связи с тем, что, в ее площадь входили и неудобные земли: под болотами, камышами, реками Кумой и Джемухой, каменистыми и глинистыми почвами; удобной для заселения и хозяйственного освоения годилось из них 2887 десятин. Земля, в большинстве своем не обрабатывалась, отдавались в аренду, и мало интересовали приезжих людей, так как отсутствовали удобные дороги. На целебные источники Пятигорья отдыхающие ехали, мимо султангиреевских земель, по построенному почтовому тракту Санкт-Петербург – Ставрополь – Георгиевск – Пятигорск⁵².

Под управлением Менгли-Гирея оставили «бештаукумских» ногайцев, кочевавших и живших оседло по Куме, Сабле, Калаусу, Большому и Малому Янкулям. Из подчинения Султана вывели все абазинские аулы, аргументируя это тем, что они стали прибежищами для закубанских жителей, производивших набеги на приграничные поселения⁵³.

Но вскоре А.П. Ермолов потребовал официального оформления земель Султана Менгли-Гирея, основываясь на праве частной собственности. Это ставило ногайцев перед выбором: остаться в подданстве Менгли-Гирея в качестве крепостных или же быть «свободными» на государственной (переходящей в разряд «казённой») земле⁵⁴. По данным И.В. Бентковского в управлении Менгли-Гирея осталось 1026 ногайских семей (4105 душ)⁵⁵.

Султан Менгли-Гирей умер в преклонном возрасте 22 августа 1830 г. (по данным АКАК в 1830 г., по данным И.В. Бентковского в 1831 г.)⁵⁶ от холеры, распространившейся в его приставстве, оставив двух сыновей Султанов – майора Тохтамыш-Гирея и штаб-ротмистра Джанибек-Гирея. Ногайцы же, жившие по рр. Куме, Сабле и около Бештовых гор продолжали пользоваться землями по договору с султанами, однако в административном отношении они поступили сначала в кордонное управление, а позже были причислены к ведомству главного пристава и перешли под надзор частного пристава⁵⁷.

После смерти Султана Менгли-Гирея земля по наследству перешла к его сыновьям – Джанбеку и Тохтамышу. Но, она их тоже мало интересовала и почти не использовалась под пашню. Они больше занимались разведением лошадей, а часть земли сдавали в аренду.

В 1870-х гг. руководствуясь государственными (прежде всего экономическими) интересами было начато соединение Кавказа с центральной Россией железной дорогой Ростов-на-Дону – Владикавказ. Правительство отдавало предпочтение плану строительства железной дороги через долину реки Кумы. Именно тогда земли наследников Султана Менгли-Гирея заинтересовали российские власти. Общество Владикавказской железной дороги под председательством барона Р.В. Штейнгеля обратилось к Султанам Джанбек-Гирею и Тохтамыш-Гирею о передаче части земли в аренду для проведения железнодорожной линии, постройки станции и других служебно-технических сооружений. Землевладельцы согласились. Оставив в стороне города-курорты, железнодорожная линия от Ростова-на-Дону до Владикавказа протяженностью 651 версту была построена в установленный срок⁵⁸.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что генерал-майор Султан Менгли-Гирей, безусловно, был личностью выдающейся, яркой и самобытной. Его ум, авторитет и талант администратора приводили к спокойствию закубанских жителей и являлись лучшей гарантией стабильности по обе стороны Кавказской линии. Хозяйственно-экономическая деятельность Менгли-Гирея была направлена на развитие скотоводства, земледелия и торговли и имела целью улучшение экономического благосостояния подчиненных ему народов. Она выступала важным инструментом для мирного привлечения закубанских жителей на российскую сторону. За заслуги перед империей ему даровали земли и формально не отстраняли от властных полномочий до конца жизни. Такой подход явно показывает, что российская администрация отдавала должное заслугам генерал-майора Султана Менгли-Гирея перед государством. Предпринимаемые им шаги шли на благо ногайского народа, который в рассматриваемый период находился перед непростым выбором.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. Извлечения. Нальчик, 2001. С. 275.

2. Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Часть 1. Ставрополь: Типография Губернаторского Правления, 1888. С. 44-45; См. так же: Бутков П.Г. Указ. соч. С. 225, 275.

3. *Бентковский И.В.* Указ. соч. С. 49.
4. *Виноградов Б.В.* Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Краснодар-Армавир. 2004. С. 16.
5. *Шебзухова Ф.Х. Мальцев В.Н.* Северо-Западный Кавказ в составе Российской империи: от военного покорения к поиску путей интеграции и осуществления аграрных преобразований // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение. Вып. № 2. 2012. С. 81–88.
6. АКАК. Т. 2. № 22. С. 21; № 1983. С. 986.
7. *Бентковский И.В.* Указ. соч. С. 45.
8. АКАК. Т. 2. № 1983. С. 986.
9. АКАК. Т. 2. № 1072. С. 727–728; № 1989. С. 994.
10. *Кипкеева З.Б.* Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь: СГУ, 2008. С. 134.
11. АКАК. Т. 4. № 1361. С. 888.
12. АКАК. Т. 4. № 1401. С. 910.
13. АКАК. Т. 4. № 1268. С. 838.
14. *Бентковский И.В.* Указ. соч. С. 52.
15. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6200. Л. 2–5.
16. АКАК. Т. 4. № 1425. С. 923.
17. *Бентковский И.В.* Указ. соч. С. 51.
18. *Кипкеева З.Б.* Указ. соч. С. 134–145
19. АКАК. Т. 3. № 1092. С. 633.
20. АКАК. Т. 4. № 1397. С. 909.
21. АКАК. Т. 3. № 1084. С. 629.
22. АКАК. Т. 4. № 75. С. 65; см. так же: *Кипкеева З.Б.* Указ. соч. С. 171–180.
23. АКАК. Т. 6. № 908. С. 523–524.
24. АКАК. Т. 3. № 1092. С. 633; см. так же: Т. 4. № 1402. С. 911.
25. АКАК. Т. 6. № 977. С. 596.
26. АКАК. Т. 5. № 362. С. 306; так же *Нахаева И.Б.* «Привлечение» кочевников к оседлости как один из факторов изменения традиционного уклада жизниномада в XIX – начале XX в. // Запад – Россия – Кавказ: научно-теоретический альманах. Вып. № 3. Ставрополь: ПГЛУ, 2005. С. 275.
27. АКАК. Т. 5. № 1027. С. 903–904.
28. АКАК. Т. 3. № 1073. С. 623.
29. *Кипкеева З.Б.* Указ. соч. С. 171–195.
30. *Нахаева И.Б.* Указ. соч. С. 277.
31. *Клычников Ю.Ю.* Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827): дисс. ... канд. истор. наук. Армавир, 1998. С. 31.
32. *Бентковский И.В.* Указ. соч. С. 53.
33. АКАК. Т. 5. № 982. С. 855–861.
34. АКАК. Т. 5. № 936. С. 800.
35. *Бентковский И.В.* Указ. соч. С. 57.
36. *Кипкеева З.Б.* Указ. соч. С. 171–195.
37. АКАК. Т. 5. № 982. С. 857.
38. *Кипкеева З.Б.* Указ. соч. С. 171–190.
39. *Бентковский И.В.* Указ. соч. С. 65.
40. АКАК. Т. 5. № 982. С. 860.
41. Там же.
42. *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5 т. От древнейших времен до Ермолова. Ставрополь. Т. 2. 1887. С. 720.
43. АКАК. Т. 5. № 982. С. 855–861.
44. *Потто В.А.* Указ. соч. С. 376.
45. АКАК. Т. 5. № 982. С. 860.
46. *Бентковский И.В.* Указ. соч. С. 66.
47. *Клычников Ю.Ю.* Указ. соч. С. 159.

48. АКАК. Т. 6. № 979. С. 611.
49. АКАК. Т. 6. № 908. С. 523–524.
50. АКАК. Т. 6. № 979. С. 612.
51. ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 93. Л. 1–4.
52. Гриценко В.Б. История Земли Минераловодской: к 120-летию города Минеральные Воды. Минеральные Воды: Кавказская здравница, 1998. 510 с.
53. Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 195–208.
54. Там же.
55. Бентковский И.В. Указ. соч. С. 67.
56. АКАК. Т. 7. № 170. С. 228; АКАК. Т. 8. № 679. С. 776; Так же Бентковский И.В. Указ. соч. С. 67.
57. АКАК. Т. 8. № 679. С. 776.
58. Гриценко В.Б. История Земли Минераловодской: к 120-летию города Минеральные Воды. Минеральные Воды: Кавказская здравница, 1998. 510 с.

DZHUMAGULOVA A.T.

THE NOGAI FEUDAL NOBILITY IN THE RUSSIAN SERVICE
(ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITY OF MAJOR-GENERAL SULTAN MENGLI-GIREY)

The article is devoted to the nogai Sultan in the Russian service major-general Mengli-Giray, a person of a bright, outstanding, original personality. For his services to the empire, he was awarded the order of St. George 4th degree, as well as eternal hereditary possessions. His mind, authority and talent of the administrator in the first third of the XIX century led to the obedience of the Kuban residents and was the best guarantee of peace on both sides of the Caucasian line. The economic activities of the Sultan, in the capacity of the Nogai bailiff Calauso-Sabla and Beshtau-Kuma of the police force and Abaza, was aimed at the development of cattle breeding, agriculture, and trade, and aimed to improve the economic welfare of subordinate peoples. It was an important tool for the peaceful involvement of the residents of the Kuban region on the Russian side. The steps he took were for the benefit of the nogai people, who during the period under review were experiencing a difficult but historically important stage of joining the Russian Empire, which had beneficial consequences for him.

Keywords: Sultan Mengli-Giray, North Caucasus, Russian Empire, XIX century, nogai, nobility, administration, bailiff, military service.

Н.А. Нефляшева
(г. Москва)

ИСЛАМ У ЗАПАДНЫХ ЧЕРКЕСОВ.

В статье дается общий обзор истории распространения ислама у западных адыгов. Автор считает, что на раннем этапе проникновения ислама к адыгам учение Мухаммада конкурировало с идеологией Адыгэ Хабзе, и адыги воспринимали морально-нравственные положения новой религии как не противоречившие их основному регулирующему институту. Перелом наступил в ходе Кавказской войны, когда ислам стал идеологическим инструментом противостояния агрессии Российской империи. После завоевания Черкесии вторая половина XIX – начало XX в. были периодом серьезных изменений в положении адыгских служителей культа. Особенности восприятия русской кавказской администрацией ислама как религии, способной стать идеологией антигосударственного объединительного движения горцев, обусловили характер и динамику этих процессов. Во второй половине XIX в. сужение сферы действия шариата осуществлялось по нескольким направлениям. Исламские институты (шариатские суды, мусульманское образование, хадж, порядок строительства мечетей) у западных черкесов были структурированы при участии новой региональной власти, а границы их компетенций были прописаны в текущей документации. Социальные функции и духовная практика эфенди реализовались при абсолютном контроле со стороны кубанских гражданских властей на всех уровнях. В статье анализируются процессы взаимодействия ислама и советской власти в 1920-е гг.; по мнению автора, именно в этот период были свернуты все исламские практики, а служители мусульманского культа в Адыгее перестали существовать как «сословие». В заключении автор выделяет особенности реисламизации западных адыгов в 1990-е гг., а также обращает внимания на факторы, влияющие на отсутствие радикализации ислама в современной Адыгее.

Ключевые слова: Адыгее, ислам, Кавказская война, мусульманское образование, радикализм.

На территорию Черкесии ислам распространялся в течение XIV–XVIII вв. из Крымского ханства, Дагестана и Османской империи, а также османских крепостей, особенно Анапы, построенных на черноморском побережье.

Влияние ислама стало усиливаться в начале XIX в. и особенно к 60-м гг. XIX в. на фоне «шариатского движения»¹, начавшегося в Кабарде, инициаторами которого были служители культа. Шариатское движение в Кабарде носило характер протеста против системы судопроизводства, введенной русской властью. Последняя, стремясь закрепить свои позиции в Кабарде, выбрала адатную систему судопроизводства как основу для формирования лояльности среди горцев: в 1793 г. в Кабарде были учреждены «родовые суды» и «расправы», рассматривавшие все гражданские и незначительные уголовные дела на основании адата. Однако компетенция этих судов была ограничена делами семейного, религиозного и наследственного характера. Серьезные уголовные дела передавались на рассмотрение в Верхний Пограничный суд в Моздоке, осуществлявший судопроизводство по законам Российской империи.

Лидеры шариатского движения выступали за учреждение духовного суда по шариату и широкую социальную программу, направленную на установление равенства прав адыгских князей и дворян².

Шариатское движение было подавлено в 1804–1805 гг. силами генерала-лейтенанта Г.И. Глазенапа. Однако введение шариатского суда по инициативе кабардинских аристократов и размах шариатского движения, в котором участвовали закубанские адыги, балкарцы, карачаевцы, ингуши, чеченцы и другие народы Северного Кавказа, продемонстрировали Александру I невозможность быстрого покорения мятежной Кабарды; он вынужден был пойти на уступки, упразднив родовые суды и расправы. Духовный суд – мехкеме³, введенный для кабардинцев в 1807 г., по существу и был реализацией одного из программных пунктов «девяти ветреных владельцев и многих узденей»⁴, как называли в русских источниках лидеров шариатского движения.

Типологически сходным было движение на Западном Кавказе. Оно охватило Бжедугию⁵, где позиции ислама были на этот период времени самыми сильными, Абадзехию, Шапсугию, Натухай, Темиргой. В 1841 г. на р. Пшеха в разгар перенесения основных центров ведения Кавказской войны с востока региона на запад состоялось собрание представителей абадзехов, убыхов и шапсугов, ставшее важной вехой в процессе распространения ислама в Черкесии. На собрании был заключен договор (дефтер⁶), в котором провозглашалось строгое следование шариату.

Деятельность личных наибов⁷ имама Шамиля завершила в уже подготовленной среде реформы управления и суда по шариату. С начала 40-х гг. до конца 50-х гг. XIX в. Шамиль направил в Черкесию своих представителей. Хаджи-Магомет (май 1842 – май 1844 гг.) посетил аулы темиргоевцев, хатукаевцев и бжедугов, добился определенного влияния среди абадзехов. Второй наиб Шамиля на Северо-Западном Кавказе – Сулейман-Эфенди (февраль 1845 – весна 1846 гг.) – якобы изменил Шамилю, был подкуплен русскими властями и заявил о своем отказе бороться против России. Наибольших успехов достиг третий наиб – Мухаммад-Амин (1848–1859 гг.).

Третий и последний наиб Шамиля в Черкесии – Мухаммад-Амин (1848–1859 гг.) свою деятельность сосредоточил в Абадзехии. Мухаммад-Амин разделил подвластное ему абадзехское население на общины по 100 дворов, с правом выбора из своей среды старшины, который и управлял общиной. Общины объединялись в 4 округа, начальником округа являлся муфтий, сосредоточивший в своих руках административную и судебную власть. В каждом округе учреждалось мехкеме – центральное управление. В мехкеме действовала мечеть, суд, духовное училище, тюрьма или яма для заключения преступников, провиантский магазин, конюшня, помещения для начальства и военной стражи. Позже одно мехкеме было организовано у шапсугов и два – у натухайцев. За неисполнение религиозных обрядов применялись наказания по шариату и штрафы.

В ходе усвоения ислама адыгами определенное значение имела политическая ориентация – пророссийская или протурецкая – элит отдельных субэтнических групп. В зависимости от нее аристократия ориентировалась на адат или на шариат. Внутри одной и той же субэтнической группы разные сословия были носителями разной конфессиональной принадлежности. Натухаевские и темиргоевские дворяне, тяготевшие к Османской империи, принимали ислам довольно быстро, тогда как свободные крестьяне «продолжали носить крест и есть свинину»⁸. В бжедугских обществах крестьян привлекала идея равенства перед лицом Всевышнего, тогда как князья и дворяне стремились сохранить свои сословные

привилегии и отличия, видя для себя угрозу в распространении новой религии.

Сведения письменных источников о характере взаимодействия ислама и адыгской этнокультурной традиции непротиворечивы: в описаниях Черкесии, принадлежащих авторам самого разного образовательного уровня, каждый из которых преследовал в регионе свои цели – от удовлетворения личного интереса до выполнения правительственных миссий – присутствует указание на неоднородность адыгских верований, на поверхностное усвоение адыгами новой религии. Н. Дубровин передал слова адыгского старика, ностальгически вспоминающего не только ритуалы в священных рощах, но и красоту христианской культовой практики: «Мы же умеем делать только намаз, два человека из тысячи умеют читать Коран, а старики наши до сих пор сохраняют в памяти рассказы отцов о сборах в рощах, о сборах в шонах-церквах, где блистали золотом шехники⁹ (епископы) и шогены¹⁰ (священники), говорившие им слово спасения»¹¹.

В первой половине XIX века в культовой практике адыгов абсолютно преобладали доисламские традиции. Д. Лонгворт, сравнивая значимость языческих и мусульманских культовых мест, пишет: «Культовые рощи, или кодоши, до сих пор остаются объектами более естественного и искреннего почитания, чем мечети, и религиозные обряды и празднества отмечаются в них при большем стечении народа, чем при намазе»¹².

Решающим фактором, ускорившим распространение ислама прежде всего как идеологической основы консолидации западноадыгских субэтнических групп, стала активизация борьбы против российского проникновения на Кавказ. «Пока Турция делала попытки поработить страну, она оставалась, по крайней мере, по некоторым обрядам, христианской, когда же Россия начала ее завоевывать, она сделалась магометанской»¹³, – так метко охарактеризовал зависимость распространения новой религии от внешнеполитической ситуации в Черкесии польский полковник Т. Лапинский, сражавшийся во главе небольшого отряда польских добровольцев в 1857–1859 гг. на стороне адыгов в период Кавказской войны.

Мусульманские ценности в системе традиционных адыгских этических норм и мотиваций были восприняты неоднозначно. Относительно безболезненно адыгами были восприняты отдельные этические нормы и нравственные ценности ислама, созвучные уже существующим нравственным категориям адыгства (адыгагъэ). Этические принципы адыгства (адыгагъэ) способствовали гармоничному освоению и воспроизводству мусульманской этики, в свою очередь дополняющей уже существующие нравственные категории, прежде всего идею «псапэ» – спасения души через благодеяние. По мнению современного этнографа и культуролога Б. Бгажнокова, в адыгском сознании сформировались представления, типологически сходные с мироощущением многих народов Кавказа, об адыгстве (адыгагъэ) как о творении Всевышнего и о Создателе на небесах и дарованном им адыгстве на земле¹⁴. По мнению Б. Бгажнокова, адыгагъэ воспринималось как комплекс божественных предначертаний, священных, боговдохновенных заповедей¹⁵.

Этническая идентичность у западных черкесов превалировала над религиозной: быть адыгом было важнее, чем христианином или мусульманином. Не приходится и говорить о серьезном проникновении исламской догматики в сознание адыгов. В обрядовой сфере, за исключением похоронного ритуала, преобладали языческо-христианские традиции.

В обрядовой практике и адыгском фольклоре – благопожеланиях, здравницах и проклятиях – имя Аллаха стало употребляться наряду с языческим богом Тхьэ – первым среди равных в адыгском пантеоне. Практически не претерпело изменений традиционное представление адыгов о судьбе – новая вера не привела к господству исламских представлений о предопределенности Аллахом личной судьбы¹⁶.

Адыгские служители культа, получившие в адыгских языках название эфенди¹⁷, были, как правило, выходцами из крестьян – традиционной сферой социальной активности князей и дворян были набеги и войны.

Наиболее существенное влияние на все слои адыгского общества, оказывали судьи-кади, прежде всего, через судебную шариатскую практику, основанную на ханафитском мазхабе. Применение шариата ограничивалось делами семейно-брачного характера: о наследстве и калыме; законности рождения, заключении и расторжении брака¹⁸. Судебная практика черкесов до 60-х гг. XIX в. реализовывалась в полиюридическом пространстве, где функционировали сельские шариатские суды, мировое соглашение и адатные (медиаторские)¹⁹ суды²⁰. Однако шариат, как комментирует генерал и военный историк XIX в. Н. Дубровин, «черкесы не любили и употребляли при разборе только таких дел, где решение шариата было выгоднее решения адата»²¹. Сельские кади могли участвовать и в разрешении дел по маслагату²². Адиль-Гирей Кешев, один из видных адыгских просветителей первой половины XIX в., писал, что «если решение посредников представляет вопрос новый, решение которого невозможно подвести под тот или другой обычай, то посредники предлагают свое собственное решение, которое и называется маслагатом, примененное же несколько раз в одном или двух обществах, оно тоже становится со временем адатом»²³.

По данным источников, у адыгских служителей культа не было серьезных экономических позиций: выходцы из крестьянского сословия, они совмещали духовные занятия с земледельческим трудом и, за редким исключением, не владели обширными земельными угодьями, поголовьем скота или торговыми лавками. Институт вакуфной собственности, служивший в странах распространения ислама источником процветания духовного сословия, у черкесов не сложился – возможно, это объясняется не столь долгим периодом активного проникновения ислама на Северо-Западный Кавказ.

Сведения источников о первых мечетях, примечетских школах, чрезвычайно скупы. Сообщение Дж. Белла, насчитавшего в 30-х гг. XIX в. в Причерноморье 40 примечетных школ²⁴, на этом фоне кажется исключительным. По данным русского делопроизводства, в 1868 г. в Псекупском округе насчитывалось 38 мечетей, в Лабинском – 44²⁵ мечети, при них детей учили исламу. Исламу могли учиться и на дому – как у местных мулл, получивших образование в Турции или Дагестане, так и у служителей культа из Османской империи.

По-видимому, адыгские мечети до второй половины XIX в. выглядели подобно мечети в селении Абун, описанной Д. Лонгвортом: «Это строение, хотя и простейшей конструкции и построено из дерева, тем не менее, имеет в материалах и размерах те же пропорции, что у всех местных зданий, отведенных под церкви. Минарет, если его можно так назвать, представлял собой высокий тополь, на который взбирается муаззин по вырубленным в стволе ступеням до корзины на верхушке дерева»²⁶.

Эфенди, хотя составлявшие ко времени окончания Кавказской войны немногочисленное сообщество, обладали безусловным авторитетом.

Немаловажным является тот факт, что некоторые эфенди проявили вершины доблести на поле боя, отстаивая независимость своей родины. «Черкесы имеют к духовенству величайшее уважение, которое доставляет этому классу владычество над умами народа», – подчеркивал Хан-Гирей²⁷.

По своим нравственным характеристикам служители культа были разными людьми – часть из них несет ответственность за утаивание шариатских сборов²⁸ и за далеко не бескорыстное участие в русско-османском проекте переселения 94% адыгского населения в Османскую империю в ходе и после окончания военных действий России на Кавказе.

После окончания Кавказской войны адыги были включены в Кубанскую область, образованную из Кавказской губернии в 1860 г.; с середины 1865 г. горские народы Кубанской области были распределены по пяти округам: Псекупскому, куда вошли аулы западных адыгов среднего течения Кубани и нижнего течения Псекупса; Лабинскому, объединявшему аулы западных адыгов, расположенных по Лабе и Шагауаше; Урупскому, населенному черкесами, ногайцами и армянами; Зеленчукскому, в который вошли черкесы, абазины и ногайцы, жившие по Зеленчукам; Эльбрусскому, населенному карачаевцами и абазинами по р. Куме и ее притокам. К 1880-м гг. западные черкесы входили в три из семи отделов Кубанской области – Майкопский с г. Майкопом (13 аулов), Баталпашинский (34 аула), и Екатеринодарский с г. Екатеринодаром (33 аула).

Административное обустройство Кавказского края осуществляли во многом люди, прошедшие через опыт Кавказского фронта, равнодушные к романтическому образу горцев-рыцарей, сформированному русской литературой XIX в. В их мировоззрении, как и в политической практике, устойчивые представления об исламе как о мощной мобилизующей силе горцев, а об имамате Шамиля как государственном образовании – очаге сопротивления русскому продвижению на Северном Кавказе, занимали определяющее место. Неслучайно в письмах русских военных во время войны по поводу будущих мероприятий по «умиротворению Кавказа» ставка делалась на адат в ущерб шариату.

Фактор рисков появления «нового имамата Шамиля» придавал интеграции северокавказских служителей культа в систему управления на Кавказе особый характер. Одной из целей политики умиротворения Кавказа было установление контроля над служителями культа, формирование у них пророссийской имперской лояльности, жесткая регламентация функций исламских институтов.

Сразу же после окончания военных действий в регионе северокавказские мусульмане были подчинены Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию (ОМДС)²⁹. Они в отличие от закавказских мусульман, для которых было учреждено в 1872 г. в Тифлисе два муфтията – суннитский и шиитский, так и не получили своего духовного управления³⁰. В условиях отсутствия центра духовного управления все вопросы организации религиозной жизни решались областной кубанской гражданской администрацией.

К 1903г. появляются общие, по отделам, сведения о мечетях в Адыгее – их насчитывается 95³¹ – в Екатеринодарском отделе 38 мечетей; в Майкопском – 57. Полицмейстер г. Майкопа сообщал Начальнику Кубанской области в 1903 г.: «В г. Майкопе мечетей или молитвенных домов нет, магометане во время праздников Байрама и Курбана собираются в здании горского словесного суда... Вообще же магометане молятся в своих

квартирах»³². Уже через девять лет, согласно статистическим материалам 1912 г. по сравнению с 1903г число мечетей значительно возросло: в Майкопском отделе зафиксировано 14 соборных мечетей и 46 пятивременных³³, в Екатеринодарском отделе – соборных мечетей – 37, пятивременных мечетей – 20, молитвенных домов – 2³⁴. В Фонде Адыгейского областного отдела народного образования отложилась информация, указывающая на существование в 1910-х гг. мечетей в Майкопе³⁵ и Екатеринодаре. Обе кирпичные мечети были построены на средства известного адыгского купца и фабриканта, одного из богатейших граждан Екатеринодара Л. Трахова³⁶, прославившегося своими благотворительными акциями.

Духовное сообщество, служившее в этих мечетях, к 1880-м гг. было документально разделено российской администрацией на две категории – высших (кадиев-знатоков шариатского судопроизводства) и низших, к которым относилось приходское (мечетское) духовенство³⁷. Наибольшей регламентации подверглись функции кадиев, статус и полномочия которых были определены ранее, в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в ходе судебных преобразований на Северном Кавказе.

В 1870 г. на основании «Временных* правил горских словесных судов Кубанской и Терской областей», утвержденных Кавказским Наместником, в Екатеринодаре, Майкопе и Нальчике были открыты суды первой инстанции – окружные горские словесные³⁸ суды, в аулах – «аульные суды». Система судопроизводства, основанная на этих правилах, демонстрирует сужение сферы применения шариата за счет расширения сферы применения адата и российского имперского законодательства. В «Правилах...» говорилось, что «Горский словесный суд решает дела на основании местных обычаев, и только по таким делам, для решения которых обычай не сложился, руководствуется общими законами империи»³⁹. Суды подчинялись начальнику Кубанской области. Под юрисдикцию горских словесных судов в Кубанской области не попадали осетины православного вероисповедания и горские евреи⁴⁰.

Второй судебной инстанцией в Терской и Кубанской областях не существовало, жалобы на решения горских судов рассматривались и разбирались начальниками областей⁴¹. Для окончательного решения дела направлялись к Кавказскому наместнику через штаб Кавказского военного округа. В случае необходимости получения консультаций по шариатским делам начальник области обращался к Закавказскому муфтию⁴².

Функции председателя в горском словесном суде выполнял назначенный администрацией помощник атамана отдела или начальник участка, в состав суда входили несколько судей-депутатов и кадий, которые выбирались населением⁴³. Горским словесным судам в Кубанской области были подведомственны уголовные и гражданские дела с ценой иска до 2000 рублей⁴⁴. Кроме уголовных и гражданских дел горские словесные суды могли рассматривать отдельную категорию дел – «шариатские дела»: согласно «Правилам...», «разбирательству на основании шариата могут подлежать из дел, подсудных Горскому словесному суду, дела о заключении и расторжении брака, о личных и имущественных делах, из брака вытекающих, о законности рождения и дела о наследстве».

* Временные – т.е., сохраняющиеся вплоть до полного распространения русского законодательства.

В состав окружных судов специально для решения шариатских дел был введен кади. Возможности влияния кади на судебный процесс были сведены к минимуму.

В каждом селении создавался аульный суд. В его состав входили трое судей, один кандидат и сельский эфенди. Должности главного судьи не было, полномочия всех судей были одинаковыми. Сельских судей выбирали на сельском сходе на три года.

Адат являлся основой судопроизводства в аульном (сельском) суде. Аульные суды рассматривали «маловажные проступки» – «против личной безопасности и против права на имущества»⁴⁵, которые совершались в пределах сельского общества, и дела со стоимостью иска 30–50 рублей.

Российские власти, вводя в систему судопроизводства для горцев фигуру кадия и сохраняя возможности рассмотрения определенной ограниченной группы дел по шариату, преследовали цель, с одной стороны, не дать «повода для возбуждения религиозного фанатизма магометанского населения»⁴⁶ и, с другой, не допустить создания механизмов, расширяющих социальное влияние кадия. Сфера его полномочий была четко ограничена семейными и наследственными делами.

Кроме «Временных правил...» статус кадия регулировался «Правилами об управлении мусульманским духовенством Кубанской области», которые определяли круг их обязанностей: кроме судебных функций, кади должны были «надзирать» за приходским духовенством – за правильным выполнением ими своих культовых обязанностей, ведением метрических книг, за их лояльностью правительству.

Вторая категория духовных лиц, названная в российских официальных документах низшим, или приходским духовенством, в свою очередь делилась на старших и младших эфенди. В 1893 г. была установлена иерархия взаимоотношений между старшими и младшими эфенди. Старший эфенди, или по-другому, общественный эфенди, служил в главной мечети аульного общества, как правило, расположенной близко к аульному правлению⁴⁷, он обслуживал одно аульное общество, состоявшее из населения нескольких аулов. Общественный эфенди мог претендовать на должность кади горских словесных судов. При больших мечетях могло состоять несколько эфенди, один из которых считался старшим. Эфенди, служащие при небольших мечетях, подчинялись старшему эфенди. На 80–100 дымов согласно распоряжению Начальника Кубанской области полагался 1 эфенди⁴⁸.

Старшие и младшие эфенди руководили как традиционными пятикратными молитвами в мечетях, так и молениями, сопровождавшими свадебные и погребальные обряды. Младшие эфенди могли замещать старших эфенди в случае их болезни или отъезда. Естественно, обязательными действующими лицами мусульманских ритуалов являлись муэдзины.

Свои должности адыгские эфенди могли занять, пройдя «испытание» (экзамен) в Горском словесном суде.

Должности эфенди были выборными. Русская администрация упорядочила выборы старших и младших эфенди на сельском сходе, поставив процедуру под контроль областной и отдельской администрации. Эфенди не были жестко привязаны к определенному аулу и мечети, по окончании срока службы они могли быть приглашены другими обществами и выбираться ими, свободно перемещаясь по Северному Кавказу, между западными адыгами и Кабардой. В случае отсутствия в каком-то ауле своего

эфенди, он мог быть приглашен для отправления культовых обязанностей из другого аула⁴⁹.

Первая Всероссийская перепись населения в 1897 г. зафиксировала в Майкопском и Екатеринодарском отделах 36 эфенди и мулл, одно муэдзина⁵⁰.

Доход мусульманского духовенства состоял из отчислений жителей аульного общества. Как сообщал в 1894 г. атаман Майкопского отдела Начальнику Кубанской области: «В настоящее время доход аульного мечетского духовенства составляют: 1) «закят» – это подать, Кораном установленная – каждый мусульманин обязан из собранного хлеба передать 1/10 часть приходскому мечетскому мулле; из собранного таким образом хлеба 1/3 поступает в собственность муллы, а 2/3 – на благотворительные надобности и бедным; 2) вознаграждение за совершение «накяха» – брачного договора; 3) «исхат» – вознаграждение за погребение»⁵¹. Некоторые сходы устанавливали денежное жалование, выделяемое из общественных денег, собираемых населением аулов под руководством аульного старшины⁵².

В течение 1860-х – 1910-х гг. наблюдается динамика религиозного образования у западных черкесов.

В.В. Васильков, работавший в начале XX века наставником Кубанской учительской семинарии, опубликовал очерк воспитанника семинарии Анчока Шемгохова. Его описание служит едва ли не единственным источником, проливающим свет на порядок работы религиозных школ. Васильков сообщает, что «(религиозные – НН) школы имеются при каждой мечети и содержатся на общественные средства. В медресе, кроме изучения арабской грамоты, занимаются еще чтением Корана, но без всякого толкования смысла его. На вопрос любознательного ученика о значении того или другого прочитанного места из Корана учитель обыкновенно отвечает, что он сам плохо понимает, а потому боится своими ошибочными толкованиями оскорбить святость Корана. Преподают в медресе эфенди и муллы, но они занимаются только со старшими учениками, которые, в свою очередь, обучают младших. Взаимное обучение, составляющее главную особенность медресе, применяется здесь в широких размерах и охватывает собой не только обязательные предметы – арабскую грамоту и чтение Корана, но и всякие знания и умения, которые пожелает приобрести ученик от своих старших товарищей, принесших эти знания и умения в школу из семьи или в виде особой милости получивших их от эфенди; так, в некоторых темиргоевских медресе ученики изучают при помощи сведущих товарищей арифметику и геометрию, изложенные на арабском языке м заключающие в себе некоторые своеобразные приемы вычисления и измерения»⁵³. Ученики, желающие продолжить духовное образование и стать эфенди, обычно поступали в медресе. Главным управляющим в медресе был сохт, который распределял вновь поступивших учеников между успевающими старшекурсникам, которые помогали им выполнять домашние задания. Обучение в медресе было рассчитано на два-три года. Наиболее способные ученики постепенно становились знатоками Корана и нередко превосходили даже своих учителей. Однако большинство обучающихся с трудом овладевали арабским языком. Их знания Корана были весьма поверхностными.

Качественно новый этап в развитии религиозного образования начинается в начале XX в., он связан с деятельностью зарождающейся адыгской интеллигенции и Черкесского благотворительного общества, созданного в

Екатеринодаре в 1908 г. и тесно взаимодействовавшего с представителями адыгской диаспоры из Турции и Сирии. Общество объединило самых образованных и уважаемых выпускников российских и ближневосточных вузов – промышленников, военных, адвокатов, представителей духовенства, деятельность которых так или иначе была связана с Екатеринодаром. Председателем правления общества стал лесопромышленник Лю Трахов, среди членов – Батырбек Шарданов, Касполет Улагай, Султанов Пашабек, Сафербий Сихов, Султан Довлет-Гирей, Едидж Гагагогу, Туругогов Келешбей, Коцев Пшемахо, эфенди Набоков Мишеост, закончивший Каирский университет и Джанхот Хатков, выпускник географического факультета Стамбульского университета. В состав правления входили Хидзетль Ибрагим и Харун Течехук, репатриировавшиеся из Турции в Кубанскую область по поручению первого адыгского благотворительного Хасе, организованного в Стамбуле также в 1908 г.

Процессы организации Черкесского общества совпали с качественными изменениями в духовном сословии и началом формирования оригинальной книжной исламской культуры – адыгские эфенди впервые издают в дагестанских и казанских типографиях свои первые произведения. Эфенди Ахмет Хатанов в 1907 г. в Темир-Хан-Шуре выпустил отдельной книгой поэтическую биографию Пророка Мухаммада «Ал-Хамзийя ар-рамзийя»⁵⁴ («Символическая поэма»), в 1912 г. в Казанской типографии братьев Каримовых тиражом 1000 экз. эфенди а.Джерокай Нух Меретуков издал книгу на арабском языке «ан-Нур ал-муктабис фи таварих ал-джаракис» («Отраженный свет в летописях черкесов») объемом 206 страниц⁵⁵. Несмотря на немногочисленность и очевидную периферийность этой литературы по отношению не только к арабоязычной ближневосточной литературе, но и к литературным произведениям религиозного характера, созданным на Восточном Кавказе, она вписывала Западный Кавказ в широкий ареал бытования исламской книжной культуры. Азбуки, буквари географии, арифметики, изданные в типографиях Казани, Баксана, Темир-Хан-Шуры, несмотря на немногочисленность их тиража, формировали определенную культурную среду и читательскую аудиторию, знакомили с новым миром сюжетов и образов, несвойственных традиционным фольклорным формам.

Частные школы, открытые в 1909–1910 гг. И. Хидзетлем и Х. Течехуком в кубанских аулах Панахес (в школе Хидзетля училось 6 девушек) и Габукай, осуществляли обучение детей на основе новометодных подходов. Позже подобные заведения появятся в Тахтамукае (К. Шеучет), Шенджие (И. Халиль), Старом Бжегокае (Х. Глецерук), Хатажукае (И. Юманкулов), Кабехабле (Г. Шаов), Адамии (С. Натхо, А. Набоков)⁵⁶. О популярности этих школ свидетельствует охват учеников – в 1912–1913 гг. в шести новометодных школах Екатеринодарского отдела обучалось 450 учеников-адыгов.

Новые религиозные школы содержались за счет аульных обществ, в начале XX в. чаще открывались за счет средств, собранных в виде закята. Помимо родного языка и грамоты здесь преподавалась арифметика, география, адыгская и арабская история, мусульманское вероучение. В качестве учебных пособий использовались книги, изданные в Каире и Стамбуле, в частности «Азбука», составленная Н. Цаговым и А. Дымовым, основателями Баксанского мусульманского просветительного центра в Кабарде⁵⁷. Сами школы становились каналом распространения изданных в Каире и Стамбуле азбук адыгейского и арабского языка и религиозной

литературы⁵⁸. Все школы получили комплекты из четырех книг, каждый в количестве 100 экземпляров⁵⁹.

Одновременно с этими школами в начале XX в. действовали и традиционные школы-медресе. Они открывались за счет аульных обществ особенно интенсивно в период 1906–1915 гг., но функционировали нерегулярно, закрывались и вновь начинали свою работу.

В условиях, когда проблема религиозного образования не могла по определению быть решена за счет государственного ресурса, эту задачу взяла на себя черкесская интеллигенция, для которой вопрос интеллектуального прорыва стал одной из доминирующих тем. В течение июня-августа 1914 г. для 35 человек Черкесским благотворительным обществом были организованы курсы для черкесских учителей. Задача курсов – «дать настоящим и молодым вероучителям и преподавателям черкесского языка возможность систематизировать свои познания, расширить их, приготовить преподавателей, удовлетворяющих минимуму современной педагогики»⁶⁰. Для обучения отбирались только лучшие «хорошо грамотные на русском и арабском языках». Преподавали на курсах эфенди Мишеост Набоков, Ибрагим Юманкулов (приглашенный из Казани учитель, знающий и говорящий на черкесом языке), Ибрагим Хидзетль, Сафедий Сиюхов, Салех Натхо. Программа курсов предусматривала изучение русского языка, арифметики, истории России, истории черкесов, географии, педагогики, школьной гигиены, училищеведения. Из мусульманских дисциплин преподавались шариат, история Ветхого Завета, история ислама, черкесский язык. Курсы закончили 29 человек.

Касаясь темы религиозного образования на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX в., невозможно обойти образовательную и миссионерскую активность Османской Порты в Черкесии, которая не прерывалась и после окончания военных действий России в регионе. Школы, открытые в Кубанской области подданными Османской империи, стали организовываться с 1911 г. и действовали в аулах Панахес, Бжегокай, Тахтамукай, Шенджий, Габукай, Хакуриновский, Ульский. В школах преподавались Коран, арабский и черкесский языки. В конце 1912 г. из канцелярии Наместника Кавказского Начальнику Кубанской области было направлено секретное распоряжение сообщить сведения о турецкоподданных учителях на основании, что «в последние годы наблюдается стремление Турции направлять в пределы Кавказского края своих эмиссаров в виде мулл и учителей, что предоставление местного мусульманского населения духовному руководству подобного рода лиц может повлечь за собой самые нежелательные последствия в смысле развития панисламистский пропаганды и туркофильских симпатий»⁶¹. На основании вышедшего вскоре секретного циркуляра Начальника Кубанской области в начале 1913 г. мусульманские школы, в которых преподавали учителя из Турции, были закрыты, в них увидели источники «панисламистской пропаганды и туркофильских симпатий»⁶², преподаватели, (в 1912 году их насчитывалось 10 человек) отстранены от работы.

Таким образом, вторая половина XIX – начало XX в. были периодом серьезных изменений в положении адыгских служителей культа. Особенности восприятия русской кавказской администрацией ислама как религии, способной стать идеологией антигосударственного объединительного движения горцев, обусловили характер и динамику этих процессов. Необходимость постоянного выбора между адатом и шариатом была свойственна

российской политике в течение всего присутствия империи на Северном Кавказе. Во второй половине XIX в. сужение сферы действия шариата осуществлялось по нескольким направлениям. Социальные функции и духовная практика реализовывались при абсолютном контроле со стороны кубанских гражданских властей на всех уровнях. В судебной практике шариат вытеснялся за счет расширения применения адата и постепенного введения российского законодательства, а также путем постепенного ограничения влияния кади вплоть до выведения их за пределы духовного сословия в конце XIX в. с передачей присущих им функций надзора за низшим духовенством гражданским властям. Структурирование служителей культа, регламентированная система их выборов способствовали возможности контролировать влияние духовного сообщества на все слои адыгского общества и обеспечивать его имперскую лояльность.

В целом до 1917 г. в Кубанской области сложилась система, благоприятная для развития и межпоколенной трансляции ислама у черкесов в его региональной версии.

В советской идеологии и атеистическом дискурсе борьба с религией рассматривалась как фактор революционного преобразования мира, а религия осмысливалась как «тормоз культуры и прогресса», орудие угнетения социальных низов. Практики строительства советского атеистического государства, отделения церкви от государства, культурной революции и первых советских преобразований вели к маргинализации духовенства и провоцировали антирелигиозные движения. Эта парадигма охватывала как христианство, так и ислам, за исключением того, что целенаправленное разрушение исламских институтов началось приблизительно на десятилетие позже. Такая разница во времени объяснялась тем, что в условиях краха идеи мировой революции в Европе была сделана ставка на революционизирование Востока, а ислам пока еще, в середине 1920-х гг., рассматривался как религия союзников, угнетенных народов.

В течение 1920-х гг. в Адыгее духовенство перестало существовать как «сословие» – самые образованные служители культа были в лучшем случае рекрутированы в советские структуры, чаще в районные отделы народного образования, немалая часть была репрессирована, большинство отказалось от своих прямых обязанностей (преподавания в мечетях и культовой практики) через систему лишения избирательных прав. До 1929 г. мечети в Адыгее работали (по данным официальной статистики в 1924 г. в Адыгее в 45 аулах действовало 26 мечетей), однако источники отмечают их слабую посещаемость и удручающие факты разбора мечетей и использования стройматериалов для постройки клубов или других госучреждений. По указаниям Центра обязательным условием работы мечетей стала регистрация при них религиозной группы. Мечети, не имеющие постоянного «прихода» с определенным количеством человек, закрывались.

К концу 1920-х гг. все обязанности имамов (эфенди), кроме культовых (совершение молитв, иногда заключение брака, совершение погребального обряда), были перераспределены между государственными структурами – светскими школами, советским судом, ЗАГСами и ККОВами, куда в административном порядке передавался собираемый закят. К 1925 г. религиозных школ в Адыгее уже не было, однако случаи преподавания Корана вне школы сохранялись. Шариатские суды просуществовали примерно до 1923 г.

Современные процессы реисламизации в Адыгее определяются прежде всего наличием длительного исторического разрыва с исламской

духовной традицией, практически утраченной уже в первые десять лет советских преобразований. Возрождение ислама в 1990-е гг. происходило при полном отсутствии системы воспроизводства исламского образования и религиозных практик, характерных, например, для Дагестана. В республике не было ни одной мечети, ни действующей, ни исторически сохранившейся.

ДУМ РА и КК было образовано в 1991г. на первом съезде мусульман Адыгеи, состоявшемся в ауле Адамий. Сфера действия ДУМ простирается и на черкесов-шапсугов Лазаревского и Туапсинского районов Краснодарского края, проживающих на черноморском побережье. ДУМ РА и КК является членом Координационного Совета мусульман Северного Кавказа.

В настоящее время в Духовное управление мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края (ДУМ РА и КК) входят 12 районных религиозных организаций мусульман, а также 3 городских организации (г. Майкопа, г. Краснодара и г. Адыгейска). Открытие филиала ДУМ РА и КК состоялось в городе Краснодаре 25 июня 2010 г. По данным на 2013 г. в собственности религиозных обществ мусульман Адыгеи находится 42 мечети и 2 молельные комнаты в Республике Адыгея (здесь в настоящее время строятся две мечети – в аулах Пшичо и Афипсип) и в Краснодарском крае – 5 мечетей (аулы Кургоковский, Шхачефиж, Канокровский, Тхагапш, Большое Псеушко и строящаяся мечеть в Агое) и 5 молельных комнат (в том числе в Краснодаре, Новороссийске и Белореченске). Главная мечеть республики – Соборная мечеть Майкопа.

Отличительной чертой процессов реисламизации в Адыгее в 1990-е гг. является активное участие в них черкесов-репатриантов. В 1990-е гг. адыги-репатрианты из ближневосточных стран еще в начале 90х гг. стали первыми муфтиями, преподавали ислам, арабский язык, учили Корану, были имамами во многих мечетях Адыгеи, в т.ч. и в Соборной мечети г. Майкопа⁶³.

Мусульманское кладбище в Майкопе было открыто в 1990 г. после настойчивых обращений в Адыгейский обком КПСС и горисполком местной интеллигенции и активистов общественной организации «Адыгэ Хасэ». Формирующаяся традиция организации пространства кладбища объединила как собственно мусульманские элементы (ориентация захоронения и надгробного памятника на Мекку, коранические надписи на арабском языке), так и элементы, заимствованные из русской культуры (посадка цветов на могилах, портретные изображения на надгробных памятниках, надписи и эпитафии на русском языке, уход за могилами).

В 1990-е гг. ДУМ РА и КК большую часть своей деятельности посвящало решению обрядовых вопросов – упорядочению заключения накяха (брачного договора), регламентации похоронной обрядности (отмене сооружения оградок вокруг могил и прекращение огораживания больших участков земли для будущих семейных захоронений, отмене пышных сорокадневных поминок).

В современном исламском дискурсе Адыгеи, гораздо более сложном по сравнению с периодом 1990-х гг., тема обрядовой регламентации и конструирования новой обрядности также занимает особое место. Некоторыми имамами Адыгеи негативно была воспринята попытка возрождения традиционного весеннего черкесского Нового года, инициированная властями и интеллигенцией республики, который отмечается с 2009 г. На пятничных проповедях в некоторых мечетях раздавались слова о недопустимости участия мусульманина в праздновании, т.к. Новый год «является языческим обрядом и не имеет никакого отношения к Исламу, вследствие

чего участие в нем является харамом, то есть, запретным для мусульман»⁶⁴.

В середине 2010-х гг. в некоторых аулах появились немногочисленные группы молодых людей («бородатые»), придерживающиеся салафизма, они молятся отдельно, на похоронах они призывают аульчан не хоронить по традиционному адыгскому обряду – не раздавать вещи покойного, не жарить поминальные лепешки в течение года по четвергам, не отмечать поминки 7 и 40 дней. Средний возраст мусульман в таких группах 20–25 лет. Чтобы избежать раскола мусульманского сообщества и «вражды между жителями», в Шовгеновске, например, по разрешению муфтия такая группа мусульман молится отдельно в одной из мечетей, со своим имамом и муэдзином.

В отличие от регионов Восточного Кавказа, где де-факто существует шариатское судопроизводство, особенно при разборе дел, связанных с заключением и расторжением брака, примирением кровников, дел семейно-имущественного и наследственного характера, Духовное Управление РА и КК не поддерживает идею возрождения шариатских судов, о чем было заявлено в официальной резолюции съезда мусульман 20 сентября 1997 г.

С 1995 г. мусульмане Адыгеи и Краснодарского края возобновили хадж, посещение святых мест ислама и пророческой деятельности Мухаммада – Мекки и Медины. Данные о количестве паломников за 2003–2015 гг. обобщены мною в виде таблицы.

год	число паломников	путевки, оплаченные за счет благотворительных фондов или частными лицами
2003	23	
2004	-	
2005	5	
2006	33	
2007	36	
2008	53	7 бесплатных путевок, предоставленных генеральным директором ООО Ставропольрегионгаз Раулем Арашуковым.
2009		
2010	100	30 путевок, предоставленных Главой Чеченской Республики Рамзаном Кадыровым
2011	50	
2012	151	Все путевки оплачены Рамзаном Кадыровым из фонда Ахмата Кадырова
2013 г	42	
2014	49	Не было
2015	20	Не было

Со второй половины 2000-х гг. до 2012 гг. заметное участие в делах уммы Адыгеи принимает Глава Чечни Р. Кадыров – он оплачивает путевки в хадж, заявляет о готовности финансировать постройку второй мечети и медресе в Майкопе⁶⁵. Уровень религиозности мусульман Адыгеи различна – наиболее исламизированы Тахтамукайский район, наименее – Шовгеновский и Кошехабльский районы.

Адыгея остается едва ли не единственной республикой Северного Кавказа, где не произошло радикализации мусульман, отделения молодежных джамааатов от ДУМ РА и КК, превращения протестных настроений в оформленный протест. Вопрос о том, почему же в Адыгее не произошло радикализации мусульман, имеет принципиальное значение. Как имеет значение и то, насколько стабильна и долгосрочна такая ситуация.

1. Одним из важных является географический фактор, а именно анклавное положение Адыгеи в Краснодарском крае. Сказывается также относительная удаленность Адыгеи от региональных транспортных узлов коммуникаций. Краснодар остается главным транспортным центром, через который осуществляется и автобусное, и железнодорожное сообщение. Адыгея, таким образом, является анклавом Краснодарского края, территориально и административно удаленным от кавказских республик, где мусульманское население является преобладающим, а следование нормам ислама – определяющим при социализации личности.

2. Степень распространения ислама в Адыгее невысока. На фоне общего количества населения города Майкопа и республики практикующих мусульман в республике мало. Большая часть населения ограничивается соблюдением поста и праздников Ураза-Байрам и Курбан-Байрам, а также следует сложившимся в Адыгее традициям погребального обряда, предусматривающего специальные поминальные молитвы, соблюдение ориентации погребения на Мекку, традиции захоронения в саване и специального обустройства погребальной ниши. В месяц Рамадан соблюдение поста для большинства населения ограничивается только запретом принятия пищи в светлое время суток, без совершения намаза и других предписанных в исламе ритуальных практик.

3. Мусульмане Адыгеи слабо структурированы и политически неактивны. Политическая активность мусульман в Адыгее не проявляется в рамках самостоятельных структур – общественных организаций, тем более, политических движений. «Черкесский конгресс», основанный в 2004 г. и в настоящее время прекративший свое существование, был единственной черкесской общественной организацией (движением), в руководстве которой были практикующие мусульмане. В адыгской умме нет ярких харизматических лидеров, хотя имамы, авторитет которых высок, есть, и их влияние значительно. Однако у них нет ресурса для политической и идеологической мобилизации населения. В Адыгее нет и большого притока мусульман, получивших образование за границей, способных привнести несвойственные для региона идеи и обрядовые практики. По данным 2014 г., в ближневосточных вузах учится всего 12 человек. Известны случаи, когда мусульмане, получившие шариатское образование за границей, предпочитают не возвращаться на родину, считая пребывание в мусульманской стране безопасным для будущего детей и для сохранения и укрепления веры.

4. О слабом значении ислама в жизни республики свидетельствует и то, что исламская риторика не используется в «дискурсе власти» как инструмент ее легитимизации. Глава республики А. Тхакушинов, как и

прежние президенты А. Джаримов и Х. Совмен, ограничиваются ритуальными официальными поздравлениями мусульман с двумя главными праздниками мусульманского календаря и посещением в праздничные дни Соборной мечети Майкопа. В отличие от глав республик восточного Кавказа, где исламский дискурс является частью «сценариев власти», президенты Адыгеи Х. Совмен, А. Тхакушинов не совершали намаз, не посещали хутбы, не совершали хадж, не жертвовали больших средств на мечети и мусульманскую благотворительность. В Адыгее нет и общемусульманской региональной площадки в виде регулярных мусульманских форумов и конференций, что характерно, например, для Чечни и Дагестана.

5. Светский сегмент и светское образование остаются в Адыгее востребованным и относительно сильными. При общем системном кризисе образования АГУ остается активно развивающимся университетом, с сохранившимися на некоторых факультетах традициями комплексного образования, дипломы которого конвертируются на региональном рынке. Он обладает определенным рекрутским потенциалом, на некоторые специальности и факультеты имеется массовый запрос. В условиях политического кризиса и политического напряжения на Кавказе университет скорее выполняет социально-стабилизирующую роль и выступает как инструмент социальной политики, способный сдерживать тенденции молодежного радикализма, т.е. завлечь молодых людей в аудитории и усадить за парты.

6. Силовики в Адыгее в 2000–2010-е гг. были не так жестки, как в Дагестане и в Кабардино-Балкарии, и, за редким исключением, оставались в правовом поле. Они удержались от массовых задержаний людей, внешность которых указывала на следование исламу (борода, короткие штаны, хиджаб с закрытым подбородком), от внесудебных преследований, пыток мусульман, закрытия мечетей, массовых задержаний верующих и изъятия книг из мечетей и домов мусульман. Тем более, от насильственного сбривания бород и физического насилия над женщинами в хиджабе. Описанные мной выше случаи задержания и увольнения носили единичный характер.

7. Одна из ключевых причин отсутствия радикализации ислама в Адыгее заключается в том, что тема противостояния Адыгэ Хабзэ и Ислама как конкурирующих идеологий не получила здесь своего дальнейшего развития, как в КБР, и не вылилась в противостояние сторон. По данным социологического исследования, проведенного в 2010–2011 г. АРИГИ, ответы, полученные на вопрос о соотношении адыгства и ислама коррелируют с ответами, полученными на вопрос о соотношении Адыгэ Хабзэ («адыгского закона») и Шариата. Большинство респондентов (56%) указало, что для них нормы Адыгэ Хабзэ предпочтительнее. Около 30 процентов сочло, что Адыгэ Хабзэ совместим с Шариатом. Только 6% считают, что Шариат предпочтительнее⁶⁶.

Дискурс органичного взаимодействия ислама и Хабзэ занимает особое место в проповедях и хутбах имамов Адыгеи. Среди мусульман Адыгеи удалось погасить межпоколенческое напряжение, еще 10 лет назад грозившее перерасти в межпоколенческий и внутриконфессиональный конфликт.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кажаров В.Х.* Адыгская Хаса. Нальчик, 1992. С. 91–105 и др.
2. Князья и дворяне трех степеней составляли феодальную верхушку в структуре адыгского общества. Особым почетом и влиянием в «аристократических племенах» пользовались князья. Их преимущества и привилегии, закрепленные адатом, были значительно шире, чем у дворян.
3. *Мехкеме* (ар. махкама) – суд.
4. *Уздень* – термин тюркского происхождения, которым обозначались в Дагестане свободные крестьяне-общинники, составлявшие подавляющее большинство крестьянства. С XVI в. применялся русской администрацией и к служилому феодальному сословию (уркам), а в XVIII–XIX вв. вошёл в обиход адыгов, кабардинцев и др. Чаще всего уздени находились в экономической и политической зависимости от феодалов. Часть узденей выдвигалась в ряды феодальной верхушки, некоторые превращались в зависимых крестьян.
5. В Бжедугии с начала 1820-х гг. прошло несколько народных собраний, установивших шариятский суд и отчисления в пользу князя в размере десятой доли урожая.
6. *Дефтер* (от турец.) – тетрадь, общее название реестровых книг разного содержания.
7. *Наиб* (араб. – заместитель, уполномоченный, наместник) – в некоторых мусульманских странах заместитель светского, духовного главы. Применение в русском языке термин получает во время Кавказской войны), когда предводитель антиколониального движения горцев Шамиль создал военно-теократическое государство – имамамат. Имамамат делился по территориальному принципу на наибства, во главе которых стояли наибы. Наибы осуществляли военно-административную власть, контролировали соблюдение норм шариата, назначали начальников сотен и пятисотен, духовных лиц (муфтиев), наказывали за проступки.
8. *Каменев Н.* С. 107.
9. *Шехник* – по мнению Ш. Ногмова, это слово кабардинского происхождения «щихъанагъ», переводится как «епископ» или «святой владыка». Ногма Ш.Б. Кабардинские народные исторические песни и сказания // Ногма Ш.Б. Филологические труды. Нальчик, 1956. Т. 1. С. 46–47. По мнению Г. Турчанинова, подготовившего к печати труд Ш. Ногмова, «этимология слова совершенно ясна. Оно состоит из заимствованного персидского шейх – святой и старинного кабардинского нагъ – владыка, властвующий».
10. *Дубровин Н.* Адыги (черкесы). Краснодар, 1991. С. 31.
11. *Дубровин Н.* Там же.
12. *Лонгворт Д.* Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 175.
13. *Латинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 88.
14. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 75.
15. *Там же.* С. 85.
16. *Губжоков М.Н.* Религиозное сознание адыгов // Религиозные верования адыгов. Хрестоматия исследований. Майкоп, 2000. С. 555–557.
17. Все адыгские служители культа назывались эфенди. Данный термин, по видимому, был заимствован из Турции, где он в качестве формы обращения охватывал очень широкий круг лиц – наследников султанского дома, с XVIII в. – образованных людей, в т.ч. чиновников, высших армейских офицеров, религиозных авторитетов. В адыгской среде, как и у тюркских народов Северного Кавказа, это обозначение применялось только внутри духовного сословия, таким образом подчеркивались почетность и престижность положения служителей культа в социальной структуре адыгского общества. Efendi (тур.) от греч. authentēs – повелитель, господин. См. Большой турецко-русский словарь / Büyük Türkçe-Rusça Sözlük. М., 1998.

18. *Думанов Х.М., Кетов Ю.М.* Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX века. Нальчик, 2000. С. 58.

19. Существование медиаторских судов у западных адыгов фиксируется письменными источниками уже в XVI в. В пореформенное время медиаторский суд не был постоянно действующим судебным органом. Он разрешал споры только по заявлениям участников конкретной спорной ситуации или их родственников. Для проведения судебного заседания необходимо было выбрать не менее пяти судей (медиаторов): по два судьи от каждой конфликтующей стороны (лъыкӀуэ) и одного нейтрального судью-посредника. Участники конфликта сами выбирали своих медиаторов. Средний возраст медиаторов составлял 50 лет, это были люди, обладавшие хорошей репутацией, хорошим знанием адыгэ хабзэ. Адыги часто выбирали в качестве медиаторов сельского эфенди; если конфликт произошел между лицами из привилегированных сословий, то медиаторами выбирались люди из этого социального круга. См. *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1996-е гг.). М., 1999.

20. *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1996-е гг.) М., 1999. С. 79.

21. *Дубровин Н.* Указ. соч.

22. Маслагат (ар. маслахат) – управление.

23. *Кешев А-Г.* Записки черкеса. Нальчик, 1988. С. 15.

24. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 524.

25. ГАКК. Ф. 779. Оп. 1. Д. 4. Л. 40.

26. *Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 174.

27. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 122.

28. Образ таких слугителей культа – хитрых и корыстолюбивых – сохранился в беспристрастных пословицах и сказках. См., например, такие пословицы: Ефэндымэ «Торэр шгьушӀэ, тшӀэрэм шгьуемыплӀэ» аӀо – Эфенди говорят: «Делайте то, что мы говорим, не обращайтесь внимания на то, что мы делаем»; ефэндым «къахьыр» ешӀэ, ау «махьыр» ышӀэрэп – Эфенди знает только «дай», но не знает, что такое «возьми».

29. Свод законов Российской империи. Т. IX. Ч. 1. СПб., 1896. С. 9, 246.

30. См. *Арапов Д.Ю.* Имперская политика в области государственного регулирования ислама на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. // Ислам и право в России. М., 2004. Вып. 1.

31. ГАКК. Ф. 454. Оп.2. Д. 1505. Л. 23.

32. ГАКК. Ф. 454. Оп.2. Д. 1505. Л. 11.

33. ГАКК. Ф. 454. Оп.1. Д. 5765. Л. 5.

34. ГАКК. Ф. 454. Оп.1. Д. 5765. Л. 5.

35. НАРА. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 10. Л. 121.

36. *Трахов Л.Н.* (1856–1914) – один из первых адыгских предпринимателей в Кубанской области. Член попечительских советов, екатеринодарских и общероссийских благотворительных организаций «Общество борьбы с нищенством», «Красный крест». На свои средства построил каменные мечети в 3 аулах, училище при мечети а ауле Шенджий, помогал адыгам в финансировании хаджа, оказывал денежную поддержку екатеринодарской городской больнице, поощрял школьное образование. Вместе с сыновьями активно работал в Черкесском благотворительном обществе г. Екатеринодара, организованном в 1912 г. для оказания материальной и гуманитарной помощи соотечественникам. См. о нем *Бузаров Аз.К.* У истоков частной благотворительности в Адыгее // Благодарение (Тхьам инэшӀу). 1997. № 1 (79).

37. Представители низшего духовенства в русских источниках назывались по-разному – эфенди, имамы, муллы, хатыпы.

38. Словесный суд – суд, в котором разбирательство идет на словах // *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1956. С. 22.

39. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 245. Л. 5.
40. Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1892. С. 10.
41. Там же. С. 14.
42. Записка и.об.обер-прокурора общего собрания и соединенного присутствия Первого и кассационных департаментов Правительствующего сената сенатора Н.М. Рейнке об устройстве судебной части для горского населения областей Кубанской, Терской, Карской, Батумской, Дагестанской и округа Закатальского // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. СПб., 2005. С. 537.
43. Рейнке Н. Горские и народные суды... С. 13.
44. Рейнке Н. Горские и народные суды Кавказского края. С. 37.
45. К маловажным поступкам относятся – порча разными вредными веществами воды в речках, канавах и колодцах, продажа испорченных съестных припасов, неподача просимой помощи при наводнении, пожаре и тому подобном происшествии, обида словом в церкви и мечети и общенародно, удар другого рукою, ногою, палкою или иным подобным орудием, без причинения увечья; злоумышленная запашка или потрава чужого поля, порча забора, изгороди и тому подобного, употребление при продаже иных аршинов, весов и мер, а не тех, кои установлены законом, обмер и обвес, необъявление о забеглом скоте из других селений и намерение при этом воспользоваться чужой собственностью, необъявление об имуществе заведомо краденом, необъявление о находке чужой вещи, платья и денег, злоумышленная растрата работником или приказчиком хозяйственного имущества. Воровство-кража и воровство-мошенничество, когда цена краденого или присвоенного обманом не превышает десяти рублей и когда сие учинено в первый или второй раз. Без всяких увеличивающих вину обстоятельств. ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1. С. 406.
46. Там же. С. 539
47. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5294. Л. 40б.
48. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 764. Л. 48 об.
49. Люди, учившие арабский язык // Адыгэ макъ. 2003. № 15.
50. К сожалению, доступные нам источники не содержат сведений о числе мечетей в этот период, поэтому мы не можем судить о достаточности или недостаточности служителей культа. Некоторые выводы позволяют сделать сообщение участкового начальника над горцами атаману Екатеринодарского отдела от 2 апреля 1893 г. о том, что в каждом обществе Екатеринодарского отдела столько же мулл, сколько и мечетей. (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5294. Л. 3.)
51. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5294. Л. 88.
52. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5549. Л. 20.
53. Васильков В.В. Очерк быта темиргоевцев // Ландшафт, экономические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX–начале XX в. Нальчик: Эль-фа, 2004. С. 580–581.
54. Налоев З.М. О восточном культурном канале // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX в. (Материалы конференции 28–29 марта 1974 г.) Нальчик, 1976. С. 145–165.
55. Кавказский учебный округ. Петроград, 1914. Вып. XI. Ч. 1. С. 6.
56. Бузаров А.К. Отклики джадидизма на Северном Кавказе и генезис черкесской новометодной школы // Информационно-аналитический вестник. Серия История. Этнология. Археология. Майкоп, 2002. № 5. С. 304.
57. Подробнее о деятельности этого центра см. Кумыков Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине – начале XX века. Нальчик, 1996.
58. Налоев З.М. Указ. соч. С. 151.
59. Унаркова Р. Кяхское культурно-просветительское движение начала века // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Майкоп, 1995. Вып. 9. С. 218.

60. Сиюхов С. Первые черкесские учительские курсы // Сиюхов С. Избранное. Нальчик, 1991. С. 365.

61. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5717. Л. 33–33 об.

62. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1459. Л. 14, 29, 30.

63. Мос Чениб (родился в Иордании), первый муфтий Республики Адыгея и Краснодарского края; Ахмед Тлипий (родился в Израиле) – военный в отставке, имам г. Майкопа и преподаватель арабского языка в Адыгейском госуниверситете (1993–1996 гг.), участвовал в первых передачах на Адыгейском ТВ об исламе; Фаиз Усман (Аутлев) (родился в Сирии) – с 2000 г. возглавлял Исламский центр «Читай!» при Соборной мечети г. Майкопа, редактор первого смыслового перевода Корана на адыгейский язык, выпускал книги и брошюры по основам Ислама на адыгском и русском языках; Абази Неджмедин (родился в Милошево, Югославия) – главный имам Республики Адыгея и Краснодарского края и первый заместитель муфтия, преподавал в мечети Адыгейска и в аулах Теучежского, Тахтамукайского районов и г. Краснодаре основы ислама и арабский язык; Нихад Тешев (родился в Сирии) – с 1997 года старший имам Соборной мечети г. Майкопа; Ахмед Пшипий (родился в Сирии) – имам в п. Энем; Фахри Хуаж (родился в Турции) – некоторое время был имамом Майкопа, читал пятничные проповеди; Нефин Махош (Абид) (родилась в Сирии) – обучала женщин и детей арабскому языку и основам ислама.

64. Ролик «Анзор Дзеукожев про так называемый Новый год». Вконтакте. Группа «Духовная Черкесия».

65. В 2007 г. Р. Кадыров подарил бесплатные путевки в хадж каждому муфтию из республик С.К. и еще шесть путевок, которые муфтий распределял в своем субъекте сам. 9 человек (из них 7 человек – молодые мусульмане) совершили малый хадж, умру. путевки финансировал Рамзан Кадыров. См. Дорогой подарок для мусульман // Свет, 2007. № 9 (23). октябрь. В течение 2011–2012 гг. Глава Чеченской Республики выделял для ДУМ РА и КК, а также всем регионом Северного Кавказа по 10–12 тонн муки, сахара и риса. В 2011 году 36 тонн благотворительной помощи поступило из Чечни, из которых 8 тонн было отдано пострадавшим от наводнения аулам в Адыгее. Из благотворительного фонда Ахмата Хаджи Кадырова по случаю Ураза-Байрама для мусульман Адыгеи и Краснодарского края они привезли 50 тонн продуктов питания (сахар, рис, мука) и 3 тыс. бутылок воды из Священного источника «Зам-зам», как и во все регионы Северного Кавказа. См. Чеченская делегация посетила Адыгею // Свет. №6(64). август–сентябрь 2012. Делегация мусульман Адыгеи во главе с муфтием Емижем участвовала в торжествах по случаю 20-летия образования Духовного управления Чеченской Республики. Тогда же Рамзан Кадыров заявил о готовности субсидировать строительство второй мечети в г. Майкопе. См. Актуальные встречи // Свет. № 1 (59). январь 2012. В 2015 году мусульмане Адыгеи получили от Р. Кадырова 13 тонн риса, 13 тонн сахара, 40 тонн муки. Код доступа <http://dumraikk.ru/musulmane-adygei-i-krasnodarskogo-kraja-poluchili-gumanitarnuyu-pomoshh-ot-glavy-chechenskoj-respubliki>. Дата обращения 20.05.2015.

66. А. Ханыху, О.М.Цветков. Исламская община в Адыгее: внутренняя динамика и перспективы эволюции (по итогам социологического исследования) // Вестник АГУ. Серия 1. Регионоведение. Философия. История. Социология. Юриспруденция. Политология. Культурология. 2012. № 1.

NAIMA A. NEFLIASHEVA

ISLAM OF THE WESTERN CIRCASSIANS

The article gives an overview of the history of the islamization of Western Adyghe. At the early stage Islam competed with the ideology of Adyghe Khabze. Adyghe perceived the moral norms

of the new religion that did not contradict their basic institution. During the Caucasian War Islam became an ideological tool for opposing the Russian Empire. After the Circassia was conquered status and social roles of Adygh's imams were changed. Russian Caucasian administration argues that Islam could become an ideology of the anti-state actions. In the second half of the XIX century the scope of the Sharia was limited in several ways. Islamic institutions (Sharia courts, Muslim education, Hajj, mosques) among Western Circassians were structured under the influence of new regional authorities, and boundaries of their competences were defined in current documentation. The effendi's social functions and spiritual practice were realized under absolute control by the Kuban civil authorities. The article analyzes the processes of interaction between Islam and Soviet power in the 1920s; at that time all Islamic practices were curtailed, and imam's duties were transferred to Soviet structures. In conclusion, the author outlines the peculiarities of the re-Islamization of the Western Adyghs in the 1990s, and also pays attention to the lack of Islamic radicalization in the modern Adygheya.

Key words: Adygheya, Islam, Caucasian War, Muslim education, radicalism.

Х.С. Кушков
(г. Нальчик)

ОДИН НАРОД ОДНО ИМЯ

В статье рассматриваются актуальные проблемы национальной идентификации черкесов. Дается характеристика основных этнообразующих признаков черкесского этнического социума. На основе анализа структуры идентичности делается вывод об этническом единстве современных кабардинцев, адыгейцев и черкесов, внешним выражением которого являются этнонимы как важнейшие идентификаторы национального самосознания.

Ключевые слова: этнос, идентификация, идентичность, этноним, эндоэтноним, экзоэтноним, этническая парциация, архетипы сознания, этнопсихология, язык, диалект, расовые признаки, этническая общность.

Обращаясь к проблемам народа, называющего себя «адыгэ», и известного остальному миру – как на Западе, так и на Востоке – под именем черкесов, мы хотели бы затронуть лишь один аспект. Разумеется, это не самая важная в ряду задач, стоящих перед народом, пережившим в XIX в. трагедию массового изгнания с исторической родины. Вместе с тем мы убеждены, что скорейшее решение хотя бы одной проблемы, сыграет чрезвычайно важную роль для возрождения веры людей в историческую справедливость, консолидации и нравственного оздоровления общества.

Речь идет об историческом феномене, если не сказать казусе, когда этнос, имеющий единое самосознание и самоназвание оказался искусственно разделенным на три народа, именуемых в официальной литературе на русском языке кабардинцами, адыгейцами и черкесами.

Сейчас не время вдаваться в детали о том, с умыслом было это сделано или по недоразумению. Гораздо важнее выяснить: имеются ли сколько-нибудь объективные научные основания для подобной этнической парциации (разделения одного этноса)?

Прежде всего, надо выяснить, что мы должны понимать под термином «народ» или «этнос». По формулировке академика Ю.В. Бромлея, «этнос представляет только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей»¹. Другими словами, важнейшими характеристиками этноса является осознание своего группового единства определенной человеческой общностью, т. е. наличие этнического самосознания, внешним выражением которого является общее самоназвание (этноним).

Адыги относятся к наиболее древним этносам нашей земли – его этногенетические корни уходят в глубь тысячелетий. Однако сейчас с уверенностью можно говорить, что уже к X веку нашей эры на обширной территории Северо-Западного Кавказа сложилась единая адыгская народность. Для сравнения укажем, что единая итальянская этническая общность начала складываться в 11–13 вв., однако окончательно этот процесс завершился лишь во второй половине XIX в. Французское этническое единство начало складываться в XII–XIV в. и закончилось в XVI в. Завершение процесса формирования грузинского этноса приходится на XII – XIII вв. и т.д.

Таким образом, наш народ последние, как минимум, 10 веков осознает себя единым этническим организмом, выражая это в самоназвании «адыгэ».

Вместе с тем, разумеется, конкретные сферы объективного существования характерных для этноса свойств не сводятся только к их самосознанию и самоназванию, сколь устойчивыми и важными они не были. Среди важнейших этнохарактеризующих признаков в этнографической науке выделяют еще общность территории, культуры (в т.ч. язык), психики, расовое или антропологическое сходство.

Ареалом расселения адыгов на протяжении последних не менее семи тысяч лет является территория Северо-Западного Кавказа, от побережья Черного и Азовского морей на западе, до бассейна рек Терека и Сунжи – на Востоке. В различные исторические эпохи она, то сокращалась, то расширялась, но, в основном, оставалась территорией формирования и проживания адыгского этноса. После столетней губительной Кавказской войны и депортации черкесов с родины, они потеряли большую часть своей исторической и этнической территории. Вместе с тем лишилась территориальной целостности и оставшаяся на родине небольшая часть этноса. Однако территориальная разобщенность народа, впоследствии официально закрепленная провозглашением трех отдельных автономных образований на единой прежде территории, не изменила ни единого этнического самосознания, ни общего самоназвания народа. Иначе и быть не могло, так, как справедливо отмечает тот же Ю.В. Бромлей, «следует четко разграничивать территориальную целостность как условие возникновения этноса и как фактор его существования»².

Известные советские этнографы Н.Н. Чебоксаров и С.А. Арутюнов также отмечают, что, выступая в качестве важнейшего условия формирования этноса, территория не является строго обязательным фактором воспроизводства всех его частей. Это можно подтвердить случаями, когда носители одного этнонима, проживающие на отдаленных друг от друга территориях и даже в разных странах из поколения в поколение сохраняют свою национальную принадлежность. Например, черкесы в России и за рубежом, евреи, разбросанные по всему миру, армяне в России, США и Сирии, украинцы в России, Канаде и Чехии и т.д.

Важное место исследователями-этнологами, как у нас, так и за рубежом, в качестве этнического определителя, отводят культуре. Именно особенности культуры, как материальной, так и духовной, а также язык, выступают, наряду с самосознанием и самоназванием, в качестве важнейших признаков, отличающих ту или иную нацию. Правда, давно замечено, что ни один из компонентов культуры не является непременно этно-дифференцирующим признаком. В одних случаях – это язык, в других – религия, в третьих – этикет, нормы поведения и т.д.

Черкесы, как и любой народ, в свою очередь, подразделяются на этнические образования разного таксономического ранга. Один и тот же человек может считать себя кавказцем (метаэтнос), черкесом – (этнос) и кабардинцем или шапсугом (субэтнос – низший таксономический ранг в этнической иерархии). Традиционно черкесский этнос состоял из ряда таких субэтносов: кабардинцев, бесленеевцев, махошевцев, мамхеговцев, темиргоевцев, бжедугов, егерухаевцев, хатукаевцев, абадзехов, натухайцев, шапсугов, убыхов. Но, несмотря на локальные различия, на всей территории Черкесии прослеживается поразительное типологическое единство буквально во всех компонентах культуры. Общеадыгская этническая

специфика проявляется в народном искусстве и фольклоре, традициях и обычаях, обрядах и этикете, поселениях, жилище, пище и т.д.

Смеем утверждать, что адыги обладают и определенной языковой общностью. Любой адыг, будь то в Шапсугии, Бжедугии или Кабарде, язык свой называет – адыгабзэ. Определенные диалектные различия обычно нивелируются единым литературным языком. Однако в начале 20-х годов, в период создания письменности, в основу литературного языка для западных адыгов был положен темиргоевский диалект, а в Кабарде и Черкесии – кабардинский. Естественно, это не вело к языковой консолидации, а, наоборот, законсервировало диалектные различия.

Среди многочисленных проблем, охвативших нашу страну, кризис сфер национальных и межнациональных отношений является одним из наиболее острых. В поиске оптимальных путей решения национальных проблем важно участие науки, которая призвана и может дать объективную картину того или иного явления, способна предостеречь от повторения ошибок прошлого, помочь избежать субъективизма и предвзятости.

Для примера отметим, что без посредства единого литературного языка не могли бы понять друг друга и общаться баварец с саксонцем, иорданский араб с египетским, северный китаец с южным и т.д. В то же время диалектные различия и отсутствие общечеркесского литературного языка не являются препятствием для общения между представителями различных субэтносов.

Определенное устойчивое единство психического склада, национального характера также всегда отличало адыгов как народ от других этнических общностей. Об этом много написано. Отметим лишь, что соседние народы, путешественники, исследователи и противники отмечали в черкесах такие важнейшие характерны качества как мужество.

Таким образом, анализ основных этнодифференцирующих признаков, принятых в науке, убедительно доказывает, что общность людей, именующих себя адыгэ, а в официальной литературе на русском языке определяемых кабардинцами, адыгейцами и черкесами, представляет собой единый этнический организм, т.е. является одним народом.

Следовательно, один народ должен именоваться и единым именем. На деле же этого нет. Парадоксальность и уникальность подобной ситуации очевидна. Ни в нашей стране, ни где-либо в мире нет случаев, когда единое самоназвание этноса на другом языке одновременно обозначалось тремя различными этническими дефинициями и тем самым делался вывод о существовании трех самостоятельных народов.

Напротив, известно немало случаев, когда ряд родственных этнических общностей, но имеющих различные самоназвания, идентифицируются как один народ. Например, как мордва на русском языке известны как те, кто на своем языке называет себя мокша, так и те, у кого самоназвание – эрзя. Часть осетин определяют себя как ирон, другая – дигорон. Балкарцы имеют самоназвания малкъарлары и таулу. Грузинами записаны мегрелы, сваны и аджарцы, у которых свои самоназвания, и которые еще по всесоюзной переписи населения 1926 г. определялись самостоятельными народами и т.д.

Что касается единого названия нашего народа на русском (понятно, на родном языке этой проблемы нет) языке, то обычно говорят о двух этнонимах – черкес и адыгэ (в руссифицированной транскрипции – адыг).

В этом смысле адыгэ – это эндоэтноним, а черкес – экзоэтноним.

Несовпадение самоназвания с иноязычным наименованием народа широко распространенное явление, Так армяне называют себя «хай», грузины – «картвели», чеченцы – «нохчий», ингуши – «галгай», абхазы – «апсуа», якуты – «саха», греки – «эллинес», албанцы – «шкиптар», финны – «суоми», ирландцы – «эриннах» и т.д. Нередко экзоэтнонимы не только отличаются от этнонима – самоназвания (эндоэтнонима), но и друг от друга. К примеру, народ, имеющий самоназвание «дойч», по-русски именуется «немцы», по-английски – «джёмен».

Экзоэтноним адыгов весьма устойчив – на протяжении семисот лет под именем «черкес» наш народ известен соседним кавказским народам и в России, в Европе и Азии. Одним словом, этнической общности с самоназванием «адыгэ» должен быть возвращен этноним «черкес», как единственно приемлемый иноязычный синоним самоназвания. Детерминирование черкесов в официальной литературе на русском языке, переписях населения и т.д. этнонимами «кабардинец» («кабардинка») и «адыгеец» («адыгейка») ничем не оправдано и лишено всякой логики. Немаловажно и то обстоятельство, что большая часть нации – миллионы наших соотечественников в различных странах мира – также определяются этнонимом черкес. Наконец, огромную роль в оптимизации и гармонизации национального сознания играет такая категория, как историческая память. И именно под именем черкесов зафиксирована в ней нация, оставившая в истории заметный и достойный след.

Все это позволяет говорить об этнической общности людей, называющих себя адыгэ, как о едином этносе. Во всем мире принято один народ именовать единым именем. Таким единым официальным этнонимом для этнического определения на русском языке кабардинцев и адыгейцев должен быть только «черкес». Считаю, что такая акция будет справедлива не только с научной точки зрения и здравого смысла, но и сыграет оптимизирующую и консолидирующую роль для нашей нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 56.
2. Бромлей Ю.В. Указ. соч. С. 50.

ONE PEOPLE, ONE NAME

H.S. KUSHHOV

In this work actual problems of national identification of Circassians are considered. The characteristics of the basic ethnos – forming features of Circassian ethnic society are presented. On the basis of the analysis of structure of identity the conclusion is made about ethnic unity of modern Kabardins, Adyghes and the Circassians, external expression of which are the ethnonims as the major identifiers of national consciousness.

Key words: ethnos, identification, identity, ethnonim, endoethnonim, exoethnonim, ethnic partition, consciousness archetypes, ethnopsychology, language, dialect, racial signs, ethnic generality.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бгажноков Барасби Хачимович, заведующий сектором древней истории и археологии КБИГИ, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки КБР (Нальчик).
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел. 8 (8662) 42-19-26.
E-mail: kbigi@mail.ru

Фоменко Владимир Александрович, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии КБИГИ, кандидат исторических наук, доцент.
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел. 8 (8662) 42-42-74.
E-mail: kbigi@mail.ru

Кодзоев Нурдин Даутович, заведующий отделом ингушской истории Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия.
386001 г. Магас, пр. Зязикова, 4.
Тел. +7(928) 092-98-15.
E-mail: fpniki@mail.ru

Бурков Сергей Борисович, СНС отдела систематизации археологических материалов ГБУ «Институт истории и археологии РСО-А».
362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46.
Тел. +7(928) 098-80-42.
E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru

Артамонов Владимир Алексеевич, старший научный сотрудник ФГБУН Институт российской истории РАН, кандидат исторических наук.
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
Тел.: +7(499) 126-94-22.
E-mail: voencentririran@yandex.ru

Джумагулова Айгуль Темерхановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» филиал в г. Ессентуки.
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, 7.
Тел.: +7(928) 350-81-99.
E-mail: aigul-men@mail.ru

Нефляшева Наима Аминовна, к.и.н., ст.н.с. Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. Эксперт Совета по делам национальностей при Правительстве Москвы.
123001, г. Москва, ул. Спиридоновка 30/1.
Сл. тел. +7(495) 695-33-11.
innef@mail.ru

Кушхов Хусейн Сагидович, к.и.н., проректор по стратегическому развитию и международным связям Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, кандидат исторических наук.
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.
Тел.: +7(8662)-42-27-57.
E-mail: prorektor-ms-sr@yandex.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head sector of the ancient history and archeology of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, assistant professor, senior researcher of the ancient history and archeology sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Kodzoev Nurdin Dautovich, head of Department of the Ingush History of the Ingush Research Institute of the Humanitarian Sciences named after Ch.E. Akhriev, Honored Scientist of Ingushetia republic.

4 Zyazikov Avenue
Magas 386001
Ph. 8-928-092-98-15
E-mail: fpniki@mail.ru

Burkov Sergey Borisovich, senior research assistant of the Unit of Systematization of Archeological Materials of the State Budgetary Institution «Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania».

46 Vatutina Street
Vladikavkaz 362025
Ph. 8-928-098-80-42
E-mail : sergeyburkov59@yandex.ru

Artamonov Vladimir Alekseevich, Senior Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Candidate of Historical Sciences.

117292, Moscow, st. Dmitry Ulyanov, 19.
Ph.: (499)126-94-22.
E-mail: voencentririran@yandex.ru

Dzhumagulova Aigul Temerhanovna, candidate of historical sciences, assistant professor, law and social sciences «Stavropol state pedagogical institute» branch in Essentuki.

357600, Stavropol Territory, Yessentuki, St. Valley of Roses, 7.
Tel.: +7 (928) 350-81-99.
E-mail: aigul-men@mail.ru

Naima A. Nefliasheva, PhD (Histori), Senior Research Fellow, Centre for Civilisational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (innef@mail.ru).

123001, Moscow, Spiridonovka 30/1
Tel.: +7(495) 695-33-11.
E-mail: innef@mail.ru

Kushkhov Hussein Sagidovich, Candidate of Historical Sciences, Vice-Rector for Strategic Development and International Relations of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

360004 Nalchik, st. Chernyshevsky, 173, KBSU.
Ph.: 8-8662-42-27-57.
E-mail: prorektor-ms-sr@yandex.ru

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

ВЫПУСК
9

Макет и техническое редактирование
З.З. Сокуровой

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 28.12.2019 г. Формат 70x108 ¹/₁₆. Palatino Linotype
Усл. печ. л. 6,9. Тираж экз. (1-й завод – 70). Заказ № 247

THE INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH –
Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment
«Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin's street
Ph.: 8 (8662) 42-50-94
e-mail: kbigi@mail.ru

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного
учреждения «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел. 8 (8662) 42-50-94
e-mail: kbigi@mail.ru